

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное образовательное
учреждение высшего образования

«Пермский национальный исследовательский
политехнический университет»

Кафедра социологии и политологии

Пермское отделение Российского общества социологов

**СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ,
МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

*Материалы XV (заочной) Всероссийской научной конференции,
посвященной памяти профессора З.И. Файнбурга*

Пермь, ноябрь 2016 г.

Издательство
Пермского национального исследовательского
политехнического университета

2016

УДК 316.3
ББК С534+С542.2
С56

Рассматриваются философские, социальные, культурные, политические и другие аспекты трансформации российского общества, анализируются особенности переходных процессов, динамика реформ, перспективы и направления решения социальных проблем.

Предназначено для социологов, философов, экономистов, политологов и всех, кто интересуется судьбой России.

Редакционная коллегия

В.Н. Стегний – ответственный редактор;
Г.В. Разинский – ответственный секретарь;
В.В. Левченко

Материалы включены в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

ЗАХАР ИЛЬИЧ ФАЙНБУРГ
доктор философских наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К.А. Антипов</i>	
Противоречия в развитии студенческого самоуправления в современных российских вузах	10
<i>Г.А. Банных, В.В. Сулимин</i>	
Факторы развития патриотизма учащейся молодежи	15
<i>Л.И. Белова</i>	
Основные тенденции формирования общественного мнения (на основе изучения комментариев медиапользователей)	24
<i>О.В. Борисова</i>	
Социальные статусы и роли как инструмент изучения агрессивности в современном обществе	31
<i>А.Д. Боронников</i>	
Функциональное значение культурного капитала пермских семей в процессах социальной адаптации к современным условиям городской жизни	35
<i>В.Ю. Бочаров</i>	
Состояние системы техники безопасности на российских промышленных предприятиях	43
<i>В.А. Бурко</i>	
Социологические индикаторы системы управления территорией. Достижения и проблемы	51
<i>О.А. Бурова</i>	
К вопросу о субъектности наемных работников.....	57
<i>Ю.М. Вассерман</i>	
Модернизация культуры студентов и их уровня религиозности.....	62
<i>И.В. Вицентий</i>	
Проблема интолерантности в политической культуре населения Мурманской области	69

<i>Н.А. Войнова</i>	
Социология и здравый смысл.....	76
<i>Н.В. Вяткина</i>	
Особенности профессиональной деятельности менеджеров среднего звена в современном российском обществе.....	80
<i>М.А. Геташвили, Э.Б. Коцеев</i>	
Образовательные стратегии выпускников школ г. Перми (опыт пилотажного исследования).....	86
<i>А.А. Гусева, Ю.М. Вассерман</i>	
Большие данные – новый этап дигитализации социологии.....	93
<i>М.А. Денисенко</i>	
Влияние современных мультсериалов на детей дошкольного возраста.....	101
<i>Ю.В. Денисов</i>	
Специфика социальной мобильности в современном обществе.....	107
<i>М.К. Дуванская</i>	
Социальные факторы удовлетворенности браком.....	113
<i>З.П. Замараева</i>	
Социальная защита населения: современный аспект.....	120
<i>Э.И. Исянгулова</i>	
Образовательные установки населения крупного города: оценка и стратегии.....	128
<i>М.Б. Колесниченко</i>	
Феномен визуализации в информационном пространстве.....	134
<i>И.А. Комелькова</i>	
Социологический анализ потребительских предпочтений при анализе кредитного поведения населения.....	140

<i>Л.Н. Курбатова, Т.П. Казанцева, Е.И. Носкова</i> Деньги: миф, иллюзия, реальность.....	152
<i>Е.А. Лазукова</i> Востребованность социологии.....	162
<i>В.В. Левченко</i> Взаимосвязь состязательности и отношений совместности в коллективах медицинских работников	166
<i>О.Н. Некрасова</i> Семейно-брачные ориентации и установки современной молодежи	171
<i>С.П. Парамонова, А.В. Плискина</i> Меритократическая оценка неигрового документального кино на пермской «Флаэртиане».....	176
<i>Ю.М. Пасовец</i> О направлениях развития системы подготовки резерва управленческих кадров в современных российских условиях	187
<i>Е.А. Питкевич</i> Роль средств массового воздействия (фильмы жанра «ужас») в формировании сознания и поведения подрастающего поколения	196
<i>А.В. Плискина</i> Меритократический аспект политического стимулирования в российском обществе.....	202
<u><i>В.В. Прокин</i></u> Институциональная среда инновационной активности в регионе	208
<i>С.А. Рагозин</i> Профессиональные карьерные установки жителей России	221
<i>Г.В. Разинский</i> Студенческое самоуправление: за и против	228

<i>А.В. Рыбьякова</i>	
Факторный анализ политической активности молодежи (по результатам опроса студентов фармацевтической академии).....	236
<i>Г.И. Селеткова</i>	
Мотивация участия в предпринимательской деятельности и социально-профессиональная идентификация предпринимателей	243
<i>Н.С. Смольников</i>	
Наука о социальной жизни	248
<i>В.Н. Стегний</i>	
Факторы, препятствующие развитию студенческого самоуправления.....	256
<i>Н.Г. Северова, В.В. Сыроватский</i>	
Современное состояние рынка труда Пермского края и его тенденции.....	266
<i>М.Г. Цыпкина</i>	
Влияние трансформационных процессов российского общества на молодежный рынок труда.....	277
<i>С.М. Шатрабаева</i>	
Потребительское поведение студентов	283
<i>С.М. Шатрабаева</i>	
Конфликт и консенсус в социологии.....	288
<i>В.В. Шилов</i>	
Дисциплинарные, территориальные рамки и дефиниция понятия «регион».....	293
<i>О.В. Юрьева</i>	
Мотивация студентов г. Перми к получению дополнительного профессионального образования	302
<i>Д.Г. Ягафарова</i>	
Материальная обеспеченность городского населения региона России: основные тенденции в меняющихся экономических условиях	306

Жизнь и творчество З.И. Файнбурга

Г.З. Файнбург

Культура в развивающемся обществе глазами
культуролога З.И. Файнбурга (Из архивных материалов
З.И. Файнбурга и Г.П. Козловой)314

З.И. Файнбург

К вопросу о методологических посылках
социологического исследования
физической культуры и спорта333

З.И. Файнбург

К вопросу о направленности социального развития
(Прогностические аспекты социогенеза) (тезисы).....342

К вопросу о направленности социального развития
(проспект)354

И.В. Кондаков

«Мыслей много», да «мысли не те»
(Воспоминания и размышления о З.И. Файнбурге).....356

К.А. Антипов

**ПРОТИВОРЕЧИЯ В РАЗВИТИИ
СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ВУЗАХ**

Рассматривается состояние студенческого самоуправления в российских вузах. Автор выделяет ряд противоречий, обнаруживающихся в развитии данного направления вузовской жизни. Приводятся данные социологического исследования, проведенного лабораторией социологии ПНИПУ в 2015 году.

Ключевые слова: студенчество, студенческое самоуправление, самоорганизация, администрация вуза, противоречия, формы самоуправления.

К.А. Antipov

**CONTRADICTIONS IN THE DEVELOPMENT
OF STUDENT SELF-GOVERNMENT
IN MODERN RUSSIAN HIGH SCHOOLS**

The article discusses the condition of student self-government at Russian universities. The author singles out a number of contradictions found in the development of this area of university life. The data of sociological study were conducted by Laboratory of Sociology of PNRPU in 2015.

Keywords: students, student self-government, self-organization, university administration, contradictions, forms of self-government.

Современные вузы в Российской Федерации функционируют в достаточно жестких условиях. Они вынуждены конкурировать в борьбе за абитуриентов, родившихся в период демографического спада. Это сильно отличает ситуацию от 1990-х и начала 2000-х годов, когда вузам не требовалось вести активных действий по привлечению будущих студентов. Вузы не только стремятся привлечь студентов бюджетными местами и

качественными знаниями, но и активно эксплуатируют образ благоприятных условий для студенческой жизни и внеучебной работы. И действительно, студента в вузе привлекает не только получаемое образование, но и сама студенческая жизнь в ее разнообразных проявлениях.

Исходя из этого почти все учебные заведения высшего образования пытаются выстраивать у себя в вузах системы студенческого самоуправления, пытаясь не только упорядочить студенческую активность, но и направить ее в конструктивное русло. Студенческий потенциал активно используется для проведения внеучебных мероприятий, спортивных праздников, ярмарок вакансий и др. Таким образом, с одной стороны, жизнь студента насыщается определенными событиями, с другой – администрация вуза получает возможность направлять студенческую активность в конструктивное русло.

В 2015 году лабораторией социологии ПНИПУ было проведено социологическое исследование, ставящее целью изучение особенностей студенческого самоуправления в рамках национально-исследовательского университета. Было опрошено 476 студентов 2–4-го курсов [1, с. 21]. Нам представляется значимым не только зафиксировать состояние студенческого самоуправления, но и выявить противоречия, препятствующие его развитию.

Первое противоречие, скорее теоретического характера, содержится в самом термине – студенческое самоуправление. Студенческое самоуправление определяется как инициативная и самостоятельная деятельность студентов по решению жизненно важных вопросов студенчества [2, с. 13]. В реальности студенческое самоуправление активируется администрацией вуза, факультетов в силу сложившихся установок и традиций. Студентам, поступившим в вуз из разных территорий, школ, достаточно сложно организовать самоуправление самостоятельно, поэтому изначально самоуправление начинается с управленческих дей-

ствий. Учащимся даются уже готовые формы студенческого самоуправления, обкатанные не на одном поколении студентов.

Вторым противоречием является несоответствие между потребностями в студенческом самоуправлении администрации вуза и самого студенчества. Существенную часть студентов в самоуправлении интересует рекреационно-развлекательная направленность. Студенты охотно посещают такие мероприятия, как Студенческая весна, КВН, различные творческие конкурсы, однако их мало интересует профсоюзная, научно-исследовательская деятельность, включение в органы студенческого самоуправления. Можно согласиться, что «...с течением времени форма и направление деятельности студенческого самоуправления практически не меняется» [3, с. 34]. В то же время администрация вуза заинтересована в углублении вовлеченности студентов в научную деятельность. Согласно данным нашего исследования, более половины студентов вуза (55,3 %) вообще не участвуют в деятельности органов студенческого самоуправления ни в каком качестве, а чуть больше трети (34,0 %) придерживаются пассивной позиции и участвуют в студенческом самоуправлении в качестве потребителей: ходят на концерты, смотрят спортивные соревнования, ходят на конференции в качестве слушателей.

Третьим противоречием является стремление студенческого актива вовлечь в самоуправление большее число студентов, но при этом индифферентность существенной части молодежи к этой деятельности. Это связано с тем, что современные молодые люди могут иметь интересы, выходящие за пределы вуза, им вполне достаточно общения и взаимодействий в процессе учебы. Кроме того, в силу ограниченности ресурсов формы студенческого самоуправления не всегда выглядят так привлекательно, как возможности организовать досуг за пределами вуза. Нельзя сбрасывать со счетов и вторичную занятость студентов, особенно иногородних, кото-

рым может не хватать времени даже на учебу. Согласно данным проведенного исследования, развитие студенческого самоуправления сдерживают пассивность самих студентов (82,8 %), недостаток управленческих умений и навыков (25,8 %), доминирование авторитарных и консервативных тенденций в управленческих структурах вуза (15,5 %), нежелание вузовских управленческих структур поделить своими полномочиями с частью студенческого коллектива (14,5 %). Стимулирование студенческого самоуправления возможно через повышение вариативности его форм, повышение возможностей участвующих в самоуправлении влиять на реальную жизнь вуза в определенных вопросах.

Таким образом, студенческое самоуправление содержит большой потенциал, раскрытие которого возможно при создании благоприятных и вариативных условий. Вовлечение в самоуправление должно осуществляться не директивными действиями, а увеличением разнообразия форм, привлекательных для современного студенчества. К сожалению, отсутствие ресурсов, особенности требований к вузам часто превращают студенческое самоуправление, особенно в отношении влияния на принятие решений, в декорацию.

Статья подготовлена в рамках работ, выполняемых по госзаданию № 2014/152 Минобрнауки РФ (проект № 661) «Молодежь в системе управления вузом: факторы, способствующие/препятствующие активизации личностного потенциала».

Список литературы

1. Стегний В.Н. Отношение студентов к самоуправлению в вузе // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2015. – № 3. – С. 21–26.

2. Петрова С.С. Социально-воспитательная деятельность студенческого самоуправления в вузах России в пореформенный период: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Тюмень, 2010. – 28 с.

3. Тумакова Е.А. Студенческое самоуправление как психологический феномен // Психология в экономике и управлении. – 2013. – № 2. – С. 32–34.

Антипов Константин Анатольевич – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: konstant77@mail.ru.

Г.А. Банных, В.В. Сулимин

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПАТРИОТИЗМА УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

С опорой на теоретические подходы в гуманитарных науках изучается феномен патриотизма учащейся молодежи, внимание акцентируется на основных факторах его развития: системе высшего образования, средствах массовой информации, семье. Результаты прикладного исследования подтверждают гипотезы авторов о необходимости пересмотра ФГОС, воспитательной политики вузов и системы патриотического воспитания в целом.

Ключевые слова: патриотизм, гражданственность, высшее образование, студент, СМИ, семья.

G.A. Bannykh, V.V. Sulimin

FACTORS OF DEVELOPING THE PATRIOTISM AMONG THE STUDENTS

The authors, based on theoretical approaches in the humanities, studying the phenomenon of patriotism of students, focusing on the key factors of its development – the higher education system, the media, family. Author's applied research results confirm the hypothesis of the authors – the need to review the Federal educational standards, the educational policies of universities and patriotic education system in general.

Keywords: patriotism, citizenship, higher education, student, mass media, family.

Патриотизм на сегодняшний день является многоаспектной социокультурной ценностью, базисом которой выступает естественное чувство любви и привязанности к своей Родине, побуждающее к активным действиям на пользу своему Отечеству, формирующее стремление быть ему полезным и охватывающее все стороны культуры личности и общества в целом, а также нацеленное на урегулирование общественной жизни и

сплачивание российского поликультурного социума в единое целое. С позиций социологического подхода патриотизм выступает как феномен, проявляющийся во множестве форм в разных группах и сообществах с разными институтами и культурой. В силу этого граница между патриотическим и непатриотическим зависит от социального контекста и способна меняться со временем.

Внимание к феномену патриотизма стало усиливаться в конце первого десятилетия нового столетия, что связано с вступлением России в новый период развития – информационное общество в глобализирующемся пространстве. Значение информации и международных контактов многомерно усилилось, что предъявляет особые требования к государственной информационной политике, особенно в отношении подрастающего поколения. Необходимо отметить, что присоединение к РФ территорий Севастополя и Крыма сыграло эпохально важную роль в формировании патриотических ориентаций современной молодежи: исследователи отмечают так называемый «патриотический бум», возрастание эмоциональной ценности Родины в сознании юного поколения.

Акцентирование внимание на проблемах формирования патриотизма и его уровне у современной молодежи характерно не только для сферы политики и государственного управления. Е. Омельченко считает, что современный патриотизм – это патриотизм прагматический, способ присоединения к большинству [1].

Как отмечают И.П. Смирнов и Е.В. Ткаченко, «итоги исследований показывают, что идеологическая работа с педагогами и учащимися в системе образования России в настоящее время практически отсутствует» [2].

Противоречивые тенденции в молодежной среде, связанные с пониманием и реализацией ими феноменов гражданственности и патриотизма, оказывают влияние и на внутренние социально-политические процессы в государстве. Это связано

с современными обостренными отношениями нашей страны на государственно-политическом уровне с некоторыми государствами. Последствия этих политических процессов напрямую сказываются на самоидентификации и интеграции большинства россиян как лояльных патриотов. В 2015 году и немного ранее, в преддверии празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, изменения коснулись патриотических установок и поведения многих членов российского общества. В связи с этим предлагается выделять такие разновидности патриотизма, как «событийный, праздничный» и «повседневный, обыденный».

Событийный патриотизм наиболее активно проявляется в период знаковых изменений и событий, происходящих в обществе. Эта разновидность патриотизма составлена на преобладании эмоционально-идейного его наполнения. В период проявления событийного, праздничного патриотизма ценность эмоционального выражения принадлежности своей Родине возрастает. При этом праздничный патриотизм обладает особенностью передачи с помощью механизма «заражения» и «подражания»: немаловажную роль в этом играют СМИ, транслирующие подготовку, организацию и проведение событий и праздничных мероприятий, публичные выступления и призывы лидеров мнений и высших должностных лиц.

Повседневный патриотизм является константной характеристикой развития общественных отношений, проявляясь в ежедневных взаимодействиях индивидов и социальных групп. Эта разновидность патриотизма позволяет задействовать деятельностный элемент в системе патриотизма. Формируется данная разновидность патриотизма в первую очередь такими агентами социализации, как семья, образовательные учреждения, «значимые» в ближайшем окружении персоны, лидеры мнений (например, ветераны, участники боевых действий, представители силовых структур и т.д.). Повседневным патриотизмом не «заражаются», его именно формируют целенаправ-

ленно в рамках социализации личности будущего гражданина. В основу повседневного патриотизма положена установка на патриотизм, которая воспроизводится в каждодневном акте взаимодействия индивида или социальной группы с другими.

В предыдущие периоды развития нашего общества зачастую патриотизм носил героический, подвижнический характер. Сегодня патриотизм становится образом жизни как отдельных индивидов, так и целых социальных групп. Проявление любви к родине, готовности отстаивать ее интересы заметны в повседневном аспекте – через мотив достижения (хорошая учеба – хороший труд), законопослушного поведения в социально-трудовой, экономической сферах, выражения преданности и т.д. Патриотизм повседневный это не столько добродетель или нравственное качество, сколько гражданская компетентность индивида.

По мнению В. Федорова, «патриотизм проявляется сегодня не столько в сугубо политической или идеологической сфере, не в форме политической борьбы или дискуссий, а скорее в области повседневных действий, повседневных межличностных взаимоотношений и практической деятельности» [3].

Образование, безусловно, выступает важнейшим фактором в процессе формирования патриотизма подрастающего поколения. Именно образование способно системно и последовательно направлять и развивать патриотические ценности, формировать готовность к осуществлению практических патриотических действий в силу особенностей реализации своих функций. Влияние профессионального образования на формирование патриотизма студентов предполагает появление у них новой культуры отношений, ценностями которой являются гражданственность, самостоятельность, предприимчивость, соединенные с ответственностью за общественное благосостояние и устойчивое развитие социума, Родины.

Студенческий возраст, как период вторичной социализации и активного воплощения социальных ролей, имеет свои

особенности. С возрастом изменяются и взгляды и позиции, и желание и способности к преобразованию окружающей действительности. Это направленность на будущее: на выбор образа жизни, профессии, референтных групп в социуме.

Возрастание значимости ценностей информационного общества привело к качественным изменениям личностных особенностей современных студентов. В связи с этим обязательно учитывать их «зависимость» от электронной среды общения, направив ее на освоение в том числе и патриотических ценностей. В этом возрасте особо ярко проявляются формы социальных зависимостей: от окружающей микросреды, модных тенденций, мейнстрима, действий и выбора кумиров и авторитетов и т.д. Большую часть информации о мире студент черпает из сети Интернет, из социальных сетей.

Свердловская областная организация «Центр содействия национально-культурным объединениям при Уральском государственном горном университете» (ЦСНКО) в 2012 году провела конкретно-социологическое исследование учащейся молодежи, ориентированное на повышение эффективности методов формирования патриотического сознания и стандартов патриотического поведения [4]. Объектом исследования выступила учащаяся молодежь Свердловской области (старшие классы общеобразовательных учреждений и студенты вузов). Данные исследования показали, что формирование молодых патриотов происходит под действием различных информационных потоков. При этом они любят Родину, немного осведомлены об исторических процессах, символах и культуре, но готовность к патриотической деятельности развита крайне слабо.

В авторском исследовании, проведенном в 2016 году, принимали участие студенты вузов г. Екатеринбурга – 258 человек, по квотам курса и направления подготовки. Обследованию подверглись студенты 1-го и 3-го курсов, как начинающие и заканчивающие образовательные процессы в вузе, техниче-

ских и гуманитарных направлений подготовки. Их мнения относительно факторов формирования патриотизма, возраста осознания или неосознания себя патриотом различаются, что позволило структурировать особенности влияния профессионального образования на формирование патриотизма учащейся молодежи.

Студенты вузов оказались более информированной в вопросах патриотизма социальной группой, нежели школьники или студенты техникумов. Только 15,5 % студентов не слышали о патриотизме за последние месяцы: подавляющему большинству (57,4 %) приходилось о нем слышать иногда, еще 27,1 % слышали о нем часто. Большинство старшекурсников, т.е. 55 %, хотя бы иногда слышали о патриотизме в последнее время. При этом первокурсники о патриотизме слышали больше и чаще, чем третьекурсники (вообще не слышали 18,8 % против 10,2 % соответственно).

Для 78,9 % опрошенных студентов понятие патриотизма связано, во-первых, с празднованием 70-летия Победы, во-вторых, с участием России в войне с террористами в Сирии (41,5 %), в-третьих, с санкциями ряда стран против России (35,8 % опрошенных). Чаще всего о патриотизме студентам рассказывали ведущие политических программ на ТВ, высшее руководство страны и родители. Причем третьекурсников больше информирует высшее руководство, чем родители, и наоборот, для студентов первого курса родители настолько же важные источники информации, как и ведущие политических программ (по 59,6 % указали и тот, и другой источник).

Таким образом, видно, что студенты вуза в большей степени информированы о патриотизме благодаря СМИ – либо специальным программам, либо новостям.

С возрастом оценка влияния системы образования на формирование патриотизма существенно снижается. Значимость образования как фактора формирования патриотизма сохраняется у студентов гуманитарных направлений скорее

всего за счет того, что они вынуждены были в старших классах школы ориентироваться на подготовку к ЕГЭ по соответствующим предметам, связанным с историей страны или общественным знанием, в то время как студенты технических направлений могли сосредоточить свои усилия на изучении естественно-научных дисциплин.

Наряду с фактором образования студенты в качестве менее противоречивых и более значимых отмечали литературу, фильмы и т.д. Наибольшее влияние на формирование патриотизма у студентов оказали эмоциональные аудиовизуальные средства, такие как тексты, фильмы и встречи с ветеранами. История, как научная дисциплина, вбирающая в себя факты прошедшего, оставляет гораздо меньший след, и влияние преподавания истории более сильно в школьный период, нежели в студенческий. Это подтверждает изложенные выше теоретические выводы авторов о том, что для современной учащейся молодежи в условиях формирования клиповой культуры и мышления аудиовизуальность, многомерность и эмоциональность являются необходимыми условиями формирования патриотизма.

В рамках дополнительного исследования студентам УрГЭУ (с 1-го по 4-й курс) были заданы вопросы об уровне организации патриотического воспитания в вузе и формирования личного патриотизма студентов. Наименьшей популярностью среди студентов пользуются военно-спортивные мероприятия. Возможно, высокий рейтинг (3,9 балла) связан с тем, что 69,6 % респондентов, участвовавших в данном исследовании, девушки, которые психологически более склонны, в отличие от юношей, к волонтерской деятельности и деятельности, направленной на помощь нуждающимся в данной помощи и поддержке.

Следует также отметить, что невысока популярность среди студентов УрГЭУ, участвовавших в данном исследовании, мероприятий, посвященных истории России, что, по нашему мнению, может быть связано с тем, что данные мероприятия

воспринимаются нашими студентами как часть учебного процесса в рамках реализации учебной дисциплины «История».

В целом по результатам исследования наблюдается общая достаточно пассивная позиция по отношению к Родине, ценностям патриотизма (особенно выраженная у юношей). Таким образом, существует необходимость изменять существующую позицию на более активную. Выбор конкретных направлений формирования такой позиции должен обязательно опираться на ценностно-мотивационную структуру личности.

Однако в настоящее время систематического воздействия на процесс формирования патриотизма студентов в вузе фактически не происходит. Это можно объяснить, во-первых, отсутствием в ФГОС непосредственных целей формирования патриотизма, во-вторых, финансовой и кадровой необеспеченностью, необходимой для полноценного осуществления данного процесса в вузе и многими другими причинами.

Список литературы

1. Социолог Елена Омельченко – о поколении Крыма, прагматичном патриотизме и исчезновении готов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.the-village.ru/village/city/city-news/178619-omelchenko>.

2. Смирнов И.П., Ткаченко Е.В. Новый принцип воспитания: ориентация на интересы молодежи. – Екатеринбург, 2005.

3. Особенности прагматичного патриотизма. Интервью с В. Федоровым [Электронный ресурс]. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=238&uid=3699>.

4. Положение молодежи Свердловской области в 2014 году: научные основы доклада правительству Свердловской области: монография / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. – Екатеринбург: Изд-во Урал. федер. ун-та, 2016. – 350 с.

Баных Галина Алексеевна – канд. социол. наук, доцент кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, email: gbannykh@gmail.com.

Сулимин Владимир Владимирович – аспирант кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, email: north-north@mail.ru.

Л.И. Белова

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
(НА ОСНОВЕ ИЗУЧЕНИЯ КОММЕНТАРИЕВ
МЕДИАПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ)**

Посвящено выявлению основных тенденций формирования мнения аудитории СМИ. В качестве эмпирической базы выступают комментарии медиапользователей интернет-СМИ, оставленные под новостями о резонансных событиях города. Автор рассматривает поведенческие реакции аудитории и действие феномена «спирали молчания», открытого Э. Ноэль-Нойман, а также действие ряда других медиаэффектов.

Ключевые слова: общественное мнение, «спираль молчания», аудитория медиа, СМИ, интернет-СМИ, журналистика, медиаэффект.

L.I. Belova

**IDENTIFICATION OF MAJOR TRENDS
SHAPING PUBLIC OPINION (BASED ON THE STUDY
OF USER'S COMMENTS)**

The article is devoted to identifying major trends shaping the views of media audience. The author gives a definition of the phenomenon of public opinion, describes the action of the phenomenon of “The Spiral of Silence” opened E. Noelle-Neuman. Based on an analysis of user’s comments of the First regional TV-channel write under the news about resonant Chelyabinsk city events, the author identifies behavioral audience reaction and traces a number of effects of media: compassion fatigue, “The Spiral of Silence” and others.

Keywords: public opinion, “the spiral of silence”, audience of media, media, online media, journalism, effect of media.

Важными критериями оценки эффективности воздействия медиа на аудиторию является не только частота контактов со СМИ, но и степень влияния опубликованной информации

на общественное мнение и на поведение аудитории. В качестве одной из поведенческих реакций аудитории интернет-СМИ могут служить комментарии пользователей под новостями. Логическая цепочка проста: чем больше комментариев, обсуждений, «лайков» и репостов к новостному посту, тем больше волнует данная новость аудиторию.

В XIX веке французский социолог Габриель Тард определял общественное мнение как кратковременную и логическую группу суждений по поводу современных вопросов, присущую лицам одной и той же страны и одного и того же времени [1, с. 46].

На современном этапе формирование общественного мнения нацелено на создание у аудитории медиа определенных оценочных позиций в отношении той или иной проблемы (ситуации). Например, М.К. Горшков рассматривает общественное мнение как коллективное оценочное суждение на уровне общества, выражающее общую точку зрения по какому-либо вопросу [2, с. 188].

Коллективное оценочное суждение – это суждение, которое устраивает всех или большую часть социальной общности. Если отдельные суждения не находят точек соприкосновения и слияния ввиду различия у членов общности интересов, связанных с предметом мнения, и ни одно из этих суждений не получает поддержки большинства, не оказывается доминирующим, то не возникает и общего, коллективного суждения (общественного мнения). В подобной ситуации начинают функционировать одновременно несколько мнений, мнений групповых [3, с. 55].

Ознакомившись с рядом научных работ отечественных и зарубежных ученых, посвященных вопросам формирования и трактовки феномена общественного мнения (например, М.К. Горшкова, И.О. Тюриной, Г. Блумера, У. Липпмана, Э. Ноэль-Нойман, П. Бурдые, Г. Тарда и др.), мы полагаем, что лучше всего показать динамику воздействия медиа на процесс формирования

общественного мнения и описать их воздействие, попыталась немецкая исследовательница Элизабет Ноэль-Нойман.

Ситуация, когда человек, ощущающий себя в меньшинстве, молчит и не высказывает своего мнения, тем самым присоединяясь к большинству, получила название «*спираль молчания*».

Говоря о действии феномена «спирали молчания», Э. Ноэль-Нойман указывает на два внешних выражения его действия на общество:

1. «*Сдвиг последней минуты*» – ситуация, когда электорат в последний момент меняет свое мнение в пользу той или иной партии под воздействием общественного мнения.

2. «*Эффект одной упряжки*» – ситуация, при которой индивид пытается выдать себя сторонником партии-победителя, даже если на самом деле голосовал иначе. Его еще называют «эффект успеха». Суть «эффекта успеха» состоит в том, что люди склонны принимать те мнения, которые разделяет большее число людей» [4, с. 368–372].

Для примера действия феномена «спирали молчания» мы выбрали резонансное событие, произошедших в Челябинской области, и проанализировали циклы новостей, размещенных на сайте телеканала «Первый областной – 1obl».

Одними из самых обсуждаемых новостей являются дорожно-транспортные происшествия, особенно со смертельным исходом. Самое резонансное из таких событий за отчетный период произошло в августе 2014 года. В центре города ино-марка, проехавшая на красный свет, сбила пожилую женщину с годовалой девочкой в коляске. В результате ДТП пешеходы скончались. Находившегося за рулем молодого человека привлекли к ответственности. Долгое время до этого он находился под арестом, в то время как правоохранительные органы занимались расследованием обстоятельств трагического случая. С августа 2014 года и по настоящее время на сайте «Первый областной» вышло 12 новостей по указанной теме, к которым пользователи оставили 102 комментария (таблица).

Статистика комментариев к новостям о ДТП
на Алом Поле

№ п/п	Дата	Заголовок	Число комментариев
1	27.08.2014	В центре Челябинска лихач сбил бабушку с годовалым ребенком в коляске	7
2	27.08.2014	ГИБДД: лихач, сбивший бабушку с годовалой девочкой, ехал на красный свет	8
3	29.08.2014	Водитель, сбивший бабушку с ребенком, дважды был лишен прав	7
4	26.12.2014	Водитель, сбивший бабушку с ребенком на Алом Поле, просил отпустить его домой	9
5	17.01.2015	Дело водителя, сбившего насмерть женщину с внучкой на Алом Поле, передано прокурору	7
6	13.02.2015	Дело водителя, насмерть сбившего бабушку с ребенком на Алом Поле, передали в суд	12
7	17.02.2015	Родственники заявили иск на 5 миллионов рублей за гибель бабушки и внучки в ДТП на Алом Поле	18
8	18.03.2015	Суд над водителем, сбившим бабушку с внучкой на Алом Поле, пройдет в закрытом режиме	1
9	17.04.2015	Прокуратура просит 4 года и 8 месяцев тюрьмы водителю, сбившему бабушку с внучкой на Алом Поле	11
10	20.04.2015	Водителю, насмерть сбившему бабушку с внучкой на Алом Поле, дали почти 3 года колонии	8
11	29.04.2015	Прокуратура требует ужесточения наказания для челябинца, сбившего насмерть бабушку с внучкой на Алом Поле	6
12	05.06.2015	Челябинцу, насмерть сбившему бабушку с внучкой на Алом Поле, на 1 год и 8 месяцев увеличили срок	8

Нам удалось выявить основные тенденции в поведении читателей:

1. Негативная реакция аудитории. Большинство комментариев, оставленных под новостями об этом событии, несет в себе негатив аудитории, а в отдельных случаях даже агрессию. Так, например, модераторам сайта 1obl.ru пришлось удалить все семь комментариев, которые были оставлены под первой новостью об аварии, поскольку они содержали призывы к совершению неправомерных действий, в том числе к убийству, а также нецензурные оскорбления виновника ДТП. В процессе обсуждения подобные комментарии стали лейтмотивом, из-за чего почти половина комментариев (44 %) были удалены из-за закона о цензуре.

2. Беспокойство о сроке наказания. Большие споры среди аудитории вызвал срок наказания, который должен был отбывать виновник смертельного ДТП. Прокуратура, изучив материалы дела, попросила для виновника аварии, унесшей жизни двух человек, 4 года и 8 месяцев лишения свободы, на что агрессивно отреагировала аудитория. «Смерть двух человек оценивается в 5 лет?! Получается жизнь теперь ничего не стоит???? Как так?» – написала пользователь Алена. «Жить становится всё страшнее! Где же самый гуманный суд! Годовалый ребенок! Люди!!!! Вы что с ума посходили?? Хочу судье в глаза посмотреть! И прокуратуре тоже! 4 года 8 месяцев – это самое суровое?? Страшно жить...», – прокомментировала пользователь Алеся. «Я за смертную казнь!» – резюмировала пользователь сайта 1obl.ru Соня.

Подобные настроения аудитории, которая, исходя из концепции «спирали молчания», занимала лишь одну сторону, боясь встать на другую из-за страха социальной изоляции, остались неизменными и в других новостях. А после оглашения приговора и выхода новости с заголовком «Водителю, на смерть сбившему бабушку с внучкой на Алом Поле, дали почти 3 года колонии» негативная реакция аудитории по отноше-

нии к действиям органов власти только усилилась. «Отлично... Три года за двойное убийство», – написала пользователь Мария. «Лет 20 надо за такое давать и прав пожизненно лишать!!! Улыбается он еще, нелюдь», – прокомментировала пользователь Полина.

Реакцию аудитории не изменил даже тот факт, что прокуратура оказалась недовольна приговором суда и оспорила его. В результате удачной апелляции срок наказания был увеличен на 1 год и 8 месяцев и в общей сложности составил 4,5 года лишения свободы, что всего на 2 месяца меньше, чем изначально требовала прокуратура. Тем не менее аудитория даже признанный законом срок наказания сочла недостаточным, из-за чего активно выражала негодование в комментариях. «Жизнь двух людей! Позор и суду, и прокуратуре», – прокомментировал пользователь Алексей.

3. *«Спираль молчания»*. Как и в других новостях, преимущественной моделью поведения аудитории стала так называемая «спираль молчания». Она «раскручивалась» вокруг позиции сострадания семье погибших в течение всего развития сюжета, исключая лишь один момент. Ситуация, которую мы назовем «поворотом спирали молчания», произошла на новости с порядковым номером 7, которая вышла на сайте 1obl.ru под заголовком «Родственники заявили иск на 5 миллионов рублей за гибель бабушки и внучки в ДТП на Алом Поле». В комментариях к этой новости произошел тотальный переворот взглядов аудитории. Это произошло из-за появления материального фактора в изначально социальной истории. Как только речь зашла о деньгах, аудитория мгновенно изменила свои взгляды и заняла уже не сочувствующую, а осуждающую позицию.

Отметим, что поворот «спирали молчания» совпал с началом действия эффекта «усталость сострадать», который можно наблюдать на примере снижающегося числа комментариев и общего падения интереса к теме. Седьмая новость из

цикла появилась спустя полгода после того, как событие произошло, за это время аудитории могла наскучить как сама тема, так и та догма, которая на протяжении этого времени поддерживалась прилюдно. В связи с этим в момент, когда началось действие эффекта «усталость сострадать», произошел поворот «спирали молчания», что привело к новому эмоциональному всплеску реакции аудитории, вылившемуся в максимальное количество комментариев к новости – 18. Однако этот всплеск не породил новую волну популярности для новостного цикла – далее количество комментариев не превышало среднего показателя.

Список литературы

1. Тард Г. Общественное мнение и толпа / пер. с фр. П.С. Когана. – М.: КСП+, 1999. – 414 с.
2. Горшков М.К. Общественное мнение: история и современность. – М.: Политиздат, 1988. – 384 с.
3. Беленькая Ю.П. Средства массовой информации и медиасреда как факторы формирования общественного мнения // Вестник Ставрополь. гос. ун-та. – 2010. – № 8. – С. 52–57.
4. Черных А.И. Мир современных медиа. – М.: Территория будущего, 2007. – 312 с.

Белова Людмила Ивановна – канд. культурологии, доцент кафедры средств массовой информации Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск, e-mail: belova2005@inbox.ru.

О.В. Борисова

**СОЦИАЛЬНЫЕ СТАТУСЫ И РОЛИ
КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ АГРЕССИВНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Посвящено проблеме нарастания агрессивности в современном российском обществе. Автор, рассматривая проявления агрессии в различных сферах общественных отношений, предпринимает попытку обозначить в качестве инструментов ее изучения базовые социологические категории «социальный статус» и «социальная роль».

Ключевые слова: социальный статус, социальная роль, агрессия и агрессивность, социальные конфликты, неравенство справедливое и несправедливое.

O.V. Borisova

**SOCIAL STATUS AND ROLE AS A LEARNING TOOL
AGGRESSION IN MODERN SOCIETY**

The article deals with the rise of aggression in modern Russian society. By considering aggression in various spheres of public relations, attempts to identify it as a tool of studying the basic sociological categories of “social status” and “social role”.

Keywords: social status, social role, aggression and aggressiveness, social conflicts, inequality fair and unfair.

В настоящий момент происходит нарастание агрессивности в разных слоях общества. Представители различных наук предлагают свои подходы к изучению этой проблемы. Все общественные науки изучают взаимосвязь отношения личности и общества: как общество влияет на формирование и поведение граждан и как индивиды могут влиять на процессы, происходящие в обществе.

Среди основных категорий социологии выделяются такие понятия, как «социальный статус», «социальная роль». Из-

вестно, что основными факторами, влияющими на социальный статус, являются власть, престиж, образование и доход. В зависимости от логики соотношения этих факторов можно выделить два вида неравенства: справедливое неравенство и несправедливое. Справедливое неравенство предполагает следующую логическую цепочку: повышение уровня образования дает возможность получить более престижную работу, которая усиливает власть и поэтому предполагает повышение дохода. Нарушение этой логики порождает неравенство несправедливое, что способствует росту негативной реакции людей. В качестве примера можно привести тот факт, что среди малоимущих встречаются группы учителей и врачей, престиж этих профессий объективно должен быть достаточно высоким.

В последние два десятилетия главным статусно образующим фактором стали деньги, зачастую полученные любыми способами, что привело к скрытому или активному возмущению.

Как известно, социальная роль основывается на выполнении тех требований, которые диктуются статусом. Но довольно часто в обществе наблюдается противоречие, когда социальная роль искажается конкретными людьми, обладающими соответствующим статусом. Люди называют это «волокитей», «бюрократизмом», хотя точнее было бы назвать это «псевдо-власть». Ярким примером этого является следующая ситуация: когда один индивид обращается в соответствующие организации за получением справки, а второй индивид, обязанный эту справку выдать, незамедлительно принимает на себя роль «субъекта», а в это время проситель становится «объектом». Итог такой ситуации – накопление агрессивности с обеих сторон, что нередко приводит к конфликтам.

В средствах массовой информации обсуждаются внутрисемейные конфликты, показываются эпизоды жесточайших драк и другие виды агрессии в разных социально-возрастных группах. В молодежной аудитории на вопрос о том, может ли муж ударить жену (мужчина – женщину, юноша – девушку),

следует встречное уточнение – «Смотря за что...», и далее начинается обсуждение того, за что можно, а за что нельзя. Таким образом, сам факт насилия рассматривается как норма.

Естественно, что корни такого принятия насилия следует искать прежде всего в традиционной форме семейных отношений, где отец был безоговорочным главой семьи, и, чтобы показать свою власть, такой «лидер» считал, что вправе применять любые формы физического воздействия.

С самого раннего детства родителям необходимо внушить ребенку неприкосновенность личного социального пространства любого человека, независимо от возраста. Это должно стать основой уважительного отношения людей друг к другу. На практике ребенок видит обратную картину: шлепки, подзатыльники, щелчки и даже пощечины, которые могут раздаваться родителями по любому поводу. Маленький ребенок ответить тем же не может, таким образом, усиливается его внутренняя агрессия, которая может с возрастом проявиться в активной форме. Можно предположить, что любое наказание, применяемое родителями, воспринимается ребенком с большой обидой: его проступок кажется ему гораздо меньше, чем наказание, поэтому можно предложить ребенку самому обдумать свой проступок и самому его оценить, т.е. дать возможность ребенку побыть наедине с собой, и уже потом обсудить решение ребенка.

С раннего детства необходимо прививать ребенку правила поведения в обществе, которые в дальнейшем будут им автоматически выполняться на протяжении всей жизни. Тогда необходимость уступать место в общественном транспорте женщинам, старикам и инвалидам не будет поводом для проявления агрессии.

Супружеские конфликты чаще всего возникают потому, что и со стороны жены, и со стороны мужа может происходить ролевой конфликт. Социологические опросы невест в ЗАГСе показали, что на вопрос: «Что ожидает невеста от брака?» – 9 из 10 респондентов ответили, что они хотят быть сча-

стливыми. Только одна сказала, что хотела бы сделать счастливым своего мужа. Таким образом, ожидания явно превалируют над реальностью, т.е. оба супруга ожидают от своих партнеров большего, чем они хотели бы дать, поэтому между супругами нарастает напряженность, которая может приводить как к физическому, так и к психологическому насилию.

Выходом из ситуации нарастания агрессивности в нашем обществе могло бы стать формирование такой социальной политики, которая бы способствовала повышению осознания ответственности каждого человека за собственную жизнь и за жизнь окружающих.

Борисова Ольга Всеволодовна – доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: socio@pstu.ru.

А.Д. Боронников

**ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА ПЕРМСКИХ СЕМЕЙ
В ПРОЦЕССАХ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ
К СОВРЕМЕННЫМ УСЛОВИЯМ
ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ**

В современном городе протекает процесс адаптации различных групп к меняющимся экономическим и социальным условиям. Выбор новых стратегий экономического поведения, готовность нести личную ответственность за свое жизнеобеспечение ложится на плечи растущего числа горожан. Процессы адаптации протекают неравномерно. Больше преуспевают те горожане, которые быстрее и активнее осваивают новые практики, обладают большим объемом культурного капитала. И наоборот, расширенное производство культурного капитала позволяет быстрее и успешнее адаптироваться к социальным переменам, войти в круг успешных и востребованных горожан.

Ключевые слова: культурный капитал, город, городской образ жизни в условиях рыночной трансформации, адаптация, культурные практики, идентичность, социальная укорененность (anchoring), включенность в «ткань жизни».

A.D. Boronnikov

**THE FUNCTIONAL VALUE
OF THE CULTURAL CAPITAL OF THE PERM FAMILIES
IN THE PROCESSES OF SOCIAL ADAPTATION
TO MODERN CONDITIONS OF URBAN LIFE**

In the modern city is in the process of adaptation of different groups to changing economic and social conditions. The choice of new strategies of economic behavior, willingness to take personal responsibility for their livelihood rests on the shoulders of a growing number of citizens. The processes of adaptation occur unevenly. More succeed the townspeople, and actively learn new practices, who has a large amount of cultural capital. Conversely, increased production of cultural capital enables faster and more successfully adapt to social change, to join the circle of successful and popular citizens.

Keywords: cultural capital, urban, city lifestyle in the conditions of market transformation, adaptation, cultural practices, identity, social embeddedness (anchoring), the involvement in the “fabric of life”.

То, как формируется «ткань жизни» в городе, можно описывать как процессы взаимопроникновения, переплетения различных поведенческих практик, как результат реализации культурных капиталов как отдельных горожан, так и различных городских групп, сообществ, слоев, общностей. Они «связаны воедино в обширной системе взаимозависимых жизней» [1, с. 374]. Социальную адаптацию можно понимать в двух смыслах. Первый заключается в рассмотрении адаптации как постоянного и непрерывного процесса активного приспособления индивида, группы (например, семьи) к условиям социальной среды, окружающей их. Второй – это не что иное, как конечный положительный результат этого процесса, т.е. положительным результатом процесса социальной адаптации становится успешная социальная адаптация. В различных социальных группах процесс адаптации к происходящему во внешней среде (в городском социокультурном пространстве) идет непрерывно, но совершается он неравномерно, разнонаправленно. Скажем, процесс адаптации зависит от целей и ценностных ориентаций индивида, возможностей их достижения в социальной среде. В процессе социальной адаптации индивид интегрируется, «опривычивает» те практики, которые позволяют ему занять достойное место в социальной структуре. Это позволяет ему обрести ту форму идентичности, которая нужна ему, которая дает возможность активно использовать обретенный культурный и символический капитал. Активное использование накопленного и освоенного культурного капитала, в свою очередь, позволяет индивиду (и группе) поддерживать адекватные связи с окружающими людьми, встраиваться в необходимые ему социальные конструкции. Сложность адаптации в городском социокультурном пространстве связана с тем, что их (горожан, а тем более мигрантов,

новичков в городе) социальная укорененность (anchoring) неустойчива, интерпретации смыслов их поведения (реализации культурного и символического капитала) подвижны и потенциально конфликтны. Человек, осознающий, что жизнь, как правило, находится в постоянном развитии, обладающий определенными талантами и способностями, овладевший искусством жизни, постоянно меняет свои привычки, манеры, повседневные практики, подбирая себе те из них, что позволяют демонстрировать определенный культурный статус. Это принуждает социального агента постоянно находиться в процессе самосовершенствования и учиться чему-то новому, овладевая ранее неизвестными культурными практиками. Символы для него нематериальны, но действительны, свою силу они черпают из «естественной очевидности» социальных факторов, которые они представляют. Речь идет о том, что «...моральные структуры и тонкие эмоциональные связи, посредством которых отдельные лица и группы испытывают воздействие этих смыслов...», нуждаются в тщательном изучении в силу их значимости для социальной ткани [2, с. 46; 3].

Одним из основных условий адаптации россиян к современной социально-экономической обстановке являются адекватные изменения в сознании людей: выбор новых стратегий экономического поведения, готовность нести личную ответственность за свое жизнеобеспечение. Есть основания полагать, что у известной части населения подобные изменения происходят медленнее, у других ускоренно. Более того, изменения в экономике и соответствующих структурах массового сознания (экономическая культура, финансовое поведение) часто носят разнонаправленный характер. Переход на новые образцы экономического поведения, адекватные рыночным отношениям, протекает явно замедленно. Это можно списывать на глубоко засевшие в культурных практиках социально-психологические стереотипы патернализма. Вполне вероятной выглядит гипотеза С.Г. Кордонского о значении сохранившихся архаических практик в современной социально-экономической и культурной

сфере российского общества и того влияния, которое они оказывают на структурирование повседневной жизни обычных людей [4, с. 3–33]. В нашем исследовании проверялась гипотеза о том, что положительно оценивают рыночную экономику и видят в ней простор для инициативы и экономическую базу для восстановления экономики люди с высоким и средним уровнем культурного капитала. Люди же с низким уровнем накопленного культурного капитала относятся к рыночной экономике как реальности, которую нельзя изменить, а следовательно, следует к ней приспособиться, и поскольку усиления неравенства не избежать, то следует от него «увернуться», сделать его воздействие малозаметным. Для проверки этой гипотезы нами в 2014 году было проведено социологическое исследование¹.

¹ В ходе пилотажного социологического исследования, проведенного в Пермском крае в 2014 году, было опрошено 125 человек: 56 мужчин и 69 женщин, что составляет 44,8 и 55,2 % соответственно. Данная выборочная совокупность репрезентирует генеральную совокупность по полу (по результатам Всероссийской переписи населения 2010 года доля женщин среди населения РФ составляет 53,8 %). Возраст респондентов 29–75 лет, средний же возраст составил 44 года. Относительное большинство респондентов имеют двоих детей (38,4 %), одного ребенка воспитывают 27,2 % респондентов. Трое детей у 12,0 % опрошенных, более трех – у 4,0 %. Нет детей у 23 участвовавших в опросе (18,4 %). 64,8 % респондентов давно проживают в Перми, считают себя горожанами. Почти треть (29,6 %) приехали в большой город из деревни, остальные выходцы из ПГТ и небольших городов Пермского края. Высшее и неоконченное высшее образование имеют 58,4 и 1,6 % респондентов соответственно. Каждый четвертый (27,2 %) окончил техникум или колледж, т.е. получил среднее профессиональное образование, 6,4 % получили начальное профессиональное, а 5,6 % – среднее общее образование. Предпринимателями назвали 17,9 % респондентов, 7,3 % опрошенных в нашем исследовании занимают должность руководителя. Значительную группу опрошенных составили специалисты из разных сфер (58,5 %). Рабочих – 10,6 %. Остальные 5,7 % составили группу «неработающие». Туда мы включили домохозяйек, пенсионеров, безработных и ищущих работу.

Для построения эмпирической типологизации респондентов по уровню их культурного капитала были отобраны 10 показателей культурного капитала: пять показателей инкорпорированного состояния, предполагающие выполнение культурных практик и практик ухода за здоровьем (сочинение стихов, прозы или музыки; пение; занятие танцами; поход в бассейн, плавание; занятия спортом) и пять показателей объективированного состояния (игра на музыкальном инструменте, фотографирование, видеозапись; занятие живописью или рисованием; рукоделие; вождение автомобиля), которые также предполагают выполнение различных практик, но только при наличии определенных предметов и объектов и умении ими владеть.

Институционализированное состояние, заключающееся в наличии диплома о высшем образовании, в данную типологию включено не было, но посчитанная корреляция Пирсона составляет 0,561, что говорит о наличии связи высшего образования с этими показателями. В ходе анализа ответов было принято считать, что высокий уровень овладения культурным капиталом демонстрируют 54 респондента (43,2 %), средний уровень – 39 респондентов (31,2 %) и низкий – 30 респондентов (24 %).

Распределение оценок респондентами своих стратегий вхождения в рыночную среду (городскую культуру), представленное в табл. 1, позволяет увидеть, как уровень освоенного культурного капитала влияет на поведенческую адаптацию.

Таблица 1

Влияние культурного капитала на поведенческую адаптацию (в абс. числах и проценте от числа ответивших в каждой группе по уровню культурного капитала)

Поведенческая адаптация	Высокий уровень		Средний уровень		Низкий уровень		Итого	
	Абс. числа	%	Абс. числа	%	Абс. числа	%	Абс. числа	%
Не смогли приспособиться	0	0,0	0	0,0	2	6,7	2	1,6
Свыклись и живут, ограничивая себя	5	9,3	4	10,3	10	33,3	19	15,4

Окончание табл. 1

Поведенческая адаптация	Высокий уровень		Средний уровень		Низкий уровень		Итого	
	Абс. числа	%	Абс. числа	%	Абс. числа	%	Абс. числа	%
Подрабатывают где могут	17	31,5	13	33,3	13	43,3	43	35,0
Использовали новые возможности	32	59,3	22	56,4	5	16,7	59	48,0
Итого	54	100	39	100	30	100	123	100

Среди тех респондентов, кто считает, что не смог приспособиться к нынешней жизни, преобладают имеющие заниженные оценки своего культурного капитала. Зато большинство тех респондентов, кто считает, что сумели использовать новые возможности, указали, что обладают высоким и средним уровнем культурного капитала, демонстрируют окружающим высокие стандарты культурных практик. Наше наблюдение перекликается с выводами Я.М. Роциной в недавней статье о связи между стилем жизни и социальным неравенством. В частности, она отмечает, что «...показательно, что с ростом дохода и образования люди больше занимаются спортом..., ибо ... стиль жизни как упорядоченная система практик зависит от социального положения человека, его позиции в социальном пространстве и опирается на объем и соотношение экономического и культурного капитала...» [5, с. 15].

Было установлено, как культурный капитал респондентов влияет на их социальную идентификацию, ведь она выступает одним из показателей социальной адаптации. Данные представлены в табл. 2.

Наибольшие различия (почти в два раза) в уровне оценки культурного капитала можно наблюдать в группе тех респондентов, которые считают себя свободными. Чаще ощущают индивидуальную свободу люди культурно богатые.

Таблица 2

Социальная идентификация
в зависимости от уровня культурного капитала
(в абс. числах и проценте от числа опрошенных в каждой
группе по уровню оценки своего культурного капитала)

Кем Вы себя ощущаете?	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень	Всего
Наемным работником	37 (68,5 %)	20 (51,3 %)	19 (63,3 %)	76
Собственником	13 (24,1 %)	12 (30,8 %)	6 (20,0 %)	31
Акционером	4 (7,4 %)	2 (5,1 %)	0 (0,0 %)	6
Эксплуатируемым	0 (0,0 %)	3 (7,7 %)	4 (13,3 %)	7
Бедным	3 (5,6 %)	1 (2,6 %)	6 (20,0 %)	10
Богатым	1 (1,9 %)	1 (2,6 %)	0 (0,0 %)	2
Средний класс	34 (63,0 %)	23 (59,0 %)	14 (46,7 %)	71
Свободным	28 (51,9 %)	19 (48,7 %)	9 (30,0 %)	56
Итого	54	39	30	123

Примечание. Сумма не равна 100 %, так как можно было выбрать несколько вариантов ответа.

В группе тех, кто считает себя бедным и эксплуатируемым, больше тех респондентов, кто имеет малый «культурный багаж». Примечательно, что собственники и те, кто считает себя богатым, чаще обладают средним культурным капиталом (хотя и со сдвигом в сторону более высокого). Тем не менее, чем выше культурный капитал, тем более комфортно ощущают себя респонденты в контексте городского образа жизни, в условиях рыночных взаимоотношений.

Обобщая результаты наших размышлений и поисков, можно с определенностью предположить, что тезис о положительном влиянии уровня культурного капитала на степень социальной адаптации при всей очевидности подтверждает необходимость и экономическую целесообразность расширенных капиталовложений в практики просвещения, распространения норм и стандартов высокой культуры, образования и расширения культурных горизонтов горожан.

Список литературы

1. Парк Р.Э. Экология человека // Теоретическая социология: антология: в 2 ч. / пер. с англ., фр., нем., ит., сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. – М.: Университет, 2002. – Ч. 1. – С. 374.
2. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. – М.: Праксис, 2013. – С. 46.
3. Титков А.С. Культурсоциология против фараона: «перформативная революция» в Египте // Социологическое обозрение. – 2012. – Т. 11, № 2.
4. Социальные реальности и социальные миражи / Кордонский С.Г. [и др.] // Мир России. – 2011. – № 1.
5. Рощина Я.М. Стиль жизни в отношении здоровья: имеет ли значение социальное неравенство? [Электронный ресурс] // Экономическая социология. – 2016. – Т. 17, № 3. – С. 13–36. – URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2016/05/29/1132277413/ecsoc_t17_n3.pdf#page=13.

Боронников Александр Дмитриевич – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: abdibor@mail.ru.

В.Ю. Бочаров

СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ТЕХНИКИ БЕЗОПАСНОСТИ НА РОССИЙСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

На основе данных мониторинговых исследований социально-трудовой сферы промышленных предприятий, выполненных НИИ социальных технологий Самарского университета в одном из регионов Поволжья в 2004–2013 годах, приводится динамика доли персонала, работавшего с нарушением техники безопасности, и мнения работников относительно необходимости проведения государственной инспекционной проверки на предприятии по поводу условий и безопасности труда.

Ключевые слова: мониторинг социально-трудовой сферы, техника безопасности, охрана труда, условия труда.

V.Yu. Bocharov

THE STATE OF THE SYSTEM OF OCCUPATIONAL SAFETY AT RUSSIAN INDUSTRIAL ENTERPRISES

On the basis of data of monitoring studies of socio-labour sphere of industrial enterprises carried out by the Institute of social technologies of the Samara University in Volga region in 2004-2013, shows the changes the proportion of staff who worked with security breaches and opinions of employees regarding the need for state inspection at the company about the working conditions and safety of labor.

Keywords: monitoring research of social-labour sphere, occupational safety, labor protection, working conditions.

Одним из условий эффективной социальной политики в области трудовых отношений, наряду с адекватной оплатой труда наемного персонала и механизмами ее повышения, является создание благоприятных условий труда и проведение мероприятий по охране труда персонала. В социологических исследованиях под охраной труда понимается система обеспечения безопасно-

сти жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающая правовые, социально-экономические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия [1, с. 190].

Исследователи НИИ социальных технологий Самарского университета 20 лет осуществляют систематический анализ состояния социально-трудовой сферы промышленных предприятиях одного из регионов Поволжья. Научное руководство проектом осуществляет Н.В. Авдошина – директор НИИ социальных технологий Самарского университета. Автор статьи является исполнительным директором НИИ и участвует в исследованиях с 2000 года. Методология исследований в режиме мониторинга подробно изложена в статьях [2, с. 144–156; 3, с. 41–50]. История мониторинговых исследований промышленных предприятий кратко описана в работе [4, с. 415–423].

В статье приведены данные массовых опросов работников отечественных промышленных предприятий восьми видов обрабатывающих производств одного из регионов Поволжья, осуществленных в 2004 ($N = 1000$), 2006 ($N = 1000$), 2008 ($N = 1000$), 2012 ($N = 700$), 2013 годах ($N = 700$).

Основной показатель, позволяющий судить о состоянии системы охраны труда на предприятиях, связан с выяснением распространенности случаев работы с нарушением техники безопасности. Техника безопасности – система организационных мероприятий, технических средств и методов, предотвращающих воздействие на работающих опасных производственных факторов [5, с. 128].

Респондентам в анкете предлагалось ответить на вопрос: «Приходилось ли Вам в последнее время работать на оборудовании, не отвечающем требованиям техники безопасности?». Полученные в 2013 году данные опроса позволяют сказать, что доля работников предприятий обрабатывающих производств, работавших с нарушением техники безопасности, существенно сократилась по сравнению с данными всех преды-

дущих мониторинговых исследований. Динамика доли респондентов, работавших с нарушением правил техники безопасности, приведена ниже:

2004 год.....25,9 %,

2006 год.....20,3 %,

2008 год.....34,7 %,

2012 год.....21,8 %,

2013 год.....13,8 %.

По обследованным группам предприятий обрабатывающих производств наиболее распространены случаи нарушения техники безопасности среди работников химического производства и производства транспортных средств и оборудования, где доля работавших в 2013 году с нарушением правил техники безопасности составляет более 1/5 опрошенных. В табл. 1 представлены доли респондентов, работавших с нарушением правил техники безопасности, по обследованным предприятиям обрабатывающих производств.

Таблица 1

Работали с нарушением техники безопасности
(в процентах, ранжировано по мере уменьшения
доли ответивших в 2013 году)

Обрабатывающие производства	2008 г.	2012 г.	2013 г.
Химическое производство	35,2	22,4	23,0
Производство транспортных средств и оборудования	Не обслед.	31,9	21,6
Металлургическое производство	Не обслед.	Не обслед.	16,7
Производство резиновых и пластмассовых изделий	Не обслед.	Не обслед.	11,4
Производство электрооборудования	Не обслед.	Не обслед.	10,6
Производство машин и оборудования	24,8	26,6	4,3

Гораздо чаще на работу с оборудованием, не отвечающим требованиям техники безопасности, соглашаются мужчины. В 2013 году об этом сообщил каждый пятый мужчина и только примерно каждая одиннадцатая женщина. По сравнению с дан-

ными всех предыдущих мониторинговых исследований, сокращение доли работавших на небезопасном оборудовании произошло в обеих гендерных группах (особенно заметна тенденция сокращения начиная с 2008 года). Причем доли и мужчин, и женщин, работавших с нарушением техники безопасности, были в 2013 году минимальными за все время отслеживания этого параметра в мониторинговых исследованиях (табл. 2).

Таблица 2

Работали с нарушением техники безопасности
(в процентах)

Гендерные группы	2004 г.	2006 г.	2008 г.	2012 г.	2013 г.
Мужчины	31,4	26,9	42,1	33,6	19,7
Женщины	22,0	13,3	23,9	11,7	8,5

Тем респондентам, которые указали, что в последнее время им приходилось работать на оборудовании, не отвечающем требованиям техники безопасности, задавался вопрос: «В чем конкретно проявляется несоответствие требованиям техники безопасности?». Ниже представлено распределение ответов по группе отвечавших (табл. 3).

Таблица 3

В чем выражались нарушения техники безопасности
(в процентах, в сравнении с данными 2012 года, ранжировано по мере уменьшения доли ответивших в 2013 году)?

Варианты ответов	2012 г.	2013 г.
Работа на неисправном, изношенном, устаревшем оборудовании	71,0	68,0
Работа неисправным инструментом или приспособлениями	28,4	24,0
Отсутствие средств защиты (специальных рукавиц, респираторов, спецодежды)	15,9	22,0
Работа на оборудовании, которое не сертифицировано, не соблюдается срок проверки госинспекцией по труду	18,8	14,7

Окончание табл. 3

Варианты ответов	2012 г.	2013 г.
Отсутствие средств конструктивной защиты	12,5	7,3
Отсутствие предупредительных оповещающих знаков (об ограничении грузоподъемности, о наличии высокого напряжения, о возможности выбросов газа, пара и т.п.)	9,1	6,0

Примечание. Респондент мог отметить несколько вариантов ответа, поэтому итог больше 100 %.

Итак, наиболее массовым нарушением техники безопасности на промышленных предприятиях является работа на неисправном, изношенном и устаревшем оборудовании. Такая ситуация характерна для предприятий всех обследованных в 2013 году видов производств (такая же ситуация наблюдалась и в исследованиях 2008 и 2012 годов).

В исследованиях 2012–2013 годов работникам предприятий обрабатывающих производств задавался вопрос: «Считаете ли Вы, что на предприятии необходима проверка инспекции по труду на предмет условий и безопасности труда?». Ниже представлены мнения опрошенных работников относительно необходимости такой проверки (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос:
«Считаете ли Вы, что на предприятии необходима проверка инспекции по труду на предмет условий и безопасности труда?» (доля работников, %)

Обрабатывающие производства	Да, такая проверка нужна	Нет, не нужна	Трудно сказать	Итого
Данные опроса 2013 г.	20,0	40,6	39,3	100,0
Данные опроса 2012 г.	25,7	38,9	35,4	100,0

Из данных табл. 4 видно, что по сравнению с 2012 годом произошло незначительное сокращение доли тех, кто настаивает на необходимости проверки своего предприятия инспекцией по

труду на предмет соответствия условий и безопасности труда требованиям трудового законодательства. В 2013 году на этой проверке настаивал каждый пятый опрошенный работник.

Тем респондентам, которые указали, что проверка государственной инспекцией на предмет условий и безопасности труда нужна, задавался вопрос: «Если такая проверка нужна, то напишите, пожалуйста, на какие нарушения ей следует обратить внимание?». Как и в исследовании 2012 года, вопрос задавался в открытой форме, т.е. не предполагал заранее написанных вариантов ответа. Далеко не все респонденты написали свои предложения (ответы дали 8,2 % от всех опрошенных). Многие при этом высказали общие замечания относительно необходимости проверки всей системы техники безопасности на предприятии, надеясь на компетенцию инспекции по труду (*«безопасность труда», «вредность труда», «экологию», «нарушения техники безопасности», «по всем параметрам», «противопожарная безопасность», «сами пусть ищут», «техническое состояние», «условия труда в целом (в цеховых помещениях)», «на состояние рабочих мест в цехах» и т.п.*).

Другие респонденты, наоборот, указывали конкретные проблемы, связанные с их рабочим местом, технологическим процессом или профессиональными обязанностями: *«замеры воздуха на выделения вредных веществ при работе на вторичном сырье», «на отсутствие стропов, пригодных для использования», «нужно произвести замену крыши».*

Некоторые респонденты указывали на необходимость обратить внимание на проблему пожарной безопасности: *«пожарная безопасность, слишком много заблокированных дверей», «пожаробезопасность, соблюдение охраны труда», «плохая проводка, старые сломанные окна».*

Но, как и в 2012 году, самыми массовыми были две группы проблем, на которые хотели бы обратить внимание опрошенные работники.

Во-первых, это проблемы, связанные с неудовлетворительными санитарно-гигиеническими условиями труда (отсутствие вентиляции, отопления, плохое состояние душа и туалета, грязь в помещении, плохое освещение и т.п.): *«летом жарко, дышать нечем», «нет душа, холодная вода, нет вентиляции, плохое освещение в цехе», «освещение, отопление, питьевая вода, спецодежда», «отвратительное состояние туалетов, частое несоблюдение температурного режима», «крыши протекают», «частичный или полный ремонт крыши», «сильная загазованность в цехе, плохая вентиляция, холодно», «смог, скользкий пол, плохая организация рабочего места», «температурный режим в цехе, питье в летнее время», «холодно, нет горячей воды, нет места для приема пищи»* и т.п.

Во-вторых, это проблемы работы на старом, изношенном, несертифицированном оборудовании: *«неисправное изношенное оборудование», «устаревшие оборудование и инструменты», «на предмет вентиляции и технического состояния оборудования», «нужно новое оборудование».*

Таким образом, несмотря на то, что в 2013 году произошло существенное сокращение доли респондентов, работавших с нарушением правил техники безопасности, необходимо понимать, что согласно трудовому законодательству таковых не должно быть вовсе и каждый случай нарушения техники безопасности грозит обернуться травматизмом, потерей здоровья и даже жизни работника. Практически повсеместно основным нарушением техники безопасности на промышленных предприятиях является работа на неисправном, изношенном и устаревшем оборудовании.

Список литературы

1. Бочаров В.Ю. Охрана труда // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. В.А. Ядов. – СПб.: Наука, 2006. – С. 190–191.

2. Авдошина Н.В. Социально-трудовая сфера как объект социологического анализа // Проблемы труда, трудовых отношений и качества жизни: сб. науч. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Самара, 11–12 октября 2007 г. – Самара: Универс групп, 2007. – С. 144–156.

3. Тукумцев Б.Г. Самарский мониторинг социально-трудовой сферы // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С. 41–50.

4. Тукумцев Б.Г. Из истории Самарского мониторинга социально-трудовой сферы // Юбилейный сб. науч. тр. преподавателей, аспирантов и магистрантов социол. факультета Самар. гос. ун-та. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2014. – С. 415–423.

5. Бочаров В.Ю. Техника безопасности // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. В.А. Ядов. – СПб.: Наука, 2006. – С. 328–329.

Бочаров Владислав Юрьевич – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и политологии Самарского национального исследовательского университета, e-mail: vladislav_bocharov@rambler.ru.

В.А. Бурко

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ
СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЕЙ.
ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ**

Представлен взгляд автора на один из подходов по социологическому обеспечению органов власти региона, опирающийся на более чем десятилетний опыт работы руководителя социологической службы при администрации губернатора. Представлены три основных направления в работе социологической службы в органах власти. Обозначена проблема использования социологического показателя «социальное самочувствие» в системе показателей управления регионом.

Ключевые слова: социологическое обеспечение управления регионом, социологические индикаторы, оценка работы органов власти, социальное самочувствие.

V.A. Burko

**SOCIOLOGICAL INDICATORS
OF TERRITORY MANAGEMENT SYSTEM.
ACHIEVEMENTS AND CHALLENGES**

The author's view of one of sociological approaches to ensure the enforcement authorities in the region, based on more than a decade of experience at the head of the sociological service of the governor's administration are presented in the article. The three main directions in the work of the sociological service of the authorities are described. The problems of using sociological indicator “social well-being” in the system of regional governance are designated.

Keywords: sociological region management, sociological indicators, evaluation of the government, social well-being.

Автор настоящих тезисов, работая в течение пятнадцати лет (1992–2007) руководителем службы социологического мониторинга в структуре администрации губернатора области (края), руководил проектом под условным названием «Социо-

логические показатели (индикаторы), оценивающие работу органов власти территории». Опыт разработки данного проекта дает основание сделать следующие выводы:

1. Социологическое обеспечение работы органов власти на уровне региона в настоящее время в большинстве случаев предоставляет социологическую информацию по трем базовым направлениям¹:

– оценка населением качества работы региональных органов власти (представительной, исполнительной, судебной); в это же направление нередко включается и оценка работы органов местного самоуправления;

– анализ общественного мнения по наиболее актуальным проблемам и текущим событиям (в том числе – оценка населением деятельности политических партий и движений);

– оценка уровня социального самочувствия населения как показатель самооценки качества жизни.

2. С точки зрения эмпирической социологии методологически и методически наиболее разработанным направлением является оценка населением качества работы региональных органов власти. Форма такой оценки может меняться в зависимости от интереса заказчика (руководителя региона) и профессионализма сотрудников социологической службы. Содержание же сводится, как правило, к *оценке качества работы органа власти* и к *оценке уровня доверия к нему* [1]. Проблема лишь в том, что в настоящее время, несмотря на более чем двадцатилетний

¹ Разумеется, мы говорим о ситуации, когда в структуре регионального органа власти (представительного или исполнительного) существует служба, которая, в той или иной форме, занимается социологическим обеспечением работы этого органа. В случае, если таковая служба отсутствует (что в настоящее время является более типичной ситуацией), руководители органов власти региона всё равно вынуждены вести работу по нижеуказанным трем направлениям, но имея очень субъективную, а значит, недостоверную, информацию о чувствах и настроениях населения.

опыт взаимодействия социологов и управленцев, отсутствует единый методологический подход к такого рода оценкам как на региональном, так и на федеральном уровнях. А это, в свою очередь, не дает возможности сравнения результатов социологических опросов в разных регионах, что снижает их (результатов) теоретическую и практическую ценность.

3. Анализ общественного мнения по наиболее актуальным проблемам и текущим событиям проводится исходя из информационных потребностей (и финансовых возможностей!) руководителей органов власти. И хотя таковые потребности носят всегда сугубо территориальный характер, социологические службы, работающие по данному направлению, нередко используют методические наработки других, как правило общероссийских, социологических организаций, что позволяет проводить сравнительный анализ результатов по регионам, но это практически никогда не осуществляется.

4. Наиболее сложной с методологической и методической точек зрения является социологическое обеспечение оценки (а точнее – самооценки) качества жизни населения региона. Несмотря на то, что почти двадцать лет большой группой социологов под руководством члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина проводится общероссийский мониторинг качества жизни населения различных регионов России [2], он не стал основополагающим документом для региональных органов власти. Можно предположить, что главной причиной такого положения стало отсутствие какой-либо официальной реакции федеральных органов власти на данное исследование.

Как было сказано выше, автором за время работы в региональном органе власти также была предпринята попытка разработки программы территориального социологического мониторинга, в основу которого была положена оценка социального самочувствия населения Пермской области (ныне – края). Совместно с ведущими социологами Перми и, в частности, сотрудниками кафедры социологии и политологии Пермского

политехнического университета (ныне – ПНИПУ) была составлена программа областного социологического мониторинга, результаты которого за три года (1998–2000) легли в основу кандидатской диссертации автора [3]. Однако, несмотря на столь основательную теоретическую и прикладную проработку данного проекта, социологические индикаторы социального самочувствия не стали инструментом управления социальной ситуацией для руководителей региона. Доказательством этого является отсутствие этого направления работы в деятельности нынешней социологической службы в структуре исполнительного органа власти края.

На первый взгляд, такое положение дел выглядит странным, так как российскими социологами в последние годы ведутся активные разработки концепта «социальное самочувствие». Накоплен большой массив данных прикладных социологических исследований в этом направлении [4–18]. Опираясь на свой личный опыт и анализируя результаты проведенных исследований по оценке социального самочувствия, мы можем предположить, что основной причиной незаинтересованности органов власти в данном социологическом индикаторе является непонимание со стороны управленцев того, как управлять этим самым «социальным самочувствием». И хотя в начале 2000-х годов автором предприняты определенные меры для решения данной проблемы (в частности, была сформирована структура показателя «социальное самочувствие», состоящая из двух частей: самооценка уровня жизни и оценка социально-психологического комфорта), тем не менее вопрос ее решения остается актуальным по сегодняшний день.

Список литературы

1. Соловейкина Е. Городские проблемы в общественном мнении омичей // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2016. – С. 52–56.

2. Лапин Н.И. Актуальные теоретико-методические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. – 2015. – № 1. – С. 5–10.

3. Бурко В.А. Социальное самочувствие в условиях трансформации российского общества (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Пермь, 2000. – С. 10.

4. Воронин Г.Л. Социальное самочувствие россиян (1994–1996 гг.) // Социологические исследования. – 2001. – № 6. – С. 59–60.

5. Давыдова Е.В. Измерение социального самочувствия молодежи. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1992. – С. 6–7.

6. Дубин Б.В. Социальное самочувствие // Информационный бюллетень. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены / Междисциплинар. академ. центр социальных наук; ВЦИОМ. – М., 1993. – № 5. – С. 18–20.

7. Коротева О.В. Социальное самочувствие как критерий психического и духовного здоровья населения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1998. – С. 17–18.

8. Крысько В.Г., Симанович Н.Е. Психологические основы изучения социального самочувствия людей в современном российском обществе // Вестник Ун-та (ГУУ). – 2001. – № 1(3). – С. 163–176.

9. Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Мир России. – 2003. – № 1. – С. 121–145.

10. Русалинова А.А. Социальное самочувствие человека в современном мире как научная проблема // Вестник СПбГУ. – 1994. – Сер. 6, вып. 1. – С. 49–61.

11. Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. – М.: Academia, 1996. – С. 28.

12. Уледов А.К., Анищенко А.И. Исследование общественного настроения как социально-психологического явления // Философские науки. – 1968. – № 1. – С. 48–54.

13. Баталова Н.Л. Социальное самочувствие молодежи в условиях изменяющегося общества (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Тюмень, 2009. – 26 с.

14. Андрееenkova A.B. Материалистические/постматериалистические ценности в России // Социологические исследования. – 1994. – № 11. – С. 66–68.
15. Асланова О.А. Социальное самочувствие: измерительный инструментарий, показатели и социальные критерии // Теория и практика социального развития. – 2012. – № 2.
16. Бессокирная Г.П., Темницкий А.Л. Удовлетворенность работой на предприятии и удовлетворенностью жизнью // Социологический журнал. – 1999. – № 1–2. – С. 186–191.
17. Головаха Е.И., Панина Н.В., Горбачик А.П. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС // Социология: 4 М. – 1998. – № 10. – С. 45.
18. Дулина Н.В., Токарев В.В. Социальное самочувствие населения как один из критериев оценки деятельности региональной власти // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: материалы всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Смоленск, 6–9 октября 2009 г. – Смоленск: Универсум, 2009. – С. 89–95.

Бурко Виктор Александрович – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: victor-burko@yandex.ru.

О.А. Бурова

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТНОСТИ НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ

Рассматриваются признаки коллективной и индивидуальной субъектности российских работников. Несмотря на признание ограниченной субъектности российских работников, автор предлагает изучать формирование и выражение субъектности разных групп работников в конкретной трудовой ситуации.

Ключевые слова: субъектность, наемные работники, социально-трудовые отношения.

O.A. Burova

TO THE ISSUE OF EMPLOYEES SUBJECTNESS

This study focuses on the collective and individual subjectness of employees. Despite recognition of limited subjectness of Russian employees, the author suggests to study forming and coming out subjectness of different groups of employees in a particular working situation.

Keywords: subjectness, employees, labor relations.

В условиях современного общества – капиталистического, индустриального, массового – вопрос о субъекте той или иной деятельности или социальных отношений является открытым, проблематичным. В трудовой сфере преобладает экономическое принуждение к труду, отделение работника от собственности и от управления, узкая специализация труда, формализованные и централизованные структуры, что является объективными условиями отчуждения труда и ограничения субъектности носителей труда.

Однако мы исходим из предпосылки, что внешне установленные ограничения, институциональные правила, во-первых, предоставляют работнику в большей или меньшей степени возможности свободного маневра, выбора и формирования опреде-

ленных условий и содержания труда, во-вторых, сами эти правила вырабатываются, воспроизводятся и меняются в процессе трудовой деятельности и взаимодействия. Даже в условиях жесткой регламентации трудовой деятельности, будь она вызвана отношениями собственности, технологическим процессом или бюрократическим контролем, у работников возникают возможности своеобразного отклика, сопротивления власти собственников и руководителей, возможности если не установления своих правил, то, как минимум, собственного «прочтения» установленных правил, в частности их деформализации.

Таким образом, в условиях современного производства правомерно говорить о тех или иных проявлениях субъектности наемных работников. Под субъектностью личности, социальной группы мы понимаем, во-первых, осознание и выражение своих интересов, приоритетов, целей и, во-вторых, наличие и использование субъективных и объективных возможностей реализации этих интересов, т.е. это «подтвержденная ресурсами способность действовать ради достижения своих целей» [1, с. 84]. Полноценный субъект обладает саморефлексией, производит собственные социальные смыслы, познает данную ему действительность и преобразует ее в соответствии со своими намерениями и волей, имея способность противостоять власти и доминирующим дискурсам [2, с. 94]. Значимой в оценке субъектности является также способность устанавливать и поддерживать правила своей деятельности и взаимодействия с другими субъектами, что, в свою очередь, связано с признанием легитимности этих правил и самого субъекта его партнерами, контрагентами.

Субъектность наемных работников выражается в степени влияния на условия труда, его содержание и результаты, а также в активном участии в выработке решений, в регулировании социально-трудовых отношений в соответствии со своими интересами. На уровне предприятий партнерами, контрагентами работников выступают другие группы работников, профсоюз, руководство, работодатель, при этом субъектность проявляется и в

сознательно выбранной стратегии противоборства или сотрудничества по отношению к этим контрагентам.

В аналитических целях необходимо различать проявления субъектности работников на индивидуальном и групповом (коллективном) уровне, а также в разных сферах их деятельности, которые соответствуют разным подсистемам социальных отношений на предприятии: 1) в регулировании трудовых отношений с работодателем, 2) в процессе выполнения трудовых функций и непосредственного взаимодействия на уровне рабочего места, 3) во внепроизводственных неформальных отношениях (формировании социально-психологического климата в коллективе). Разные уровни и сферы проявления субъектности работников взаимосвязаны между собой, однако нельзя утверждать, что проявление субъектности, например, на индивидуальном уровне однозначно сказывается на развитии субъектности на коллективном уровне [3, с. 41].

Коллективная (социальная) субъектность наемных работников предполагает наличие солидарности, групповой идентичности, разделяемых норм и ценностей, совместных действий. По результатам исследований, проводимых с конца 1990-х годов, российские наемные работники в большинстве своем не обладают коллективной субъектностью, поскольку в российском обществе отсутствует классовая солидарность наемных работников, а корпоративная солидарность в большей степени основана на отношениях лояльности и патернализма, т.е. отказе работников от самостоятельности и участия в принятии решений. При этом солидарность работников на уровне предприятия или отдельных подразделений, групп носит скорее эмоционально-экспрессивный, нежели функциональный характер, т.е. она не направлена на решение трудовых задач, развитие ответственности за реализацию общих интересов.

Что касается индивидуальной субъектности работников, то ее проявления в современных российских условиях достаточно противоречивы: разные группы работников обладают опреде-

ленной степенью самостоятельности и самоорганизации в работе [3, с. 38–40], однако их субъектность проявляется главным образом в неформальных отношениях и практиках, скорее в избегании влияния со стороны других субъектов, нежели в активном влиянии на установление правил, изменение параметров своей трудовой деятельности; при этом самостоятельность и участие в управлении не является значимой трудовой ценностью для большинства работников. В связи с этим можно говорить об ограниченной субъектности российских наемных работников (в литературе встречаются понятия «гипосубъектность», «протосубъектность», «редуцированная субъектность»). Вместе с этим выделяются группы работников, которые обладают более высокой степенью субъектности, это высококвалифицированные специалисты, занятые в более гибких организационных структурах, определенные группы инженерно-технических работников [2, с. 103–104], представители свободных профессий.

Поскольку мы рассматриваем субъектность как динамическое состояние, которое постоянно производится и воспроизводится в процессе трудовой деятельности и непосредственного взаимодействия различных групп и индивидов, то имеет смысл рассмотрение формирования и выражения субъектности работников в конкретной трудовой ситуации. К факторам, которые влияют на субъектность работников, относятся, во-первых, ресурсный потенциал работников (в первую очередь это их человеческий капитал, в том числе специфические знания и навыки, а также социальный капитал), во-вторых, их социокультурные характеристики (идентичность, восприятие трудовой ситуации и своей роли, социальные установки разного уровня). Изучение этих факторов позволит определить степень субъектности разных групп работников в определенных социальных условиях.

Список литературы

1. Климов И.А. Российские рабочие в кризисе: потенциал субъектности и социального партнерства // Мир России. – 2013. – № 2. – С. 83–106.

2. Комбаров В.Ю. Феномен субъекта труда на промышленных предприятиях Сибири: анализ в постструктуралистской социологической перспективе и построение типологии // Мир России. – 2015. – № 3. – С. 88–107.

3. Темницкий А.Л. Самостоятельность в работе как фактор формирования субъектности рабочих в России // Социологические исследования. – 2011. – № 12. – С. 35–42.

Бурова Ольга Аркадьевна – ст. преподаватель кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: socio@pstu.ru.

Ю.М. Вассерман

МОДЕРНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ И ИХ УРОВНЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ

На основе разработанной автором методики измерения уровня модернизации культуры проверяются гипотезы о влиянии указанного уровня на уровень религиозности обследуемых студентов. Эмпирические данные не опровергают выдвинутые гипотезы.

Ключевые слова: модернизация культуры, уровень религиозности студенческой молодежи, культура студентов.

Yu.M. Vasserman

MODERNIZATION OF CULTURE STUDENTS AND THEIR LEVEL OF RELIGIOUS

The technique of culture modernization level measurement developed by Yu.Vasserman was the base of our survey. The survey checked the hypothesis about effect of culture modernization level of student culture on level religious of students. The data could not refute the hypothesis.

Keywords: culture modernization, student religious level, student culture.

Целью данной работы является изучение связей, указывающих на то, что некоторые аспекты социокультурной дифференциации современного российского общества есть результат его модернизации. Эти аспекты отражают общественные противоречия, как результат столкновения социокультурных феноменов, которые связаны с различными этапами процесса модернизации общества. Социальная модернизация понимается как переход от традиционной стадии развития общества к современной. В основе этого перехода лежат технологические изменения.

Общество, вступившее на путь модернизации, переживает процесс социокультурной дифференциации общества на группы, обладающие разными наборами регуляторов челове-

ческого поведения. Эти наборы вызывают различные реакции (положительные и отрицательные) их носителей на феномены, вызванные модернизацией. Подобная ситуация требует теоретического осмысления, разработки новых категорий

Описанную социокультурную дифференциацию общества, вызываемую его модернизацией, можно назвать модернизационным социокультурным континуальным синдромом. Можно выделить два полюса такого континуума. Первый связан с отрицательным отношением к постоянному потоку новшеств, приносимых процессом модернизации, его можно назвать контрмодернизационным синдромом. Второй связан с положительным отношением к постоянному потоку новшеств, приносимых процессом модернизации, его можно назвать промодернизационным синдромом [1].

В любой стране можно наблюдать множество групп с различным уровнем модернизации культуры и множество культур с различным уровнем модернизации – лидеров и аутсайдеров культурной модернизации. Культура, усвоенная в детстве, приспособливает поведение людей к определенному типу социальной реальности, на после этого данная реальность часто меняется в результате модернизации, и усвоенная в детстве культура перестает соответствовать новым условиям, становится нефункциональной. В этом случае часто может возникать конфликт между ценностями, установками и другими регуляторами человеческого поведения и внешними условиями этого поведения.

Например, в России всего несколько поколений назад большинство населения было сельским и жило в условиях натурального хозяйства, и его культура соответствовала данному уровню развития технологического и социально-экономического окружения. Процесс модернизации изменил это окружение в течение нескольких десятилетий, но культура не способна изменяться так быстро. Множество людей оказались в конфликте с последствиями процесса модернизации – такими, как, например, новое разделение труда, рынок, новый статус женщин и т.п. На-

блюдаются группы с различным уровнем модернизации культуры, с различными установками на модернизацию и ее продолжение. Дифференциация общества на группы, по-разному относящиеся к модернизации, является причиной многих конфликтов в модернизирующемся обществе. Во множестве стран можно наблюдать подобную картину.

Процесс глобализации делает актуальным вопрос о всемирной культурной дифференциации такого рода. Измерение подобной культурной дифференциации может дать информацию о потенциальной конфликтогенности общества. Модернизация традиционных обществ воспринимается как вестернизация их культур и вызывает различную реакцию у различных групп в этих обществах, тяготеющих к традиционной культуре. Для обозначения этих различных реакций на модернизацию общества можно использовать предложенную категорию модернизационного социокультурного континуального синдрома. В его рамках выделяется как положительный полюс этого континуума – промодернизационный синдром, так и отрицательный его полюс – контрмодернизационный синдром. Последний может носить различную идеологическую окраску, но носителем его выступают социальные группы с пониженным уровнем модернизации их культуры. Вышесказанное обосновывает необходимость разработки инструментария для эмпирического измерения дифференциации общества на группы с разным уровнем модернизованности культуры.

Автор придерживается технологического определения культуры. При таком подходе культура есть система человеческой деятельности. Более узко под культурой мы будем понимать (вслед за Л. Уайтом [2], П. Боханан [3], Э.С. Маркаряном [4], З.И. Файнбургом [5] и др.) систему внебиологически транслируемых регуляторов человеческого поведения, т.е. культура здесь понимается как система биологически ненаследуемых регуляторов человеческого поведения (норм, ценностей, установок и т.п.) в самых разных сферах жизни (семья, труд, поли-

тика, обмен и т.п.). Указанные регуляторы реализуют свои регулятивные функции посредством институтов. В основании институтов и лежат те самые нормы, ценности, установки. Говорить о культуре, ее производстве, воспроизводстве, трансляции необходимо в определенном контексте, включающем, помимо институтов и агентов, «действителей» культуры, обывателей.

Именно поэтому одной из важнейших функций культуры является адаптация человеческого поведения к окружающей среде. Эта среда постоянно меняется в результате технологической и социальной модернизации [6]. Поскольку в основе процесса модернизации лежит устойчивый процесс изменений в сфере технико-технологической базы общества, материально-вещественных условий деятельности людей, то для выполнения функции адаптации культура, как система биологически не наследуемых регуляторов поведения, тоже должна изменяться. Однако культура изменяется медленнее материально-вещественных условий, в этом состоит феномен инерции культуры.

В рамках данного подхода автором был использован социологический инструментарий (на основе методики Ликерта) для количественного измерения уровня модернизованности культуры [8]. Согласно предложенной методике было использовано пять групп утверждений для определения установок на феномены, связанные с современным и традиционным типами общества:

- 1) группа утверждений о семейных отношениях;
- 2) связанных со сферой экономики;
- 3) измеряющие установки по социальному равенству;
- 4) связанных с политическими проблемами;
- 5) связанных с измерением уровня открытости (терпимости к другим культурам, инновациям и т.п.).

Балл культурной модернизации респондентов был нормализован по формуле

$$\text{Балл респондента} / 60 - 1,$$

где 60 – число утверждений шкалы Ликерта.

После этого ноль означал минимальный уровень модернизации культуры (культура чистого традиционного общества) и пять означает максимальный уровень модернизации культуры (культура чистого современного общества). Количество баллов, набираемых по этой шкале индивидом, моделирует его установки на феномены модернизации. Чем больше сумма набранных баллов, тем более выражена положительная установка индивида на феномены современного общества (т.е. менее выражена положительная установка на феномены традиционного общества). С помощью данной методики несколько раз было опрошено по несколько сотен (от 500 до 800) студентов в университетах г. Перми (опросы проводились в 1991/92, 2004/95, 2005/96, 2010/11, 2012/13 2013/14 учебных годах), и одно охватывало работников двух производственных предприятий (более 500 человек, 2003 год).

Студенты, в качестве индикатора укорененности культурных изменений, были выбраны по следующим соображениям. Студенты, в силу однородности по таким признакам, как возраст, уровень образования, статус в обществе, позволяют исследователю пренебречь этими факторами и сосредоточиться на факторах культурной модернизированности. К тому же студенты представляют собой горизонтальный срез нашего общества, и их дифференциация, в известной степени, отражает дифференциацию общества в целом.

Полученные по методике данные позволяют выявить распределение в исследуемой совокупности баллов, характеризующих уровень модернизации культуры личности студентов (рис., график построен по данным опроса 2013/14 учебного года).

Во всех проведенных исследованиях по указанной методике проводилось измерение уровня модернизации культуры респондентов, а также измерялись показатели уровня религиозности респондентов. Уровень религиозности респондентов измерялся по методике, используемой в лаборатории социологии ПНИПУ.

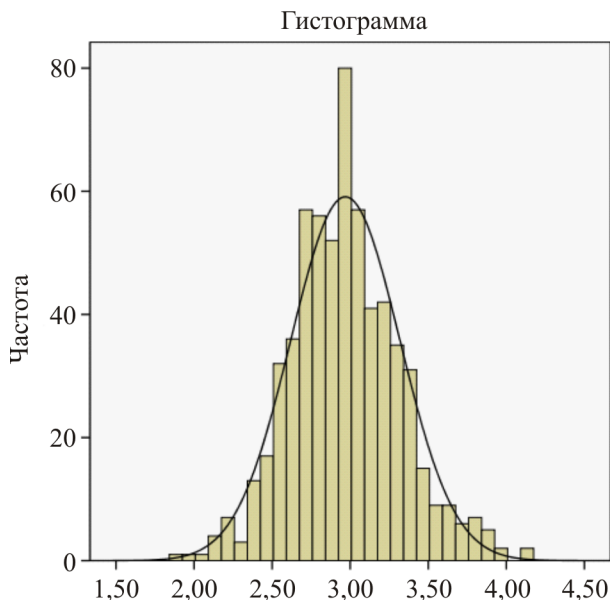

Рис. Распределение показателя уровня модернизации культуры по массиву 2013/14 учебного года ($N = 621$)

Укажите Ваше отношение к религии (можно выбрать только один ответ):

1	В Бога не верю и активно выступаю против религии
2	В Бога не верю, но активно против религии не выступаю
3	В Бога не верю, но и вреда религии не вижу
4	Испытываю колебания между верой и неверием
5	В Бога верю, так воспитан
6	В Бога верю, привлекают религиозные обряды
7	В Бога верю, в этом смысл моей жизни

Связь между двумя анализируемыми показателями проводилась с помощью расчета коэффициента линейной корреляции Пирсона. Величина полученного коэффициента $-0,101$ говорит о слабой отрицательной связи изучаемых величин. Рост модернизации культуры студентов сопровождается слабым уменьшением

уровня их религиозности, но обнаруженная связь является статистически значимой (уровень значимости 0,011, что не позволяет принять нулевую гипотезу об отсутствии связи между анализируемыми показателями в генеральной совокупности.

Список литературы

1. Вассерман Ю.М. Модернизационный социокультурный континуальный синдром // Социология. – 2007. – № 1. – С. 34–49.
2. White L.A. The science of culture: A study of man and civilization. – 2nd ed. – N.Y., 1969. – 444 p.
3. Bohannan P. Rethinking culture // Current Anthropology. A World Journal of the Sciences of Man. – Oct. 1974. – Vol. 14, № 4. – P. 357–372.
4. Маркарян Э.С. О социально-управленческом значении формирования культурологии // Проблемы планирования, прогнозирования, управления и изучения культуры как целого. – Пермь, 1981. – С. 9–12.
5. Файнбург З.И. Смена исторического типа культуры в условиях современности (некоторые вопросы методологии проблемы) // Известия Северокавказ. науч. центра высш. шк. Общественные науки. – 1978. – № 1. – С. 28–34.
6. Culture: Man's adaptive dimension / ed. by A. Montague. – N.Y., 1968. – 289 p.
8. Вассерман Ю.М. Анализ социокультурных последствий модернизации российского общества (некоторые результаты пилотажного исследования) // Уч. записки гум. факультета / Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь, 2004. – Вып. 7. – С. 225–239.

Вассерман Юрий Михайлович – канд. экон. наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: imv@pstu.ru.

И.В. Вицентий

**ПРОБЛЕМА ИНТОЛЕРАНТНОСТИ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ
МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

В статье раскрывается один из аспектов стабильности социально-политической системы России, ее регионов, связанный с проявлениями интолерантности в политической культуре населения Мурманской области.

Ключевые слова: толерантность, политическая толерантность, политическая культура.

I.V. Vicentiy

**THE PROBLEM OF INTOLERANCE
IN THE POLITICAL CULTURE OF THE POPULATION
OF THE MURMANSK REGION**

Subjects of the article disclose the one of the stability aspects of the socio-political system of Russia and its regions. This aspect is related to the manifestations of intolerance in the political culture of the population of the Murmansk region.

Keywords: tolerance, political tolerance, political culture.

Демократический режим требуют не только определенных институций власти, позволяющих населению интегрироваться в систему политических отношений (институциональные преобразования), но и особого типа политической культуры и политического сознания (социокультурные трансформации). Демократия как особый тип управления в качестве одной из базовых ценностей и одновременно нормы предполагает взаимодействие разных политических культур. Однако их многообразие в обществе априори задает потенциал конфликтности и напряженности, что актуализирует ценность толерантности в контексте политических взаимодействий между социальными группа-

ми. В свете описанной ситуации возникает необходимость поиска интегрирующей основы российского социума, формирования нового, бесконфликтного типа сознания личности, где особенно пристальное внимание принадлежит культуре толерантности в системе демократических ценностей и демократической политической культуры гражданина. Толерантность в социологическом смысле понимается как социальная норма, регулирующая социальные взаимодействия субъектов, принадлежащих к различным культурам, и включает в себя уважение оппонента, его мировоззренческих взглядов, ориентаций, ценностей, установок, норм, моделей поведения и др.

В России процессы демократического транзита восходят к эпохе первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина и продолжают по сей день. Особенность политической культуры граждан эпохи СССР состоит в том, что в обществе воспитывалась и поощрялась нетерпимость к политическим оппонентам. После разрушения СССР снялись запреты на самовыражение, в том числе на национальное и религиозное, появилась возможность открыто критиковать нравы, обычаи, традиции, религию людей, принадлежавших к «другим» группам. Сегодня в российском политическом пространстве конкурируют разнообразные политические силы, представленные политическими партиями, общественно-политическими организациями и движениями, заинтересованными группами и группами давления и др. Их повседневное существование для простого российского обывателя не всегда явно, однако российские политические события конца 2011 и начала 2012 года продемонстрировали их существование. Российские выборы 2011–2012 годов вылились в появление так называемого протестного движения 2011–2013 годов, куда оказалась вовлечена часть населения [1]. Сегодня в основном ведется статистический учет ограниченного круга объединений граждан, включая учет и составление реестров зарегистрированных полити-

ческих партий, общественно-политических движений и организаций (в том числе религиозных), мигрантов (включая беженцев). Кроме того, ведется официальная статистика преступлений экстремистского характера. Как констатирует Генпрокуратура РФ (доклад «О состоянии законности в стране в 2014 году»), за последние десять лет выросло число преступлений экстремистской направленности. В 2004 году зафиксировано 130 преступлений экстремистской направленности, в 2013 году – 896, в 2014 году – 1024. Мониторинг показателей социально-политической стабильности также ведется по ограниченному перечню критериев, особенно пристальное внимание российских исследователей и исследовательских организаций уделяется лишь некоторым аспектам по линии этнокультурных, межнациональных взаимоотношений, включая миграционные процессы. Так, мониторинги российских центров изучения общественного мнения («Левада-Центра», ВЦИОМ и др.) на постоянной основе включают индикаторы отношения россиян к этническим группам, мигрантам, и результаты не кажутся оптимистичными. Они свидетельствуют о существующих напряженности, интолерантности и негативном отношении к этим группам практически половины россиян. Современные исследования социальной идентификации россиян показывают, что социально-политические идентичности выражены слабо, в отличие от родственных идентичностей, но при этом дифференцированы так называемые «чужие», среди которых прежде всего политики и представители власти, люди другой национальности, национальные и этнические меньшинства (чеченцы, армяне, грузины, латыши, литовцы), граждане других стран (американцы, Запад вообще), переселенцы, религиозные общности (например, мусульмане). Следует подчеркнуть, что сама плоскость политического является для современного россиянина «чужой», сферой, от которой он старается дистанцироваться [2, с. 83–95; 3]. Наблюдается недостаток де-

тальных качественных и мониторинговых количественных исследований, включая исследования в регионах России, социальных групп с позиций рассмотрения их в качестве политической силы, оценки их политического потенциала.

Мурманская область – субъект Российской Федерации в составе Северо-Западного федерального округа. Сравнительный анализ статистической информации информационно-аналитического портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации показал, что Мурманская область – зона с относительно низкими показателями преступлений экстремистского характера в сравнении с другими регионами России [4]. Тем не менее на территории Мурманской области официальная правовая статистика фиксирует факты совершения преступлений и иных противоправных актов экстремистского характера, а ее социально-демографический анализ показывает, что в ряды экстремистских объединений вступают, как правило, молодые люди в возрасте от 16 до 30 лет.

В исследовании «Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России», проведенном в 2014 году независимой российской исследовательской организацией «Центр изучения национальных конфликтов (ЦИНК)», Мурманская область описывается как зона с низким уровнем напряженности, связанным преимущественно с ненасильственными конфликтными действиями; единичными насильственными действиями, в основном бытового характера; неоднократными конфликтными действиями в Интернете [5].

Существует государственный заказ, который актуализирует меры и действия, направленные на противодействие экстремистской деятельности и формирование толерантного сознания населения в регионах Российской Федерации, включая и Мурманскую область. В регионе уделяется повышенное внимание вопросам профилактики экстремизма, в том числе в молодежной среде. В реализации комплекса мер, направленных

на противодействие экстремистской деятельности и формирование толерантного сознания населения Мурманской области, задействован целый ряд структур, среди которых есть специально созданные в указанных целях. Их деятельность регламентирована региональными официальными документами.

Стоит отметить, что регион является достаточно гетерогенным в социально-культурном отношении, включая этнонациональный, религиозный, политический факторы. Так, например, социальное пространство Мурманской области представлено разнообразными социальными группами, институционализированными в форме общественных объединений (религиозных, молодежных, политических и др.), что фиксирует официальная статистика, а также учет УМВД России по Мурманской области. Анализ показателей миграции, учетом которой занимается Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области, хотя и свидетельствует в целом о миграционной убыли населения, тем не менее показывает тенденцию к увеличению количества приезжающих в регион с 2010 по 2014 год, включая рост показателей межрегиональной (преобладающая доля в общей численности мигрантов) и международной миграции [6]. Кроме того, растет количество трудовых мигрантов. Так, например, суммарный оборот трудовых мигрантов за восемь лет (начиная с 2005 года) вырос практически в два раза (с 3 до 5,6 тыс. чел.). География трудовых мигрантов, въезжающих в Мурманскую область, весьма обширна [7]. В 2013 году наибольшая доля трудовых мигрантов по странам происхождения приходилась на Узбекистан, Таджикистан, Украину, Молдову и Армению [8]. Национальная структура населения Мурманской области, по данным переписи населения 14 октября 2010 г. (процентом к населению, указавшему национальную принадлежность), включает следующие группы: русские – 89,0; украинцы – 4,8; белорусы – 1,7; татары – 0,8; азербайджанцы – 0,5; саамы – 0,2; другие национальности – 3,0 [9]. Эта статистика

имеет важное значение в контексте изучения толерантности, поскольку указанные социальные группы выступают носителями специфичных политических культур. Преодоление политической интолерантности в обществе должно учитывать факторы микро- и макроуровня, где речь идет о процессах формирования политической культуры индивидов, а также институциональных преобразованиях.

Список литературы

1. Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов / сост. М. Алюков. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 480 с.
2. Россияне и поляки на рубеже столетий. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998–2002 гг.) / сост. Е.Н. Данилова, В.А. Ядов. – СПб.: Изд-во РХГА, 2006. – 352 с.
3. Климова С.Г. Критерии определения групп «мы» и «они» // Социологические исследования. – 2002. – № 6. – С. 83–95.
4. Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://crimestat.ru>.
5. Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Весна – осень 2014 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/02>.
6. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области [Электронный ресурс]. – URL: <http://murmanskstat.gks.ru>.
7. Территориальная подвижность национальной рабочей силы в европейской части российской Арктики [Электронный ресурс] / А.Г. Коровкин, И.Н. Долгова, Е.А. Единак, И.Б. Королев. – URL: http://labourmarket.ru/conf11/reports/korovkin_dolgorova_edinak.pdf.

8. Корчак Е.А. Миграционные процессы в формировании трудового потенциала Мурманской области [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.science-education.ru/117-13794>.

9. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_14s/IssWWW.exe/Stg/sev-zap/murman.htm.

Вицентий Ирина Викторовна – ст. преподаватель кафедры экономики и управления Мурманского арктического государственного университета, e-mail: felysite@yandex.ru.

Н.А. Войнова

СОЦИОЛОГИЯ И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Поднимается проблема значимости социологии как науки. Приводятся важные социологические выводы Р. Коллинза. Кратко изложены размышления социального психолога Дэвида Майерса о феномене «Так я и знал!», в которых поясняется способ работы здравого смысла. На основании анализа сделан вывод о противоречивости этого феномена и о безусловном преимуществе научных социологических знаний перед жизненными.

Ключевые слова: социология, здравый смысл, научность.

N.A. Voynova

SOCIOLOGY AND COMMON SENSE

The problem of importance of sociology as a science is covered in the article. The important sociological conclusions by Randall Collins was given in the text. David Mayers's considerations, the social psychologist, about the phenomenon “OH! I knew it!” which explain the way of common sense operation were given in the text. The idea of contradiction of common sense and unconditional superiority of scientific sociological knowledge was proved.

Keywords: sociology, common sense, scientific.

Правда ли, что выводы, сделанные социологами, являются научной точкой зрения на вещи или они лишь представляют то, что уже известно на уровне здравого смысла?

Социология достигла многого в изучении, интерпретации (объяснении, трактовке), моделировании и конструировании социальных процессов [1, с. 8]. Однако в настоящее время отношение к социологии неоднозначное. Существует мнение, что социология – это псевдонаука, так как все социальные явления, изменения, процессы и так понятны на уровне здравого смысла, и что после почти ста лет исследований социологи еще не пришли ни к достоверным обобщениям, ни к более или

менее корректно сформулированным законам, поэтому проблема научности социологии актуальна до сих пор.

Некоторые контраргументы мы находим в трудах доктора философии, профессора Пенсильванского университета Р. Коллинза [2]. Обобщая результаты исследований социологов, Коллинз формулирует три важных положения:

Во-первых, положение, имеющее значение для понимания характера взаимодействия между людьми: находясь в группе достаточно долго, при этом внутри нее интенсивно взаимодействуя, человек будет отождествлять себя с группой, что повлечет неизбежное подчинение образцам поведения при условии, что все субъекты группы равны и не конкурируют за какие-либо ресурсы.

Во-вторых, Коллинз формулирует обобщенные факты, касающиеся познавательной деятельности: ограниченность способностей познавательной деятельности человека является причиной обращения к установившейся рутинной практике в каких-либо неопределенных ситуациях или проблемах, с конкретизированием определенной области последних.

В-третьих, он предлагает взгляд на общество как на систему формальных общественных отношений: соперничество или открытая вражда между элитами общества может стать причиной политического кризиса, в частности во время военных неудач, экономической нестабильности, к которой приводят большие расходы на военные нужды, превышающие возможности государства.

Скорее всего, такие результаты кажутся весьма очевидными. Американский социальный психолог Дэвид Майерс в своем труде «Социальная психология» описывает феномен «Так я и знал!». Суть заключается в том, что мы обращаемся к здравому смыслу после того, как становятся известны факты, т.е. события представляются более очевидными только после того, как они произошли. Существование такого феномена порождает то, что результаты социальных наук воспринима-

ются как сами собой разумеющиеся, тем самым они теряют статус научности. И если следовать данной логике, то здравый смысл имеет большее значение, чем результаты социальных наук. Однако Майерс утверждает, что люди преувеличивают значимость здравого смысла. В действительности мы сталкиваемся с тем, что здравый смысл бывает весьма противоречив. В нашей речи существует множество пословиц, которыми мы пользуемся изо дня в день, не задумываясь, что на каждую поговорку есть противоположная ей по смыслу [3, с. 26].

Конкурирующие пословицы:

У семи нянек дитя без глаза	Ум хорошо, а два – лучше
Что написано пером, того не вырубишь топором	О человеке судят не по его словам, а по его делам
Старую собаку новым трюкам не научишь	Век живи – век учишь
Кровь людская – не водица	Одного кровного родства для дружбы мало
Промедление смерти подобно	Семь раз отмерь, один раз отрежь
Кто предупрежден, тот вооружен	Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь

Мы совершаем ошибки, но только лишь после произошедшего понимаем, как нужно было поступить. То же происходит и с результатами социальных исследований, которые многим обывателям кажутся очевидными и вполне предсказуемыми после их оглашения, что ставит под сомнение статус социологии как науки. Часто мы необъективно судим людей за их поступки. Видим результат их действий, затем даем характеристику и присваиваем ярлык исходя из выводов здравого смысла. Это опасно тем, что мы можем ошибаться в людях, оценивая их противоречивым здравым смыслом. В связи с этим важнейшая задача социолога – оставаться беспристрастным созерцателем социальных явлений, максимально отстраняться от своего собственного взгляда на мир и оценивать общественные явления ис-

ключительно с помощью социологических методов. Только так можно приблизиться к истине вещей, происходящих в социуме.

Здравый смысл оказывается прав после того, как событие свершилось. Это значит, что мы легко обманываем сами себя, полагая, что выводы социологов очевидны и предсказуемы, что результаты каких-либо явлений такими и должны были быть, хотя сами всерьез и не предполагали эти результаты, просто здравый смысл сам всё объяснил, когда мы о них узнали. Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что мнение об очевидности результатов социологических исследований – это огромное заблуждение здравого смысла. Именно для этого и нужна наука: чтобы помочь отделить реальность от иллюзий и подлинные прогнозы от «крепости задним умом» [3, с. 26, 27].

Список литературы

1. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология: учебник для вузов / под ред. проф. В.И. Добренкова. – М.: Гардарики, 1998. – 244 с.
2. Коллинз Р. Социология: наука или антинаука? // THESIS. – 1994. – № 4. – С. 72–74.
3. Майерс Д. Социальная психология. – 7-е изд. – СПб.: Питер, 2015. – 800 с. (Серия «Мастера психологии»).

Войнова Нелли Андреевна – студентка Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: savage_nelli97@mail.ru.

Н.В. Вяткина

**ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Рассмотрены специфика профессиональной деятельности и особенности функционирования социально-профессиональной группы менеджеров среднего звена в современном российском обществе.

Ключевые слова: менеджеры среднего звена, профессиональная деятельность, современное российское общество.

N.V. Vyatkina

**FEATURES OF PROFESSIONAL
ACTIVITIES OF MIDDLE MANAGERS
IN THE MODERN RUSSIAN SOCIETY**

The specificity of professional work and the particular qualities of the socio-professional group of middle managers in the modern Russian society.

Keywords: middle managers, professional activity, modern Russian society.

Профессия «менеджер» в современной России приобрела особую актуальность сравнительно недавно, время ее появления совпало с процессами коренной трансформации общественного устройства, производственных процессов и отношений, изменениями институтов собственности и сложившихся десятилетиями в советском обществе практик управления, смены ценностных императивов.

Отношение к менеджерам в современной России со стороны общества и бизнес-сообщества достаточно противоречивое. С одной стороны, больше 50 % выпускников школ хотели бы связать свою будущую работу с экономикой и управлением [1, с. 17], что говорит о высоком престиже управленцев. Практически четверть века функционирует институт подготовки

менеджеров не только на базе высшего образования, но и с использованием западных технологий послевузовской подготовки (МВА – Master of Business Administration), призванный выпускать на российский рынок труда квалифицированных, грамотных управленцев, способных эффективно осуществлять руководство российскими компаниями и предприятиями.

С другой стороны, то, что не только в отделениях иностранных компаний в России, но и в исконно российских компаниях («ГАЗ», «Автоваз», «Вымпелком») во многих сферах производства и бизнеса задействованы на менеджерских позициях иностранные специалисты, говорит о недоверии государства, бизнес-элиты и собственников к качеству подготовки и квалификации российских менеджеров. Констатируются недостаточные компетентностные и ресурсные характеристики отечественных управленцев, что не позволяет достигать необходимого уровня результативности руководства [2, с. 78].

Таким образом, при высокой потребности эффективно функционирующего менеджмента в российском обществе для института экономики и процессов развития страны в целом в реальности имеется достаточно неоднородная по составу и компетенциям социальная группа, неоднозначно оцениваемая с позиций продуктивности.

Становление и деятельность социально-профессиональной группы менеджеров среднего звена проходит под влиянием двух основных типов факторов: социально-политических и социально-экономических.

Социально-политические факторы – это политическая нестабильность общества, ресурсно-сырьевая ориентация экономики, наличие значительной диспропорции в уровнях развития различных регионов в стране, высокий уровень рисков на рынках.

Социально-экономические факторы, которые оказывают влияние на функционирование социально-профессиональной группы менеджеров среднего звена, представлены высоким уровнем инфляции и безработицы, сложной системой налогообложения, высокими ставками кредитования и налогообложения, низкими доходами и платежеспособностью субъектов хозяйствования, значительной поляризацией доходов различных групп населения.

Эти явления в обществе и экономике, безусловно, оказывают негативное влияние на становление и функционирование института менеджмента в России.

Подчеркнем, что российский менеджмент еще переживает период становления, а значит, и осмысления своей сущности и задач.

Отметим ряд тенденций, характеризующих менеджеров среднего звена как социально-профессиональную подгруппу в структуре российского общества:

1. Рискогенность современной общественной жизни и нахождение профессиональной группы менеджеров среднего звена на острие процессов декларируемого инновационного развития, а реально – стагнации и регресса отечественной экономики, связанных с высокими социальными и инвестиционными рисками.

2. Наличие в деятельности менеджеров среднего звена противоречия, связанного с необходимостью, с одной стороны, следовать логике рационального, просчитанного выбора, а с другой – под влиянием существующей кризисной ситуации в обществе и национальной культуры концентрироваться на задачах, лежащих за пределами требований рынка, что со временем приводит к повышению качества управленческих кадров [3, с. 37].

3. Наличие консенсуса между отечественным бизнесом и властью по вопросу необходимости экстренной модернизации социально-экономического развития, при этом наблю-

дающийся разрыв между декларированием установки на модернизацию и инновационное развитие и реальным положением дел в этой сфере.

4. Роль менеджеров среднего звена на предприятиях и в организациях меняется от задач передачи информации высшему менеджменту и обеспечения функциональной эффективности в организации на более системную. Современные менеджеры среднего звена должны управлять сложнейшим комплексом процессов, локально решать локальные проблемы, давать в организацию импульс на изменения, особенно в период кризиса [4, с. 96].

5. Несмотря на кризисное состояние российского общества, этот массовый слой профессионалов выполняет социальные и профессиональные функции, соответствующие принципам инновационного развития: индивидуальная ответственность, меритократия, максимальная мобилизация физических и интеллектуальных ресурсов, ориентация на рост человеческого капитала, профессионализм.

6. Существует точка зрения, что менеджеры среднего звена обладают даже большей степенью автономности, чем высшие менеджеры: часто они находятся в поле меньшего контроля, могут принимать гораздо больше самостоятельных решений в области своих полномочий, для них существуют более формальные описания должностных инструкций, условий увольнения и повышения [5, с. 4].

7. Во многом от менеджеров среднего звена зависит выживаемость и успешность организаций и предприятий на российском рынке, и далее – эффективное функционирование российской экономики, так как именно на их плечах лежат управление, координация и контроль огромного количества производственных и организационных процессов, адаптация и обучение персонала, реализация тактических стратегий и по сути – достижение стратегических целей организации. «Если группа менеджеров среднего звена работа-

ет хорошо, топ-менеджеры имеют шанс заняться своим делом – развивать компанию. Если класс менеджеров среднего звена компании низок, “генерал” потратит бездну времени и сил, заменяя их собой, подстраховывая, увещевая, но ни бесперебойного функционирования, ни серьезного развития компании добиться с такими ниже среднего средними менеджерами не сможет» [6, с. 12].

8. При этом следует понимать, что на большинстве предприятий в случае смены топ-менеджера нового главного руководителя выбирают как раз из менеджеров среднего звена, самые достойные из них обычно выступают кадровым резервом для позиции топ-менеджера.

9. К национальным особенностям системы хозяйствования в России относится выполнение руководителями среднего звена морально-психологической роли в дополнение к производственно-организаторской при структурировании и функционировании коллектива организации [7, с. 115].

Список литературы

1. Абанкина И. Спрос на гибкость // Ъ-Огонек Коммерсант. – 23.03.2015.
2. Иняевский С.А. Ресурсные характеристики менеджеров как социально-профессиональной группы современного российского общества: дис. ... канд. социол. наук. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2009. – 158 с.
3. Черныш М.Ф. Менеджеры: управление и культура // Россия реформирующаяся. – 2002. – № 2. – С. 34–51.
4. Граттон Л. Менеджер среднего звена – исчезающий вид // Справочник по управлению персоналом. HR-менеджмент за рубежом: пер. с англ. – М., 2011.
5. Чернов А. Совместимость с владельцем – главный фактор при выборе работы // Ведомости. – 20.01.2004.

6. Смирнов М. Выше класс среднего менеджера! // Персонал-микс. – 2004. – № 1.

7. Монахов В.В. Институт руководителей среднего звена на современном российском производстве как объект социологического исследования: дис. ... канд. социол. наук. – Волгоград, 2001. – 132 с.

Вяткина Наталья Владимировна – аспирантка кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: zxcx1@yandex.ru.

М.А. Геташвили, Э.Б. Кощеев

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ
ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛ Г. ПЕРМИ
(ОПЫТ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Изложены результаты пилотажного исследования образовательных стратегий выпускников пермских школ, нацеленных на получение высшего образования. По итогам исследования было обнаружено доминирование двух образовательных стратегий. При этом оба типа заинтересованы в будущей профессии, делают осознанный выбор на основе личных предпочтений (активный тип) и соображений престижа профессии (пассивный тип). Значительная часть респондентов относится к смешанному типу, что заставляет задуматься о корректности выбранных критериев.

Ключевые слова: образовательная стратегия, профессия, престиж, рынок труда, выпускники школ, высшее образование.

M.A. Getashvili, E.B. Koshcheev

**EDUCATIONAL STRATEGIES
OF GRADUATES OF SCHOOLS IN THE CITY OF PERM
(THE EXPERIENCE OF THE PILOT STUDY)**

The article presents the results of the pilot study the educational strategies of graduates of the Perm schools aimed at higher education. According to the results of the study found the dominance of the two educational strategies. While both types are interested in a future career, make an informed choice based on personal preferences (active type), and considerations of the prestige of the profession (passive type). The majority of respondents forms a mixed type, which makes one wonder about the correctness of the selected criteria.

Keywords: educational strategy, profession, prestige, labor market, school leavers, higher education.

Вопрос формирования и реализации образовательных стратегий выпускниками школ имеет сразу несколько аспектов: социально-экономический, культурный, профессионально-трудовой и др. Образование вообще, и высшее профессиональное образование в частности, является одним из ключевых звеньев в цепи развития и воспроизводства общественной системы отношений. Образовательные стратегии выпускников, нацеленных на поступление в вуз, вскрывают структурные и функциональные особенности взаимодействия между такими институтами, как семья, профессия, рынок труда, государство. Изучив эти особенности, мы можем поставить вопрос об эффективности социальной структуры в региональном и местном масштабах. Сам факт обнаружения тех или иных доминирующих образовательных стратегий уже может служить ценным материалом для управления в этой сфере и рационализации общественных отношений в целом.

Вопрос образовательных стратегий российских абитуриентов был поставлен в целом ряде социологических исследований. Среди них выделяются исследования К. Терентьева [1], Е. Заборовой и М. Озеровой [2], Г. Чередниченко [3], группы социологов из ВШЭ [4].

Целью нашего пилотажного исследования является выявление основных образовательных стратегий выпускников школ г. Перми, поступивших в вузы в 2016 году. К задачам исследования относится определение факторов, влияющих на эти стратегии. Объектом исследования являются ученики 11-х классов школ г. Перми, предметом – образовательные стратегии 11-классников, поступающих в вуз.

Под образовательной стратегией мы будем понимать систему поведения обучающегося, выраженную в использовании средств образовательной среды для достижения перспективных образовательных целей и реализации принятых решений относительно получения того или иного уровня образования и достижения определенных образовательных результатов [2, с. 108].

Для исследования образовательных стратегий выпускников школ г. Перми мы используем типологию, методологически обоснованную и апробированную в российских социологических исследованиях [5]:

1. *Профессионально ориентированные выпускники. Активный тип, который характеризуется интересом к профессии.* Представители этого типа однозначно ориентированы на профессию; причиной поступления является желание работать в выбранной профессиональной сфере; при этом выпускники готовы потратить все усилия для поступления; они искренне заинтересованы в профессии, которая близка им по духу и по способностям, при этом выбранная профессия совершенно не обязательно должна быть престижной.

2. *Профессионально ориентированные выпускники. Пассивный тип с ориентацией на престижность профессии.* Представители этого типа нацелены на престижные и высокооплачиваемые профессии; для ряда выпускников этого типа необязательно, чтобы профессия в полной мере соответствовала способностям.

3. *Статусно ориентированные выпускники. Активный тип с ориентацией на рынок труда.* Представители этого типа при выборе направления подготовки ориентировались на рынок труда; им важно суметь устроиться на работу в будущем, поэтому они выбирали такие направления подготовки, которые пользуются спросом на рынке труда; при этом у них практически отсутствует интерес к этой профессиональной сфере.

4. *Статусно ориентированные выпускники. Пассивный тип с ориентацией на диплом о высшем образовании.* Представители этого типа нацелены на необходимость получения диплома о высшем образовании; их привлекает невысокий конкурс при поступлении и не беспокоит качество образования; профессиональные ориентации выражены слабо.

Опрос был проведен весной 2016 года среди выпускников школ г. Перми. В нем приняло участие 129 респондентов, из

которых 34,5 % – юноши и 65,5 % – девушки. В общеобразовательных школах учатся 48,3 % респондентов, а 51,6 % – в специализированных школах и лицеях. На основе проведенного пилотажного исследования мы не можем делать строгих научных обобщений, так как выборка не отвечает требованиям репрезентативности.

По результатам пилотажного исследования нами были получены следующие результаты: 55,2 % респондентов были отнесены к первому типу, представляющему профессиональную ориентацию; 10,3 % – ко второму типу, ориентирующемуся на престижность получаемой профессии; третий тип выбрали лишь 3,4 % респондентов; четвертый тип отсутствует. Часть респондентов, которые не попали в принятую типологию, образовали пятый, смешанный, тип. Таким образом, дальнейший анализ будет обращен на первый, второй и пятый типы; третий и четвертый учитываться нами не будут.

В основе пилотажного исследования лежало противопоставление между профессиональной и рыночной стратегиями. Отсутствие отдельных типов, а также несбалансированность между ними говорит о том, что основная методологическая установка не оправдала себя. Следовательно, дальнейшее исследование особенностей формирования и выбора образовательных стратегий пермских (российских) абитуриентов должно проходить на основе обновленных методологических моделей и типологий.

Материальное положение у преобладающей части респондентов первого и пятого типов (75 и 88,9 % соответственно) – выше среднего (дорогостоящие покупки, например автомобиль, недвижимость). Второй тип равномерно распределился между средним (денег хватает на еду, одежду и бытовую технику) и высшим уровнями жизни (по 33,3 %). Несмотря на различие в материальном положении респондентов, стоимость обучения никем из них не была отмечена в качестве причин выбора вуза.

Статус учебного заведения указывает на различия между типами, поскольку 100 % представителей второго типа обучаются в специализированных школах (гимназиях, школах с углубленным изучением предметов или специализированных колледжах и лицеях), в то время как представители первого и пятого типов являются учащимися как специализированных (56,3 и 55,6 % соответственно), так и общеобразовательных школ (43,8 и 44,4 % соответственно).

Среди всех типов превалирует такой тип подготовки к поступлению в вузы, как занятия с репетитором (этот вариант ответа выбирают 68,8, 66,7 и 88,9 % представителей первого, второго и пятого типов соответственно). Около трети представителей первого типа также выбирают занятия на подготовительных курсах в вузе, школе и других организациях.

Одним из основных источников информации о вузе и специальности является сайт вуза (81,3 % – первый тип, 66,7 % – второй тип и 88,9 % – пятый тип). При этом все представители второго типа на первое место среди источников информации поставили «День открытых дверей в вузе, на факультете». Особо стоит отметить, что реклама на телевидении, радио, в Интернете и наружная реклама оказались не востребованы ни одним из респондентов.

В контексте продолжающихся разговоров о трудовой миграции и «утечке мозгов» интересным представляется вопрос о дальнейшей профессиональной трудовой деятельности выпускников. Респонденты всех типов, хоть и в разной степени (43,8 % респондентов первого типа, и по 66,7 % – второго и пятого типов), предпочли в будущем работать за рубежом. На второе место выпускники ставят работу в крупных или столичных городах России, а на последнее место – работу в Перми и Пермском крае. Любопытно, что выпускники специализированных школ в сравнении с выпускниками общеобразовательных школ вдвое чаще выбирают вариант ответа «Работа

за рубежом». Здесь же можно выделить и гендерный аспект: 40 % молодых людей предпочитают остаться работать в Перми и Пермском крае, а среди девушек таких 5,3 %. Уехать работать за рубеж хотят 65,5 % девушек против 34,5 % юношей.

Результаты пилотажного исследования поставили под сомнение часто грубые и поверхностные представления о том, какими образовательными стратегиями пользуются выпускники школ. Бытующее в массовом сознании мнение о том, что выпускники озабочены вопросами дохода и рыночной конъюнктуры, не выдерживает критики на уровне научных гипотез. В свою очередь, научные подходы в проблеме формирования и выбора образовательных стратегий должны быть пересмотрены в сторону более тонких объяснительных моделей и инструментов исследования.

Список литературы

1. Терентьев К.Ю. Высшее образование в структуре образовательных и профессиональных стратегий молодежи [Электронный ресурс] // Непрерывное образование: XXI век (электронный журнал). – 2014. – № 2. – URL: <http://11121.petrso.ru/journal/atricle.php?id=2363>.

2. Заборова Е.Н., Озерова М.В. Образовательные стратегии: подходы к определению понятия и традиции исследования // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – № 3(116). – С. 105–113.

3. Чередниченко Г.А. Образовательные траектории и профессиональные карьеры (на материалах социологических исследований молодежи). – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2012.

4. Андрушак Г.В., Прахов И.А., Юдкевич М.М. Стратегии выбора высшего учебного заведения и подготовки к поступлению в вуз: информ. бюл. – М.: Вершина, 2008.

5. Тереньев К.Ю. Образовательные стратегии абитуриентов вузов: опыт построения классификации [Электронный ресурс] // Непрерывное образование: XXI век (электронный журнал). – 2015. – № 3. – URL: <http://11121.petrstu.ru/journal/article.php?id=2922>.

Геташвили Мария Андреевна – ст. преподаватель кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: mgetat@mail.ru.

Кошечев Эдуард Борисович – ст. преподаватель кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: eduardko@bk.ru.

А.А. Гусева, Ю.М. Вассерман

БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ – НОВЫЙ ЭТАП ДИГИТАЛИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИИ

Статья посвящена понятию «дигитализация социологии». Суть данного процесса заключается в интеграции информационных и компьютерных технологий в процесс подготовки, проведения социологического исследования и анализа результатов. В статье приведена характеристика основных этапов данного процесса. Кроме того, авторы констатируют наступление нового этапа, заключающегося в использовании технологий Big Data в рамках социологического исследования.

Ключевые слова: дигитализация социологии, информационные технологии, большие данные.

A.A. Guseva, Yu.M. Vasserman

BIG DATA – A NEW STAGE DIGITALIZATION SOCIOLOGY

The article is devoted to the concept of “Digitalization of sociology”. The integration of information and computer technologies in the process of preparing, conducting and analyzing the results of sociological research is the essence of this process. The article describes the characteristics of the main steps of the process. In addition, the authors have concluded a new stage, which consists in the use of Big Data technologies in the framework of sociological research.

Keywords: digitalization of sociology, information technology, Big Data.

Для любой прикладной науки эмпирическая составляющая является базисом, и социология в этом отношении не исключение. Социология полноправно стала считаться наукой лишь с появлением идей О. Конта о применении научных методов для изучения общества и о практическом использовании науки для осуществления реформ. С тех пор способы и приемы различных этапов социологического исследования развивались, а под действием научно-технического прогресса сам

процесс подготовки, проведения и анализа результатов социологического исследования претерпел сильные изменения. Помимо технологии работы с количественными данными, изменились и способы работы с качественной информацией. Таким образом, однажды ввязавшись в погоню за достоверной, формализованной, поддающейся методам математического анализа информацией, социология вступила на путь дигитализации.

Дигитализация (от англ. digitization – оцифровка) – это процесс перевода данных из аналоговой формы представления в цифровую; описание реального объекта в виде определенного набора цифровых замеров этого объекта, перевод его в цифровой вид, пригодный для записи на электронные носители. Другими словами, это запись в электронном виде математической модели реального объекта. Следовательно, *процесс дигитализации эмпирической социологии заключается в интеграции информационных технологий в процесс подготовки, проведения и анализа результатов социологического исследования.*

Этапы дигитализации эмпирической социологии

Процесс дигитализации эмпирической социологии был инициирован и продолжается в тесной связи с развитием информационных технологий. Предпосылкой этого процесса стала ориентация эмпирической социологии на применение математических методов анализа, а первое применение ЭВМ в социологической практике (применение статистического программного обеспечения для обработки результатов социологического исследования) ознаменовало *первый этап* дигитализации социологии (60–70 годы прошлого века). Об этом периоде вспоминает белорусский социолог и математик О.В. Терещенко: «Статистические программы и компьютеры первых поколений имели интерфейс, рассчитанный на профессиональных программистов. Поэтому абсолютное большинство социологов не могли самостоятельно обрабатывать данные исследова-

ний и должны были обращаться за помощью к компьютерным специалистам. Учебные пособия и справочная литература по социологии непременно включали разделы, касающиеся общения с программистами и составления логических программ обработки и анализа данных» [1, с. 163].

Разумеется, описанный период работы с эмпирическими данными далеко позади: на смену ЭВМ первого поколения пришли персональные компьютеры, а в компетенции современного социолога входит навык работы с программным обеспечением для статистической обработки данных. Программное обеспечение, в свою очередь, также за прошедшие десятилетия значительно расширило свои возможности, однако такой прорыв в практике работы с данными не всегда означает положительную динамику в развитии самой науки. Так, например, О.В. Терещенко приводит негативные аспекты влияния информационных технологий на эмпирическую социологию. В частности, по ее мнению, «упрощение в использовании и распространение компьютерных программ статистической обработки данных приводит к доступности инструмента для широкой непрофилированной аудитории. А усложнение методологии и расширение доступности приводят к профанации результатов социологических исследований» [1, с. 165].

Таким образом, результатом первого этапа дигитализации эмпирической социологии явилось активное использование социологами в своей практике ЭВМ (а впоследствии РС), программного обеспечения для работы с данными.

Также стоит иметь в виду, что развитие и распространение информационных и коммуникационных технологий напрямую повлияло на содержание ежедневных практик члена современного общества, т.е. процессу дигитализации подвержена личная жизнь каждого, у кого есть электронная почта, кто пишет СМС, использует программный пакет Microsoft Office или заходит в Интернет. Тем не менее на компьютерных

программах для обработки результатов исследований процесс дигитализации эмпирической социологии только начинается.

Второй этап «оцифровки» был инициирован массовым распространением цифровых записывающих устройств различного назначения, и в частности переходом от аналоговой формы записи информации к цифровой. Нужно признать, что произошел этот переход сравнительно недавно: первые потребительские цифровые фотоаппараты были выпущены в середине 90-х годов прошлого века. Социологи, антропологи, этнографы и ранее использовали аудио- и видеокассеты, фотоаппараты для фиксации эмпирического материала (преимущественно в качественных исследованиях). Однако в связи с популяризацией и распространением потребительской цифровой техники ученые стали заложниками массового производства. На сегодняшний день сложно себе представить проведение таких форм исследований, как интервью или фокус-группа, без использования фиксирующей цифровой техники.

Таким образом, результатом второго этапа дигитализации эмпирической социологии явилось внедрение в исследовательские практики социологов записывающих цифровых устройств (видео-, фотокамер, диктофонов, планшетов).

Краткий экскурс в историю влияния развития информационных и коммуникационных технологий на процесс подготовки, проведения и анализа результатов социологического исследования приведен для того, чтобы представить понятие «большие данные» в качестве нового, *третьего этапа* процесса дигитализации эмпирической социологии.

Интересно, что рассуждения о потенциальных возможностях информационных технологий опередили, а возможно, и определили само развитие и практическое использование этих возможностей. Например, О.В. Терещенко вне зависимости от понятия «большие данные» рассматривает понятие *познающего капитализма (knowing capitalism)* [2]. Понятие связано с коммерческим использованием сохраняемых и накапливаемых

данных о человеке. Это понятие практически соответствует нашим представлениям о больших данных. «Дигитализация человеческой жизни посредством биометрических паспортов, мобильных телефонов, кредитных карт вкупе с коммерческими базами данных позволяет изучать реальное поведение людей в таких сферах жизни, как экономика, мобильность, социальные связи и др.» [1, с. 164].

Разбираясь в сущности явления, стоит обратить внимание на то, что большие данные это в первую очередь результат развития, распространения и укоренения информационных и компьютерных технологий в ежедневных практиках современного общества. Давайте задумаемся о том, как часто нам в повседневной жизни приходится сталкиваться с различными информационными технологиями. Многочисленные личные технические устройства, персональный компьютер, Интернет только начинают список. Электронные карты, личные счета, системы видеорегистрации, предприятия и организации, оутанные локальными сетями, кассовые аппараты, CRM-системы, различные системы учета – в городской среде технологии встречаются нам на каждом шагу.

Все эти системы, устройства, аппараты ежедневно фиксируют нашу жизнь, причем фиксация может быть не явной, а латентной функцией информационных систем. Становится очевидным тот факт, что огромное количество информации, ежедневно воспроизводимое обществом в процессе жизнедеятельности, является кладезем реального, потенциально полезного, поддающегося различным видам анализа эмпирического материала. Информационные технологии, развиваясь и расширяясь, всё больше проникая в ежедневные практики современного общества, предлагают нам качественно пересмотреть наше представление об эмпирических данных.

Стремительное распространение информационных технологий непосредственно повлияло на процесс проведения социологического исследования, и важно понимать, что влия-

ние технологий на науку будет продолжаться и по мере развития открывать перед исследователями всё новые возможности. В частности, в качестве подобных открывающихся перед социологическим сообществом возможностей мы рассмотрим достаточно популярное в последнее время понятие «большие данные» (англ. Big Data).

Появившееся сравнительно недавно понятие Big Data, завоевавшее заслуженное внимание на Западе, в отечественной социологии только отчасти находит активный отклик. Примеры применения технологий Big Data в отечественной исследовательской практике немногочисленны и полномасштабно реализуются только зарубежными исследователями. Однако передовики отечественного социологического общества исследователей в последние годы также начинают подключаться к рассмотрению возможностей, открывающихся благодаря большим данным. Так, например, первым значимым событием в рамках знакомства отечественной социологии с большими данными стала V социологическая Грушинская конференция, которая состоялась 12–13 марта 2015 года в Москве и главной темой которой стала «Большая социология: расширение пространства данных». В рамках конференции был представлен перевод отчета о больших данных Американской ассоциации исследователей общественного мнения (AAPOR) [3].

В представленном отчете о больших данных приводится довольно общее определение Big Data: «Термин “большие данные” – это своего рода описание больших по объему и разнообразных по составу характеристик, практик, технических приемов, этических проблем и последствий, которые связаны с данными» [3, с. 14]. Отечественный социолог Ю.Н. Толстова, рассматривая большие данные как фактор повышения эффективности социологического исследования, говорит о BD как о технологии, «ядром этой технологии является набор достижений компьютерной науки, позволяющих искать и формировать массивы больших, разбросанных, изменяющихся, структуриро-

ванных и неструктурированных данных» [4, с. 6]. Таким образом, большие данные представляют собой не только непосредственно данные, но и совокупность информационных технологий – способов и средств сбора и анализа информационных потоков. Под элементами больших данных как технологий мы подразумеваем вычислительные ресурсы, «датчики» для сбора данных, каналы передачи информации, обрабатывающие программы, инструменты передачи обратной связи.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что текущий этап дигитализации эмпирической социологии заключается в интеграции последних междисциплинарных достижений информационных и компьютерных технологий и характеризуется использованием нового подхода к процессу сбора, обработки и интерпретации социальных фактов. И если ранее процесс проникновения информационных технологий в повседневную жизнь как обычного человека, так и социолога обладал общими чертами, то сегодня эмпирическая социология переживает парадигмальный сдвиг, требующий от исследователя переосмысления функций информационных технологий в современном обществе.

Список литературы

1. Терещенко О.В. Плюс дигитализация всей страны, или Количественная социология перед лицом информационных технологий [Электронный ресурс] // Социологическая наука и образование: состояние, проблемы и перспективы развития: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию институционализации социол. образования в Беларуси, открытию отд. и кафедры социологии в БГУ, Минск, 4–5 нояб. 2009 г. – Минск, 2010. – С. 163. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/115420>.

2. Thrift N. Knowing Capitalism. – London: Sage, 2005.

3. Отчет AAPOR о больших данных: 12 февраля 2015 / пер. с англ. Д. Рогозина, А. Ипатовой, Е. Вьюговской; предисл. Д. Рогозина; Амер. ассоциация исследователей обществ. мнения. – М., 2015.

4. Толстова Ю.Н. Новые информационные технологии как фактор повышения эффективности социологического исследования // Математическое моделирование социальных процессов: сб. тр. – М.: Экономинформ, 2015. – Вып. 17. – С. 6.

Гусева Александра Александровна – магистр социологии, аналитик социологического агентства «СВОИ», г. Пермь, e-mail: 79091081752@yandex.ru.

Вассерман Юрий Михайлович – канд. экон. наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: imv@pstu.ru.

М.А. Денисенко

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МУЛЬТСЕРИАЛОВ НА ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Мультфильмы, как средства массовой коммуникации, оказывают огромное влияние на сознание детей. В результате исследования доказано положительное влияние большинства мультфильмов на детей, изучены особенности психологического развития в дошкольном возрасте, проанализировано влияние самых популярных мультсериалов, выявлены позиции родителей при выборе мультфильмов.

Ключевые слова: влияние, современные мультсериалы, дети, дошкольный возраст, первичная социализация, позиция родителей.

M.A. Denisenko

THE INFLUENCE OF MODERN CARTOONS ON CHILDREN PRESCHOOL AGE

Cartoons as a means of mass communication have a tremendous impact on the consciousness of children. As a result of research positive influence of the majority of animated films on children is proved, features of psychological development at preschool age are studied, the most known cartoon serials are analysed, positions of parents at the choice of animated films are revealed.

Keywords: influence, modern cartoons, children, preschool age, primary socialization, position of parents.

На сегодняшний день проблема влияния мультфильмов на детей стоит особенно остро. На данный момент существует огромное количество мультфильмов, доступных каждому обывателю. Просмотр того или иного мультсериала оказывает влияние на психику ребенка, поскольку именно дети являются самой незащищенной группой получателей сообщений. В раннем возрасте у человека формируется первичная социализация, которая очень важна для ребенка, так как она является основой для всего остального процесса социализации. И именно дошкольный возраст – начальный этап формирования личности.

Основной целью данного исследования стало изучение влияния современных мультсериалов на детей дошкольного возраста, критериев выбора мультфильма для ребенка. Эмпирическую базу составили результаты массового онлайн-опроса граждан Российской Федерации, имеющих детей в возрасте от 3 до 7 лет, а также результаты, полученные в ходе личного интервью с родителями. Итоговая реализованная выборочная совокупность проведенного массового онлайн-опроса составила 165 человек, личного интервью – 10 человек.

Как влияют мультфильмы на детей? Первостепенной задачей стало определение степени влияния мультфильмов на детей. Необходимо было выяснить, как ведут себя дети после просмотра мультсериалов, впадают ли в зависимость от них. Большинство опрошенных (81 %) ответили, что их дети подражают героям из мультфильмов, но многие из них (50 из 81 %) довольно редко замечали такое у своего ребенка. На вопрос: «Говорит ли Ваш ребенок фразами из мультфильмов?» – большинство опрошенных ответили так же: 75 % родителей не раз слышали фразы из мультфильмов от своих детей. Стоит отметить, что дети просят включить им мультфильмы, как только появляется свободное время (49 %), 20 % родителей признаются, что их ребенок постоянно требует включить фильм с мультипликационным героем, 22 % родителей не против, чтобы их ребенок сам включал телевизор (рис. 1). Но вот играть дети предпочитают с теми игрушками, которые больше всего нравятся (40 %), и только четверть (25,5 %) детей просят купить им игрушку с любимым героем, остальные 34,5 % малышей редко играют такими игрушками.

Суть многих утверждений родителей сводилась к тому, что они не отрицают привязанность их ребенка к мультсериалам. Дети подражают героям мультфильма, говорят их фразами и просят включить им телевизор, как только появляется свободная минутка. Цифры не критические, но их необходимо сводить к минимуму. Исходя из этого родителям надо внимательно относиться к выбору мультфильмов для своего ребенка.

Рис. 1. Распределение ответов респондентов-родителей на вопрос: «Как часто Ваш ребенок просит включить ему мультфильм?» ($N = 165$)

А сколько по времени? Сейчас количество времени, проведенного дошкольниками у экрана, превышает количество времени их общения со взрослыми в семье. И это неудивительно, ведь это удобно каждому родителю: можно заняться своими делами и ребенок занят. Больше половины (65 %) опрошенных признались, что их малыш смотрит мультфильмы 1–3 часа в день, 12,1 % – 4–5 часов, и всего лишь 18,2 % родителей говорят, что их дети проводят у экрана менее часа (рис. 2).

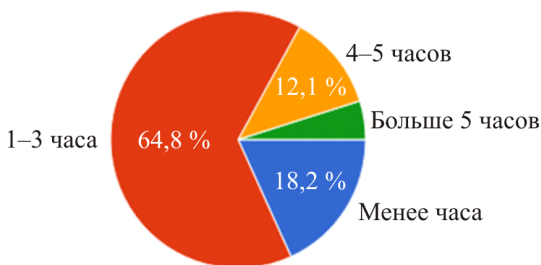

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос о продолжительности ежедневного просмотра мультфильмов детьми дошкольного возраста ($N = 165$)

В какое время ребенок смотрит мультфильмы, тоже очень важно знать во избежание негативных последствий от этого просмотра. Практически половина респондентов (48,5 %) отве-

тели, что их дети смотрят мультфильмы вечером, 13,3 % – утром, 14,5 % – днем, 9,1 % – перед сном, и 14,5 % родителей признаются, что их ребенок практически постоянно смотрит мультсериалы.

По рекомендациям окулистов, продолжительность просмотра телевизионных передач для детей трех – семи лет не должна превышать 30 минут. Это безопасная продолжительность просмотра. Максимально допустимая продолжительность просмотра – 40–50 минут в день с перерывом. Итоги массового опроса показали, что всего 18,2 % детей проводят у экрана безопасное количество времени. Ранним утром и перед сном психика ребенка наиболее восприимчива, поэтому рекомендованное время просмотра мультфильма – день или вечер.

А Вы внимательный родитель? Практически все родители (94 %) ответили, что знают содержание мультфильмов, просматриваемых их ребенком, и половина опрошенных (48 %) даже делают это совместно. А после просмотра только около 20 % родителей обсуждают поступки мультипликационных героев с детьми, большинство же (68 %) не всегда готовы проанализировать мультфильм, и 12,7 % – совсем не делают этого. Но на вопрос: «Каким образом Вы предпочитаете обучать ребенка?» – большинство опрошенных ответили: конечно же, с помощью книг (56,4 %) и на собственном примере (48,5 %). Только 19,4 % родителей отмечают, что и мультфильмы являются подспорьем в обучении их детей (рис. 3).

Рис. 3. Рейтинг предпочтений родителей при выборе способа обучения детей дошкольного возраста ($N = 165$)

Можно заметить, что ранее практически 91 % родителей признались, что их дети смотрят мультсериалы, но большинство предпочитают обучать ребенка только с помощью книг и на собственном примере.

Какие мультфильмы смотреть? Одной из самых главных задач было определить, какие же все-таки мультфильмы можно смотреть ребенку. Респондентам был задан вопрос: «Какие из перечисленных мультфильмов положительно, по вашему мнению, влияют на ребенка?». Самыми популярными ответами стали: «Фиксики», «Лунтик», мультфильмы по русским народным сказкам, «Аркадий Паровозов» и «Барбоскины» (рис. 4).

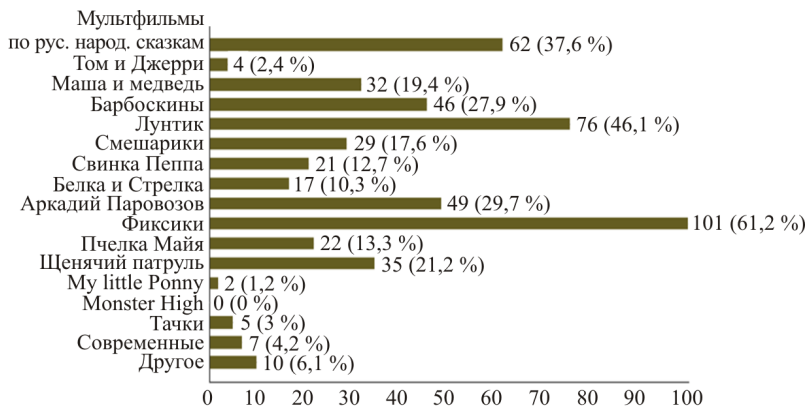

Рис. 4. Рейтинг мнения родителей относительно положительного влияния мультфильмов на детей дошкольного возраста ($N = 165$)

Удивительно, что такие известные мультсериалы, как «Маша и медведь», «Смешарики», «Свинка Пеппа» и другие, не вошли в число мультфильмов, положительно влияющих на детей. Однако об отрицательном влиянии этих мультфильмов говорится до сих пор, и вопрос всё еще остается открытым. А может, и не стоит их показывать детям? Но стоит отметить, что, например, мультфильм «Маша и медведь» очень яркий и

красочный. Кроме того, он выполнен с применением современной технологии 3D. При этом авторы сценария явно демонстрируют свое отменное чувство юмора, так как каждая из серий наполнена шутками. Но это не мешает героям мультфильма оставаться добрыми. Что же смотреть ребенку – решать самим родителям.

Запретить ребенку просмотр мультфильмов – в силах родителей, и это самый простой выход, но далеко не всегда правильный. Мультфильмы смотреть стоит, только разумно. Выбирать необходимо достойные истории, смотреть их всей семьей, обсуждать, анализировать, но при этом не забывать о времени, проведенном перед экраном. Пусть мультсериалы станут не «отвлекающим маневром», а пищей для общесемейных размышлений.

Список литературы

1. Аромашта М. Дети смотрят мультфильмы. Практика производства мультфильмов в детском саду. – М.: Чистые пруды. – 2006. – 32 с.
2. Выготский Л.С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Психология развития. – СПб.: Питер, 2001. – 512 с.
3. Пиаже Ж. Психология интеллекта. – СПб.: Питер, 2003. – 192 с.
4. Социология в России / под ред. В.А. Ядова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. – 696 с.
5. Эльконин Д.Б. Психология игры. – М.: Владос, 1999. – 228 с.

Денисенко Мария Андреевна – студентка Северо-Западного института управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, e-mail: marya.denisenko@yandex.ru.

Ю.В. Денисов

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Показана специфика социальной мобильности и подход к ее исследованию в современном обществе. Описан синтез деятельной сущности человека и переход от общетеоретического осмысления пространства и времени к социальным практикам общества.

Ключевые слова: социальная мобильность, горизонтальная и вертикальная мобильность, «сетевое общество», современные средства коммуникации.

Yu.V. Denisov

SPECIFICS OF SOCIAL MOBILITY IN MODERN SOCIETY

This article describes the specifics of social mobility and a hike to its study of the historical process.

Keywords: social mobility, horizontal and vertical mobility, “network society”, modern means of communication.

Рассматривая идею социальной мобильности, со времен П. Сорокина часто говорят, что само общество мобильно, что существует внутренняя институциональная и внутригрупповая мобильность; и такие классификации неправомерны. Получается движение личности внутри движущегося корабля и внутри движущегося океана.

Социальная мобильность справедливо рассматривается как некий позитивный процесс развития общества, поскольку содействует привлечению грамотных и динамичных людей к высоким позициям в обществе. В современных условиях, при четком определении статусных позиций и способов перемещения из одной страты в другую посредством социальной мобильности, происходит стабилизация конкретного общества, оно становится более

адаптивным к меняющимся технологиям производства, экономическим и социальным процессам глобальных изменений. При упорядоченных договорных и правовых нормах, по Веберу, действующих в государстве, социальные перемещения сами по себе не меняют характера социальной стратификации.

Впервые определение мобильности было сформулировано Питиримом Сорокиным в работе «Социальная мобильность». Как широко принято в описании социальной стратификации в настоящем, он говорил о социальном пространстве, в котором существуют два типа мобильности – горизонтальная и вертикальная. Сорокин понимал под социальной мобильностью переход индивида из одного социального пространства в другое, из одной страты в другую [2, с. 17]. Переход мог быть вертикальным, т.е. из одной социальной группы в другую, более привилегированную, а также горизонтальным – из одной социальной группы в другую, равную по статусу. Сейчас известно, что и опускаться из привилегированного статуса на социальное дно общества может целый класс, например рабочий класс СССР/России и появление нового паразитарного слоя прекариата.

Многие рассматривали социальную мобильность. Среди исследователей можно назвать Толкотта Парсонса, Роберта Мертона, Энтони Гидденса. Т. Парсонс рассматривал социальную мобильность посредством статусно-ролевой системы, где позиция человека в социальном институте влияет на его поведение. Роберт Мертон говорил о социальных дисфункциях, когда социальные институты, как и общество в целом, находятся в состоянии хаоса. Э. Гидденс рассматривал социальную мобильность как перемещение отдельных людей или групп по социально-экономическим позициям.

В рамках данных теорий социальной мобильности основным аспектом изучения является социальное неравенство. Социальная мобильность понимается как некий механизм неравенства. Люди используют средства передвижения и редко думают о том,

что это сложный социальный феномен. Мы постоянно перемещаемся. Человек переехал из одного города в другой, прилетел на самолете на деловую встречу, созвонился с другом из другой страны, не выходя из дома, – всё это кажется сегодня абсолютно обыденными фактами. Вместе с тем это масса социальных актов, которые можно изучать в социологическом, культурологическом, социально-философском аспектах. Основу изучения социальной мобильности составляют идеи структурного функционализма и теория социального неравенства.

В настоящее время изменился подход к исследованию мобильности. Изучаются возможности самой мобильности, ее ограничения институционального и внеинституционального характера. Предметом исследования становятся индивидуальные, а не коллективные ресурсы.

В процессе изменения подхода к мобильности изменился и характер работ. В настоящее время можно выделить идеи качественного изменения общества в его основных видах деятельности М. Кастельса и овладение пространством и временем в практиках общества Дж. Урри. М. Кастельс рассматривает мобильность в контексте «сетевое общество» как социальной структуры, и его базисом выступают новые информационно-коммуникативные технологии. Новые современные технологии – прежде всего Интернет и мобильная связь – дают возможность для дальнейшего развития социальных коммуникаций. М. Кастельс приходит к выводу, что в современном мире происходит переход к новому типу общества, который коренным образом отличается от ранее существовавших. По его мнению, термин «информационное общество», которым определяют современный мир, некорректен, поскольку и ранее, на протяжении нескольких столетий, общество тоже использовало информацию. Исходя из этого необходимо понятие «информационное общество», так как оно указывает на становление знания и информации в качестве основного источника производительности.

Главная характеристика информационального общества – сетевая логика его структуры. М. Кастельс говорит о том, что сети, как и информация, не отличительная черта современного общества, а средство. Сетевое общество – общество, социальная структура которого преимущественно основана на сетях, активация которых происходит через внедрение новых информационных технологий. Социальная реальность в современном обществе имеет «сетевой характер» благодаря массовому распространению сети Интернет.

Говоря об обществе, М. Кастельс затрагивает в процессе анализа и экономику. Появление глобальной экономики, по его мнению, можно связать с важной ролью информации, которую, в свою очередь, необходимо быстро обработать и эффективно использовать. Более того, важнейшей чертой современной экономики является ее глобальный характер. Экономика нового типа – это ступень развития индустриальной экономики, основными составляющими которой являются информации и знания [1, с. 214].

В современном мире более гибкими и прозрачными становятся границы между государствами, что обусловлено процессом глобализации. В связи с этим М. Кастельс говорит о новой форме государства – сетевой. Политическим базисом для такого государства должны стать средства массовой коммуникации, а отношения между обществом и властью будут зависеть от управления процессами коммуникаций.

Дж. Урри делает акцент не просто на мобильности, а именно на вариативности мобильности. На самом деле у мобильности много трансформаций, а пространственная мобильность туриста или автомобилиста важна не только сама по себе, но и тем, как она изменяет окружающий мир. Но изменился он потому, что изменили его путешествия. Человек может поехать на трамвае до работы, а может улететь на самолете в командировку. Или никуда не лететь и связаться с другим городом или страной посредством современных технологий.

Только в данном случае движется не человек, а информация. Вы положили деньги на телефон, не выходя из дома, посредством Интернета, – тоже мобильность, но мобильность денежных потоков. Люди, путешествующие культурным коллективом и показывающие национальное достояние своей культуры и этноса, – тоже мобильность, культурная.

Дж. Урри создает собственную классификацию мобильностей:

- перемещение людей (автомобилем, самолетом, паромом, пешком, на велосипеде);

- перемещение предметов (импорт и экспорт продукции стран);

- воображаемые перемещения благодаря фильмам, книгам, телевидению (стоит только подключить кабельное телевидение);

- виртуальные интернет-перемещения (сходны с предыдущими);

- перемещения посредством новых способов мобильной связи (Skype, SMS, Imessage, уже устаревшие факсы, электронная почта) [4, с. 132].

В рамках данной классификации выделяется понятие «автомобильности», которую автор сравнивает с готическим собором. Урри говорит, что автомобиль, как и собор, осезаем и виден везде. Если вам хочется больше узнать о культуре страны, о вероисповедании, о пространстве средневекового города, посмотрите на соборы, церкви. Для представления о том, развит ли город, посмотрите на автомобили, а для этого – на то, какая инфраструктура для их производства создана [5, с. 28].

Таким образом, мы можем сказать, что возрастающие технологические процессы, которые позволяют людям осуществлять быстрые перемещения, быстро ориентироваться во времени, так называемые процессы мобильности, проникают в социальную ткань общества и тем самым трансформируют социальную жизнь, образуя глобальное общество. Изучение

мобильности также изменялось с течением времени, начиная с перемещения человека внутри социальных групп и заканчивая современными технологиями, которые дают возможность человеку присутствовать в любой точке мира, как в физическом смысле, так и посредством Интернета и связанных с ним технологий – в социальном. Мобильность определяет место человека в «социальном космосе» – мерой овладения технологиями и мерой его включенности в социальные сети, мерой открытости его миру.

Список литературы

1. Бобова Л.А. Мануэль Кастельс: влияние сетевого общества на характер социальных коммуникаций [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 5 (32). – URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/28sociologiya_bobova.pdf.
2. Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
3. Сорокин П. Социальная мобильность. – М.: Academia: LVS, 2005. – 588 с.
4. Урри Дж. Мобильности. – М.: Праксис, 2012. – 576 с.
5. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. – М.: Изд-во Высш. шк. экономики, 2012. – 336 с.

Денисов Юрий Викторович – аспирант кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, e-mail: yurii_denisov@gmail.co.

М.К. Дуванская
СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ
УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ БРАКОМ

Сделана попытка более подробно рассмотреть понятие удовлетворенности браком у супругов с появлением в семье ребенка.

Ключевые слова: удовлетворенность браком, эмоциональное притяжение, понимание, авторитетность, уважение.

М.К. Duvanskaja
SOCIAL FACTORS OF MARRIAGE SATISFACTION

In clause attempt is made to open in more detail features of structure of satisfaction marriage at spouses with the advent of in family of the child.

Keywords: marriage satisfaction, emotional attraction, understanding, authoritativeness, respect.

Брак и семья относятся к числу таких явлений, интерес к которым всегда был устойчивым и массовым. Для общества знание этих социальных институтов и умение направлять их развитие имеет первостепенное значение уже потому, что от их состояния в значительной мере зависит воспроизводство населения, создание и передача духовных ценностей [3, с. 7].

Рассматривая удовлетворенность браком, следует отметить наличие социальных и психологических факторов, влияющих на степень удовлетворенности. Само понятие «удовлетворенность браком» изучалось многими исследователями. Наиболее полное определение удовлетворенности браком дает С.И. Голод: «Удовлетворенность браком – это результат адекватной реализации представления, образа о семье, сложившегося в сознании человека под влиянием встреч с различными событиями, составляющими его опыт в данной сфере деятельности» [1, с. 67].

Говоря же о том, что влияет на удовлетворенность браком, в научном сообществе принято выделять следующие факторы [2, с. 24]:

– Стаж семейной жизни. На протяжении первых двух десятилетий семейной жизни степень удовлетворенности браком постепенно падает, достигая минимального значения в период от 12 до 18 лет, после наблюдается резкий взлет удовлетворенности.

– Удовлетворенность работой. Женщины, которые оценивают свой брак как счастливый, считают, что и работа их вполне устраивает, у мужчин более сложная взаимосвязь. Так, нестабильность семейных отношений появляется как при профессиональных неудачах, так и при резких взлетах финансового благополучия.

– Разделение домашнего труда. По мнению исследователей, степень удовлетворенности браком возрастает в тех семьях, в которых муж и жена несут одинаковую нагрузку и ответственность за выполнение домашних обязанностей.

– Мотив вступления в брак. Степень удовлетворенности браком выше в тех семьях, в которых основным мотивом вступления в брак для обоих супругов являлась любовь. Еще одним мотивом, положительно влияющим на удовлетворенность, является желание избавиться от одиночества.

– Период добрачного ухаживания. Выявлена закономерность, что степень удовлетворенности браком ниже в тех семьях, где период добрачного знакомства был кратковременным, а также слишком длинным (около пяти лет).

– Сексуальная удовлетворенность супругов. В исследованиях С.И. Голод отмечается, что у супругов, у которых присутствует безразличие или неудовлетворенность сексуальными отношениями, также отмечается неудовлетворенность браком в целом.

– Удовлетворенность эмоционально-психологических потребностей, которые повышают общую психическую устойчивость по отношению к различным жизненным трудностям.

– Количество детей. Чем больше детей, тем выше уровень удовлетворенности браком.

Цель нашего исследования – более подробно описать особенности удовлетворенности браком супругов в семьях с детьми и без детей.

В исследовании приняли участие 120 респондентов (60 мужчин и 60 женщин) из семей, имеющих и не имеющих детей. Возраст испытуемых – от 23 до 35 лет. Средний возраст испытуемых 29 лет. Выборка условно разбита нами на две группы по гендерному признаку. Каждая группа ранжирована по полу и возрасту. Таким образом, в исследовании приняли участие 60 семей, условно разделенных по наличию в семье детей (30 семей с детьми и 30 без детей).

Нами были получены следующие результаты.

Выявлены значимые различия по показателям эмоционального притяжения, уважения и авторитетности супругов в семьях с детьми и семьях, в которых детей нет (табл. 1).

Таблица 1

Значимые отличия семей с детьми от семей без детей
(*t*-критерий Стьюдента)

Критерий	Семьи с детьми	Семьи без детей	<i>t</i> -value	<i>p</i>
Удовлетворенность	23,65	20,63	1,87	0,06
Понимание	15,9	15,45	0,49	0,62
Эмоц. притяжение	16,66	14,6	2,11	0,03
Авторитетность, уважение	14,45	12,65	3,42	0,0008

Таким образом, можно сказать, что с появлением детей супруги переходят на более высокий уровень общения, доверия и удовлетворенности отношениями, что выражается в эмоциональном притяжении, а также в уважительном отношении друг к другу.

Рассматривая более подробно выборку респондентов в семьях, где есть дети, можно отметить внутреннюю взаимосвязь удовлетворенности с пониманием и эмоциональным притяжением (табл. 2).

Таблица 2

Корреляционный анализ в выборке супругов с детьми
(степень значимости $p = 0,05$)

Критерий	Удовлетворенность	Понимание	Эмоц. притяжение	Авторитетность
Удовлетворенность	1,00	0,84	0,83	-0,24
Понимание	0,84	1,00	0,82	-0,30
Эмоц. притяжение	0,83	0,82	1,00	-0,33
Авторитетность, уважение	-0,24	-0,30	-0,33	1,00

При этом следует отметить, что между пониманием и эмоциональным притяжением также существует значимая взаимосвязь.

Обобщая корреляционные связи, отметим, что для семей, где есть дети, свойственна прямая зависимость между тремя этими категориями, т.е. если между супругами существует понимание и эмоциональное притяжение, то значит, они удовлетворены теми отношениями, которые сложились у них в семье. Особо следует отметить наличие обратной зависимости авторитетности, уважения от остальных показателей удовлетворенности браком.

Рассмотрим различия по t -критерию Стьюдента в группе супругов с детьми в зависимости от пола (табл. 3). Между супругами выявлены значимые различия по всем изучаемым показателям. Таким образом, удовлетворенность, понимание, эмоциональная притягательность, авторитетность и уважение у женщин более выражены, чем у мужчин.

Таблица 3

Различия по t -критерию Стьюдента между супругами
с детьми мужского и женского пола

Критерий	Жен	Муж	t -value	p
Удовлетворенность	27,33	19,96	3	0,003
Понимание	17,3	14,5	2,05	0,04
Эмоц. притяжение	18,53	14,8	2,4	0,01
Авторитетность, уважение	16	12,9	3,64	0,0005

Описывая внутренние взаимосвязи в выборке женщин с детьми, следует отметить наличие прямых связей удовлетворенности с пониманием и эмоциональным притяжением. При этом наблюдается обратная взаимосвязь по всем трем показателям с авторитетностью, уважением (табл. 4).

Таблица 4

Корреляционный анализ в выборке женщин с детьми (степень значимости $p = 0,05$)

Критерий	Удовлетворенность	Понимание	Эмоц. притяжение	Авторитетность
Удовлетворенность	1,00	0,82	0,86	-0,79
Понимание	0,82	1,00	0,81	-0,78
Эмоц. притяжение	0,86	0,81	1,00	-0,80
Авторитетность	-0,79	-0,78	-0,80	1,00

Из табл. 5 видно, что для мужчин, в семьях которых есть дети, удовлетворенность браком имеет прямую взаимосвязь с пониманием и эмоциональной притягательностью. При этом критерий авторитетности, уважения хоть и не имеет значимых связей, имеет положительный полюс. Данную картину можно интерпретировать следующим образом: удовлетворенность у мужчин имеет прямую зависимость от степени понимания и эмоциональной притягательности между супругами. При этом у мужчин с появлением ребенка положительную динамику приобретает критерий авторитетности, уважения к супруге.

Таблица 5

Корреляционный анализ в выборке мужчин с детьми (степень значимости $p = 0,05$)

Критерий	Удовлетворенность	Понимание	Эмоц. притяжение	Авторитетность
Удовлетворенность	1,00	0,82	0,75	0,18
Понимание	0,82	1,00	0,81	0,23
Эмоц. притяжение	0,75	0,81	1,00	0,23
Авторитетность	0,18	0,23	0,23	1,00

В женской выборке наблюдаются выраженные различия по всем четырем критериям у женщин с детьми (табл. 6). Таким образом, наличие ребенка для женщины является важным показателем понимания, эмоциональной притягательности, авторитетности, уважения и в целом удовлетворенности.

Таблица 6

T-критерий Стьюдента в выборке женщин с детьми и без детей

Критерий	Женщины с детьми	Женщины без детей	<i>t</i> -value	<i>p</i>
Удовлетворенность	27,33	22,03	2,31	0,02
Понимание	17,3	16,43	0,62	0,53
Эмоц. притяжение	18,53	14,7	2,53	0,01
Авторитетность	16	13,1	3,5	0,0008

В структуре же внутренних взаимосвязей ярко выраженных различий между показателями в выборке женщин с детьми и без детей нет, кроме того, что с появлением ребенка в семье показатель авторитетности, уважения у женщины приобретает более выраженную отрицательную динамику (табл. 7).

Таблица 7

Корреляционный анализ в выборке женщин без детей (степень значимости $p = 0,05$)

Критерий	Удовлетворенность	Понимание	Эмоц. притяжение	Авторитетность
Удовлетворенность	1,00	0,84	0,84	-0,63
Понимание	0,84	1,00	0,82	-0,50
Эмоц. притяжение	0,84	0,82	1,00	-0,52
Авторитетность	-0,63	-0,50	-0,52	1,00

Обобщая всё вышеизложенное, можно сказать, что появление ребенка в семье является важным показателем укрепления внутрисемейных связей, которые влияют на ощущение удовлетворенности браком. При этом для женщин с появлени-

ем ребенка спектр авторитетности, уважения к супругу смешается в оценке его через призму включенности в процесс развития ребенка. Для мужчин же удовлетворенность связана с пониманием и эмоциональным притяжением, что может говорить о значимости для них физического контакта. Уровень же авторитетности и уважения у мужчин имеет положительную динамику при наличии в семье детей.

Список литературы

1. Андреева Т.В. Психология современной семьи. – СПб., 2005.
2. Романова Е.С. Факторы, оказывающие влияние на удовлетворенность браком [Электронный ресурс] // Психология, социология и педагогика. – 2014. – № 6. – URL: <http://psychology.snauka.ru/2014/06/3293>.
3. Андреева Т.В. Семейная психология: учеб. пособие. – СПб.: Речь, 2004. – 244 с.

Дуванская Мария Константиновна – канд. психол. наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: socio@pstu.ru.

З.П. Замараева

**СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА НАСЕЛЕНИЯ:
СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТ**

Рассматривается современный подход к системе социальной защиты населения в контексте проблемы нуждаемости. На уровне регионов РФ в настоящее время наблюдается пересмотр традиционных подходов к оказанию социальной помощи нуждающимся малообеспеченным гражданам. Меры социальной защиты ориентированы не только на учет реального материального положения гражданина (семьи), но и на возможности самообеспечения.

Ключевые слова: ресурсный потенциал, нуждаемость, система социальной защиты населения, формы социальной поддержки.

Z.P. Zamaraeva

**SOCIAL PROTECTION OF POPULATION:
MODERN ASPECT**

The article deals with the modern approach to the system of social protection of the population in the context of the problem of need. At the level of regions of the Russian Federation at the present time there is a revision of traditional approaches to social assistance to needy low-income citizens. Social protection measures are focused not only on account of the real financial position of the citizen (family), but also on the possibility of self-sufficiency.

Keywords: resource potential, neediness, system of social protection, forms of social support.

Введение

Преобразование общественного устройства России конца XX – начала XXI веков, связанное с изменением подходов к определению оптимального пути его развития, обращает внимание исследователей на роль современной системы социальной защиты населения в данном процессе. Прежде всего данная роль видится в удовлетворении индивидуальной и общественной потребности, повышении жизненного уровня нуждающихся-

ся граждан (семей) на условиях активизации их собственного ресурсного потенциала.

В то же время в рамках системы складывается противоречие, которое свидетельствует о несоответствии видов и форм государственной социальной поддержки современным требованиям.

Как следует из отдельных источников, нуждающимся в социальной защите гражданам и членам их семей в среднем предоставляется более 200 видов различных мер социальной помощи, практически для 40 и более разных категорий граждан, большинство из которых получатели ежемесячных денежных выплат. Сумма выплат только в отдельно рассмотренном нами регионе, Пермском крае, практически ежегодно составляет десять и более миллиардов рублей из средств краевого бюджета. Получается, что чем больше реализуется форм социальной поддержки со стороны государства, тем меньше у нуждающихся граждан возникает желания самостоятельно выйти из трудного материального положения. Это противоречие указывает на важность включения собственного ресурсного потенциала человека, повышения степени его ответственности за свое благосостояние.

Цель концепции ресурсно-потенциального подхода в системе социальной защиты населения автор видит в определении уровня и характера ресурсного потенциала индивида на основе подбора специальных технологий деятельности с активным использованием ресурсного потенциала системы (организации, института), общества.

Таким образом, актуальность представленного в статье материала обусловила выбор темы, определила цель статьи.

Результаты

Феномен социальной защиты в отечественной научной литературе и современной социальной практике представляется сложным и неоднозначным, и связывают его прежде всего с прикладным аспектом.

На различия в понятийном аппарате или практической реализации существенное влияние оказывают традиции, культура, организационное и политическое устройство страны, исторический опыт функционирования государства, условия экономического развития и др.

Современная система социальной защиты населения в России строится преимущественно на принципах распределения (для оценки степени нуждаемости объекта берутся традиционные критерии, которые зачастую не отражают реальную ситуацию), характеризуется неразвитостью механизмов социального страхования, а также форм самообеспечения населения.

Основным показателем нуждаемости, применяемым сферой социальной защиты, является соотношение доходов с величиной прожиточного минимума. Подходы к определению данного статуса в России менялись с начала 1990-х годов.

Методика определения статуса нуждаемости была разработана российской фирмой социальных технологий и экспертизы в Республике Коми. В структуру среднедушевого дохода семьи были включены все виды денежных доходов, включая ресурс экономического потенциала, возможности самостоятельного ведения хозяйства.

Несколько иные акценты были расставлены в методике, предложенной Всероссийским центром уровня жизни в Воронежской области. Ее особенностью стал учет душевого дохода семьи (домохозяйства) без проведения денежной оценки льгот.

Ключевой основой в методике, разработанной специалистами Института социально-экономических проблем народонаселения для проведения эксперимента в Волгоградской области, стала балльная оценка. Для проведения расчета нуждаемости в оценку денежных доходов семьи были введены критерии, ориентированные на совокупность потребительских расходов.

Управление системой социальной защиты населения в Пермском крае с начала 1990-х годов также предлагало свои подходы к определению степени нуждаемости населения в материальной помощи.

Однако, на наш взгляд, наиболее удачный вариант решения данной проблемы сложился после принятия в феврале 2016 года закона «Об установлении критерия нуждаемости для предоставления дополнительных мер социальной поддержки гражданам в Пермском крае» [1].

Таким критерием нуждаемости для предоставления мер социальной поддержки было определено соотношение ежемесячного дохода гражданина (семьи) с предельной величиной ежемесячного дохода и тот случай, когда ежемесячный доход не превышает предельную величину ежемесячного дохода (предельная величина ежемесячного дохода гражданина – количество величин прожиточного минимума, установленных для основных социально-демографических групп населения в соответствии с законодательством региона) [1].

Таким образом, необходимо отметить, что в большинстве территорий использовались схожие схемы и методики выявления малообеспеченных, которые были построены с учетом отношения совокупного среднедушевого дохода семьи к прожиточному минимуму в регионе.

Однако также необходимо подчеркнуть, что определить эффективную методику расчета нуждаемости гражданина (семьи) явно недостаточно. Решение данной проблемы требует обновления форм и стратегий развития системы и форм социальной поддержки. На наш взгляд, актуализация собственного ресурсного потенциала при оказании форм социальной защиты может способствовать решению проблемы нуждаемости.

Научная дискуссия

Идеи ресурсного подхода в социологии были сформулированы Пьером Бурдьё и другими исследователями [2]. Бурдьё, в частности, выделяет три основные формы капитала, он характеризует социальный капитал как «совокупность реальных и потенциальных ресурсов, связанных устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания» [2].

Необходимо отметить, что и российские социологи Овсей Шкаратан [3] и Наталья Тихонова [4] рассматривают ресурсный подход как современную парадигму в рамках теории социальной стратификации общества.

Тем не менее активный интерес наблюдается среди ученых, исследующих проблемы активизации собственных возможностей индивида (семьи), при их обращении к качественным методам исследования. Серьезное влияние на формирование материала статьи оказали концепции Питера Бергера и Томаса Лукмана [5], вобравшие в себя и синтезировавшие идеи Георга Зиммеля, Макса Вебера, Герберта Мида, Эрвинга Гоффмана, Альфреда Шюца.

Наибольший интерес, по нашему мнению, представляют исследования в области социальных проблем населения, которые направлены на изучение собственных возможностей индивида для выхода из трудной жизненной ситуации. Интересны в этом смысле работы Н. Щукиной [6], Е. Ярской-Смирновой [7]. Особенно актуальной нам представляется концепция жизненных сил человека, развиваемая С. Григорьевым [8].

В то же время следует отметить, что большинство ученых, исследуя механизмы повышения эффективности мер социальной защиты населения, не ставили перед собой задачу включения собственных ресурсов тех, кто в ней нуждается.

В годы социализма в социальном обеспечении ведущим являлся принцип государственного патернализма, основной сутью которого было создание и развитие системы социального вспомоществования, которая предполагала обязательную поддержку населения со стороны государства и др. Однако в настоящее время первостепенную значимость приобретают условия, которые должны способствовать формированию способности у личности самостоятельности и ответственности за свое материальное положение.

В этой ситуации прежде всего необходимо оценить степень нуждаемости индивида (семьи) в социальной защите и в

зависимости от уровня ресурсного потенциала личности (низкий, средний, высокий) подобрать адекватные формы и технологии помощи, которые могли бы способствовать активизации собственных ресурсов и возможностей.

Оценка ресурсного потенциала складывается из разницы между задействованным и не задействованным личностью ресурсным потенциалом. В ее основу включены такие показатели, как: трудоспособность, образование, материальная обеспеченность, стремление приобретать новые знания и навыки, мотивация увеличить уровень самообеспечения, мотивация на занятость, поддержка со стороны социальных служб и других организаций социального профиля, поддержка со стороны общественных организаций и др.

Ресурсно-потенциальное состояние индивида как его незадействованного резерва можно рассчитать с помощью формулы, разработанной В. Доброхлеб, оценивающей состояние ресурсного потенциала в контексте шести направлений [9]: $P_r = 1/6 (P_h + P_{eg} + P_m + P_{mtr} + P_c + P_{in})$, где P_r – ресурсный потенциал; P_h – потенциал здоровья; P_{eg} – возрастной потенциал; P_m – мотивационный потенциал; P_{mtr} – материальный потенциал; P_c – общественный потенциал; P_{in} – институциональный потенциал.

Характеристики потенциала, выраженные весомыми коэффициентами от 0 до 0,5, оценены как низкие. При коэффициенте выше 0,5 потенциал оценивается как высокий. Первоначально для каждого вида предлагалось рассчитать среднее значение по половозрастным группам населения и оценить этот показатель ресурса как среднее значение всех его составляющих, что позволяет получить первичные оценки по каждому из шести видов, а также предварительный сводный показатель ресурсного потенциала [10].

Учет ресурсного потенциала конкретного индивида, семьи и самой системы социальной защиты прежде всего подразумевает новое качество управления, которое включает в себя

не только создание нормативно-финансовых условий для ее развития, но и разработку критериев оценки эффективности работы, применение новых активных технологий в работе с населением и др.

Вывод

Таким образом, необходимо отметить, что ресурсный потенциал нуждающегося в социальной защите гражданина (семьи) следует рассматривать как совокупность ресурсов индивида, находящихся в разных состояниях: актуальном (активном) или потенциальном (пассивном), при котором интегральный показатель (оценка ресурсно-потенциального состояния) фиксирует, с одной стороны, место носителя ресурсов индивида, с другой – возможности его активизации и влияния на формирование инициативной модели поведения, содействующего повышению уровня материального благосостояния, социального статуса и роли в обществе.

Список литературы

1. Об установлении критерия нуждаемости для предоставления дополнительных мер социальной поддержки гражданам в Пермском крае: Закон ПК от 18.02.2016 // Собрание законодательства Пермского края: сб. № 2(107) от 18 марта 2016 г.
2. Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики / науч. ред. и сост. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой [и др.]. – М., 2004. – 528 с.
3. Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России / О.И. Шкаратан, В.А. Бондаренко, Ю.М. Крельберг, Н.В. Сергеев. – М., 2003.
4. Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. – 2006. – Т. 7, № 3. – 34 с.

5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995.
6. Щукина Н. Активизация как базовый принцип социальной работы с пожилыми людьми // Дети и старики. Группы риска: миссия социальной работы в обществе переходного типа / отв. ред. Э.А. Куруленко. – Самара, 2001. – С. 111–121.
7. Ярская-Смирнова Е. Социальные изменения и мобилизация ресурсов: жизненные истории российских инвалидов // INTER. – 2002. – № 1.
8. Григорьев С.И. Базовые критерии оценки качества образования и ключевые социальные компетенции: дискуссии на пороге реального вхождения России в Болонский процесс и принятия образовательных госстандартов третьего поколения // Вестник УМО вузов России по образованию в области социальной работы. – 2006. – № 1.
9. Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал старшего поколения в современной России: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – М., 2004.
10. Замараева З.П. Ресурсно-потенциальный подход в современной системе социальной защиты и социального обслуживания населения России: монография // Профессиональная библиотека работника социальной службы. – 2014. – № 2.

Замараева Зинаида Петровна – д-р социол. наук, доцент, завкафедрой социальной работы и конфликтологии Пермского государственного национального исследовательского университета, e-mail: zinaidazamaraeva@mail.ru.

Э.И. Исянгулова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ КРУПНОГО ГОРОДА: ОЦЕНКА И СТРАТЕГИИ

На примере г. Уфы анализируются образовательные установки жителей крупного города. В исследовании подробно описывается качество образовательных услуг в городе, их уровень, перспективы повышения профессионального капитала.

Ключевые слова: образование, потенциал, качество образования, уровень образования, капитал.

E.I. Isyangulova

EDUCATIONAL ATTITUDES OF THE POPULATION OF A BIG CITY: ASSESSMENT AND STRATEGY

In the article on the example of Ufa analyzed educational installation of inhabitants of a large city. In a study of the quality of educational services is described in detail in the city, its level, the prospects for increasing their professional capital.

Keywords: education, capacity, quality of education, level of education, capital.

В современных условиях, на фоне дестабилизации в политической, экономической и социальной сферах, особое значение отводится возможностям развития человека, раскрытия его потенциала и способностей. Именно развитие потенциала человека становится одной из стратегически важных задач на государственном уровне.

Одним из основных компонентов измерения развития человеческого потенциала является уровень образования, поскольку доступность качественного образования стала индикатором уровня развитости и зрелости самого государства. Исходя из этого повышение уровня и качества образования является сегодня одной из актуальных задач современного общества.

По данным опроса населения г. Уфы, респонденты, принявшие участие в исследовании, имеют достаточно высокий уровень образования: высшее или незаконченное высшее (37,7 %), среднее специальное образование (36,3 %), среднее общее – 17,5 % (рис. 1). Только 5,9 % респондентов имеют неполное среднее или начальное образование¹.

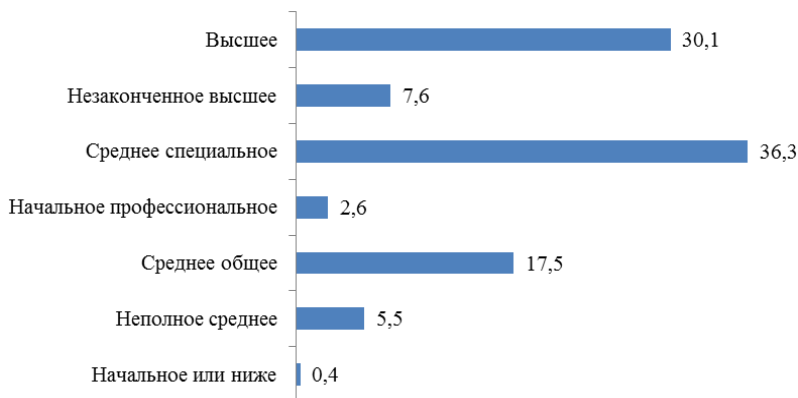

Рис. 1. Какое у Вас образование (%)?

При этом более половины респондентов (54,3 %) считают имеющийся у них уровень образования недостаточным. В ходе исследования было выявлено, что женщины более критичны к уровню своего образования: 58,6 % респондентов недовольны своим образованием, тогда как мужчин, считающих свой уровень образования недостаточным, 47,4 %.

¹ Социологическое исследование «Развитие человеческого потенциала в г. Уфа». Организаторы: Институт социально-политических и правовых исследований РБ, Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН. Объект исследования: постоянное население г. Уфы в возрасте 18–75 лет; выборка: вероятностная, стратифицированная по административным районам г. Уфы, с квотированием на этапе отбора в домохозяйствах с учетом пола, возраста и уровня образования населения соответствующих административных районов; объем выборки: 1000 человек, сроки реализации – октябрь 2015 года.

В то же время 37 % респондентов планирует пополнить свой образовательный капитал, получив профессиональное образование (впервые или дополнительно к уже имеющемуся): 20,6 % в перспективе, 10,6 % учатся в настоящее время, 5,8 % планируют заняться этим вопросом уже в ближайшее время. В большинстве своем это люди в возрасте 18–24 лет, которые либо уже учатся (32,3 % респондентов этого возраста), либо собираются в перспективе (32,3 % респондентов этого возраста), либо уже запланировали обучение на ближайшее время (10,2 % респондентов этого возраста). Среди возрастной группы 25–34 лет 35,1 % собираются обучиться в перспективе, 10 % – в ближайшее время, 8,5 % обучаются уже сейчас. Около 44 % респондентов в возрастном диапазоне 35–44 лет не планируют дальнейшего обучения, тем не менее 21,8 % из них сказали, что в перспективе планируют пополнить свой образовательный потенциал; 6,1 % – уже в ближайшее время, 7 % учатся в настоящее время.

Стремление повысить уровень своего образования дифференцировано и внутри групп с различной степенью образования (табл. 1). В значительной степени это наблюдается у групп с высшим, незаконченным высшим и неполным средним образованием. Подавляющее большинство тех, кто не планирует получить дополнительное образование, относятся к группе с начальным профессиональным образованием. Возможно, это связано с тем, что получившие рабочую профессию не испытывают трудностей в реализации своего трудового потенциала и довольны существующим положением дел. Также респонденты с начальным образованием не планируют повысить уровень своего образования, однако в этой группе высока доля затруднившихся ответить.

Среди тех, кто хочет повысить свой уровень образования, преобладающее большинство говорят о желании получить высшее образование – 56 %. Четверть респондентов (23,4 %) хотели бы пройти различные курсы повышения квалификации, тренинги, семинары. О желании получить начальное профессиональное

образование сказали лишь 1,6 %, среднее специальное – 0,8 % респондентов (затруднившихся ответить – 18,2 %).

Таблица 1

Распределение ответа на вопрос: «Планируете ли Вы получить профессиональное образование (впервые или дополнительно к уже имеющемуся)?» – в зависимости от уже имеющегося уровня образования, %

Ответы	Начальное или ниже	Неполное среднее	Среднее общее	Начальное профессиональное	Среднее специальное	Незаконченное высшее	Высшее	Итого
Да, в перспективе	0,0	20,4	25	7,7	17	20,5	23,4	20,6
Да, в ближайшее время	0,0	11,1	6,5	3,8	2,9	9,6	7,2	5,8
Да, учусь в настоящее время	0	22,2	14,9	0	8,6	23,3	6,2	10,6
Нет, не планирую	25,0	33,3	48,2	88,5	59,2	16,4	51,7	50,9
Затрудняюсь ответить	75,0	13	5,4	0	12,4	30,1	11	12,0

Вопрос получения дополнительного образования при уже имеющемся профессиональном образовании вызывает затруднения у четверти опрошенных (25,6 %). Возможно, это связано с нерешительностью, необходимостью что-то менять в устоявшейся системе жизнеобеспечения. При этом 33,7 % вообще не планируют получать дополнительное образование, 13,9 % респондентов хотели бы дополнительно обучиться по своей профессии, 11,2 % опрошенных – по смежной профессии, 15,6 % хотели бы получить образование по другой профессии.

Рассматривая качество образования в различных учреждениях Уфы – детские сады, общеобразовательные школы, средние профессиональные образования (училища, колледжи), вузы, – респонденты чаще всего оценивали его как среднее или скорее хорошее для всех анализируемых учреждений. Наибольшее количество положительных оценок (скорее хорошее и очень хорошее) опрошенные поставили высшим

учебным заведениям. Перевес отрицательных оценок (скорее плохое и очень плохое), по сравнению с другими учреждениями, наблюдается для общеобразовательных школ (рис. 2).

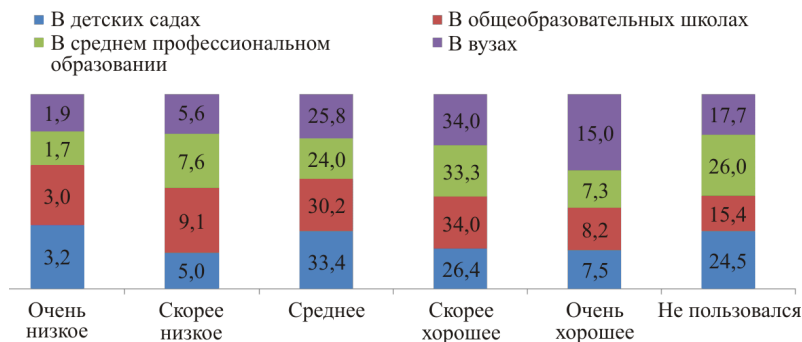

Рис. 2. Ответ на вопрос: «Как бы Вы оценили качество образования в образовательных учреждениях Уфы?», %

У подавляющего числа опрошенных нет детей, обучающихся в образовательных учреждениях (67,9 %). Эти показатели, безусловно, зависят от возраста опрошенных, детей школьного возраста имеет в основном группа лиц в возрасте 35–54 лет. Среди тех детей, которые посещают образовательные учреждения, 14,9 % обучаются в общеобразовательной школе; 10,9 % посещают детский сад; 8,6 % обучаются в вузе; 3,9 % обучаются в колледже, техникуме; 1,8 % – в профессиональном училище (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответа на вопрос:
«Имеете ли Вы детей, обучающихся в образовательных учреждениях?» – по возрасту опрошенных, %

Ответы	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65 и более
Не имею детей, обучающихся в образовательных учреждениях	95,3	75,3	39,7	45,3	75,5	89,4
Есть дети, посещающие детский сад	2,2	20	23,3	6,9	3,4	2

Окончание табл. 2

Ответы	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65 и более
Есть дети, которые обучаются в общеобразовательной школе	1,6	8,6	38,3	24,3	6,1	4,6
Есть дети, которые обучаются в профессиональном училище	0,9	0	1,6	4	3,8	0
Есть дети, которые обучаются в колледже, техникуме	0	0	5,1	9,3	5	1,2
Есть дети, которые обучаются в вузе	0	0	11,2	23,3	12,8	1,2

Таким образом, население Уфы имеет достаточно высокий уровень образования, значительная доля тех, кто имеет высшее или среднее специальное образование. Почти половина респондентов выражает желание либо получить дополнительные навыки по своей специальности, либо получить новую. Тем не менее, оценивая качество системы образования, респонденты дали средние оценки учреждениям практически на всех уровнях образования. Рассматривая тему образования, необходимо понимать проблемы соответствия запросов рынка труда и предоставляемых возможностей для получения профессий, качество получаемых знаний и удовлетворенность работодателей теми специалистами, которые к ним приходят, долю и причины оттока одаренных школьников в другие субъекты РФ и т.д.

Исянгулова Эльмира Ирековна – научный сотрудник Института стратегических исследований Республики Башкортостан, г. Уфа, e-mail: isyan.elmira@yandex.ru.

М.Б. Колесниченко

ФЕНОМЕН ВИЗУАЛИЗАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Описан феномен визуализации, заданный иконическим поворотом в социологии, уделено внимание понятию визуальности как характеристике повседневности. Взаимное влияние феноменов виртуальной реальности и визуализации обусловило рефлексивность и пересмотр идентичности в современном обществе. Указаны основные свойства визуальных образов в массмедиа. Выделены основные направления исследований в информационном пространстве.

Ключевые слова: визуализация, информационное пространство, массмедиа, Интернет, образ, идентичность, технология.

M.B. Kolesnichenko

PHENOMENON OF VISUALIZATION IN INFORMATION SPACE

The article describes a phenomenon of visualization which results from iconic turn in sociology and special attention is paid to the concept of visibility as characteristics of everyday life. Mutual influence of the phenomenon of virtual reality and visualization to each other results in reflexivity and revision of identity in modern society. Basic characteristics of visual images in mass-media are revealed. Basic directions of research in information space are stated.

Keywords: visualization, information space, mass-media, Internet, image, identity, technology.

Большую часть современного информационного пространства составляет виртуальное пространство, к которому можно отнести электронные массмедиа, Интернет, цифровую культуру. Как известно, в социологии под виртуальным понимают замещение реальных вещей и даже поступков их образами. В телевидение и Интернет всё больше проникают, популяризируются и активно используются визуальные конструкты, тем самым

тесно связывая между собой виртуальное пространство и процессы визуализации, явление визуальности. Визуальность стала универсальной характеристикой повседневной жизни индивидов, фактором конструирования социальных практик, стилей жизни, габитуса, идентичности [1, с. 29] через фиксацию повседневности, и социальная жизнь в целом изменяется.

Произошел сдвиг от вербальных характеристик в сторону визуальных. Социологи исследуют свойственный современному обществу визуальный (иконический) поворот, обозначающий социокультурную ситуацию, при которой в медиареальности главенствуют визуальные образы. Одновременно такие массмедиа, как социальные сети, кино, телевидение, фотография, реклама, стали главными средствами коммуникации. С их помощью появились новые формы информации на качественно ином уровне. Не просто усилился интерес к театру, опере, балету, художественным выставкам, музеям, а в этой сфере расширяется деятельность, связанная с активным взаимодействием зрителя и художника, с освоением посетителями ролей участников событий перформанса. Например, мастер-классы по рисованию, по освоению какой-либо техники (рисование на воде), посещение закулисья театра в день открытых дверей, приглашение на репетиции оперных певцов, примерка костюмов и т.д.

Важной компетенцией личности в современном обществе становится умение ориентироваться в потоке поступающей информации [2, с. 9], в потоке образов, отсекаать лишнее, быстро находить необходимое. Создаваемые визуальные образы лаконичны, экономичны, обладают высокой скоростью передачи, доступны и ясны. В то же время они представляют собой документальную информацию о действиях людей.

Другая компетенция проявляется в том, что практически каждый – творец собственной истории, своей идентичности, режиссер своего уникального образа в масштабе всеобщего

«самодокументирования (16 миллиардов фотографий в Интернете)» и «демократизации нарциссизма». Большинство мини-нарративов настроено на визуализацию социального успеха, а следовательно, на определенное «приукрашивание» и эстетизацию образов [1, с. 32].

Третье свойство феномена визуализации – это выход из частной сферы в публичное пространство, что характеризует новые медиа как гибридную, смешанную структуру не только между вербальным и визуальным, но и между публичным и частным. В частности, фотографии или видео, сделанные непрофессионалами, могут быть размещены в традиционных медиаизданиях. По мнению социолога Дж. Урри, массмедиа изменяют публичную сферу, превращая ее в «публичную сцену» [3, с. 258]. Волной публичности выносятся и визуальная постановочность, театральность медиакейсов. Кроме того, массмедиа в целом утрачивают степень доверия аудитории, а визуальные образы привлекательны, надежны, создают эффект вовлеченности в событие, культуру участия (хотя, скорее, причастности). Социологами высказываются предположения, что образы дают иное «качество эмпатии», являясь частью коммуникативных стратегий [4, с. 136]. Тем не менее они могут не повлечь за собой реальные поступки и действия, оставив индивида наедине с «диванными переживаниями», превращая аудиторию в объект медиаманипулирования.

Еще один аспект связан с тем, что социокультурные изменения присущи процессам современной глобализации. То, что может зафиксировать видеокамера/видеорегистратор, находит информационный повод для создания фокуса обсуждения на определенное время в любом пространстве, в том числе во всем мире. Накопленный индивидом (организацией, социальной группой) символический капитал может стать уязвимым, потерять репутацию в глобальном потоке распространяемой информации.

Также осуществляется взаимовлияние визуализации и эмоциональной сферы. С одной стороны, визуальные образы рождают огромный спектр эмоций человека, с другой стороны, массовое потребление, особенно в долгих путешествиях, снижает эмоциональное восприятие (для того чтобы действительно удивить, поразить чем-либо, требуется больше усилий).

При внедрении визуальных образов в социологические исследования (например, фотографирование при домашнем опросе, на рабочем месте, велосипедистов на улице и т.д.) респонденту предлагается роль «независимого» наблюдателя [5, с. 83]. Такие визуальные методы, как исследование семейных фотоальбомов, видеоархивов, первостепенны при конструировании биографических нарративов индивидов и их семей.

Развитость социальных институтов может влиять на продвижение визуальных технологий. Так, контент-анализ показал, что существует различие в выраженности, насыщенности инфографических методов по региональному признаку [6, с. 166]. С помощью визуальных образов острее актуализируются педагогические и эстетические вопросы (возникшая потребность в визуально ориентированных учебных пособиях), обсуждение в информационном поле проблем насилия, эвтаназии, смерти, гендера и т.д., активизируются мыслительные процессы, появляются новые феномены (например, упомянутый Р. Мертоном процесс серендипности, т.е. интуитивной способности совершать открытия, инициируется визуализацией), свойственные новым поколениям. В видеоарте стираются пространственно-временные и субъект-объектные отношения.

Практическое значение визуализации в том, что ее исследования могут способствовать формированию политического имиджа, моделировать дискурс в политике. Социально-политические исследования показывают, что «...визуальная репрезентация концепта “политик” способствует разделению политиков на “своих” и “чужих”, наделяет их качествами профессионализма, успешности, дальновидности или лишает этих качеств в

глазах аудитории» [7, с. 78]. При исследованиях городского пространства возможно выявление таких особенностей, как этнические анклавы, феномен деревни в большом городе, советский символизм, захват и секьюритизация общественных пространств и т.д. Используются методы анализа граффити, фотоинтервью, визуальные очерки, контент-анализ веб-сайтов, лонгитюдная съемка местности и др. [8]. Таким образом, исследования в области визуальной социологии демонстрируют комплексность, интеграцию с антропологией, политологией, социальной психологией, этнографией и другими науками.

Список литературы

1. Дроздова А.В. Визуальность как феномен современного медиаобщества // *Дискуссия*. – Екатеринбург, 2014. – № 10(51). – С. 29–36.
2. Стегний В.Н., Ермаков М.А. Социологический анализ представления студентов об информационном обществе // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. – 2016. – № 1. – С. 8–16.
3. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. – М.: Изд-во Высш. шк. экономики, 2012. – 336 с.
4. Сергеева О.В. Исследовательское поле визуальной социологии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2008. – Т. XI, № 1. – С. 136–146.
5. Печурин А.В. Визуализация социальных исследований: новые данные или новые знания? // *Социологический журнал*. – 2007. – С. 81–89.
6. Симакова С.И. Влияние новых технологий на визуальный контент журналистских материалов // *Вестник Челяб. гос. ун-та*. – 2015. – Вып. 94, № 5(360). – С. 163–169.

7. Архипова Ю.В. Визуальная репрезентация концепта «политик» в политическом дискурсе // Дискуссия. – Екатеринбург, 2014. – № 10(51). – С. 78–83.

8. Визуальная социология. Новая университетская жизнь [Электронный ресурс]. – URL: <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/1200>.

Колесниченко Милана Борисовна – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: milana72000@mail.ru.

И.А. Комелькова

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ
ПРЕДПОЧТЕНИЙ ПРИ АНАЛИЗЕ КРЕДИТНОГО
ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ**

Рассматривается кредитное поведение населения, а именно потребительские предпочтения в рамках кредитования. Анализируются факторы, влияющие на потребительские предпочтения, а также составляется модель потребительских предпочтений исходя из результатов опроса, проведенного автором статьи.

Ключевые слова: кредит, кредитное поведение, потребительские предпочтения.

I.A. Komel'kova

**SOCIOLOGICAL ANALYSIS
OF CONSUMER PREFERENCES
IN THE ANALYSIS OF CREDIT BEHAVIOR**

The article analyzes credit behavior, specifically consumer preferences as a part of credit behavior. The author examines different factors that influence on consumer preferences and creates a model of consumer preferences based on the results of survey conducted by the author.

Keywords: credit, credit behavior, consumer preferences

Начиная с 2000-х годов, благодаря институциональным изменениям в кредитно-финансовой сфере и другим объективным изменениям в образе жизни российского населения, россияне стали активно изучать и использовать кредитные продукты. Таким образом, у массового потребителя начинает формироваться определенное мнение относительно кредитных продуктов на рынке, рациональности их использования и т.д. Появление культуры «опережающего потребления» формирует соответствующие потребительские предпочтения, а вместе с тем и кредитное поведение. Крайне важным представляется изучение именно потребительских предпочтений, поскольку,

основываясь на них, можно осуществлять вывод новых товаров на рынок, предсказывать, в каких услугах нуждается определенная группа потребителей, узнавать об изменениях в их статусе, доходах, отслеживать изменение их ценностей и установок. Потребительские предпочтения являются динамической характеристикой, изменяются под воздействием различных групп факторов, и кредитное поведение может не соответствовать предпочтениям человека.

Таким образом, одной из проблем в области потребительских предпочтений является несоответствие между потребительскими предпочтениями людей и их реальным поведением в области кредитования.

Объектом исследования выступили клиенты банков, бравшие потребительский кредит (включая кредиты в крупных магазинах, кроме рассрочки). Целью исследования стало изучение потребительских предпочтений и факторов, влияющих на их формирование.

Под кредитом мы будем понимать заимствование денежных средств на условиях возвратности, срочности и платности.

Кредитное поведение населения связано с распоряжением имеющимися у него сбережениями и свободными денежными средствами в целях расширенного потребления разнообразных благ. Его можно рассматривать как частный случай финансового поведения, которое, в свою очередь, является частью экономического поведения. [1]

Предполагается изучение кредитного поведения в рамках социологической теории, и для его анализа будем рассматривать кредитное поведение как социальное.

Социальное поведение рассматривается как форма деятельности, которая содержит в себе внутренне субъективное смысловое единство и по этому смыслу соотносится с действиями других людей и ориентируется на эти действия.

Мы можем рассматривать потребительские предпочтения в рамках кредитного поведения, основываясь на представле-

ниях о потребительских предпочтениях в рамках потребительского поведения. Поскольку использование кредита связано с непосредственным удовлетворением потребностей человека в обладании какими-либо благами, то можно сказать, что кредитное поведение во многом связано с потребительским поведением и пересекается с ним в аспекте непосредственного потребления товаров и услуг.

Потребительские предпочтения рассматривал в своих работах П. Бурдые, называя их вкусами. Формирование вкусов П. Бурдые выводит из понятия габитуса. П. Бурдые считает, что каждый день человек совершает выбор, который является рациональным вследствие того, что человек осуществляет последовательное стремление к собственному благу. Говоря о потребительских предпочтениях в рамках кредитного поведения, можно сказать, что степень рациональности здесь будет отличаться от уровня рациональности при предпочтениях в рамках потребительского поведения, например в отношении какой-либо вещи, еды, бренда и т.д. Степень рациональности будет выше, поскольку неверный выбор, основанный на нерациональных предпочтениях, может привести нас к негативным последствиям в будущем. Предпочтения в данном случае являются фильтром, рационализирующим наши потребности.

Нами был сделан вывод о том, что связующим звеном между выбором с непосредственным осуществлением действия и ценностями, установками является такой компонент, как потребительские предпочтения. На наш взгляд, предпочтения являются связующим звеном между личностными свойствами (мотивационно-потребностной сферой, ценностями и т.д.) и потреблением. И их роль здесь – в своеобразной фильтрации и опредмечивании потребностей, ценностей на определенный товар.

В наиболее общем определении потребительское предпочтение – это социально и личностно детерминированное позитивное субъект-объектное отношение потребителя к товару, услуге или их атрибутам, определяющее выбор [3].

П. Бурдые считает, что потребительские предпочтения являются относительно устойчивыми по причине того, что, осуществляя выбор, человек всегда осуществляет его (выбор) с опорой на прошлое (прошлый опыт). Это постоянство обеспечивается габитусом, устойчивыми диспозициями производства классифицирующих практик и одновременно диспозициями их восприятия и оценивания. Вкусом (предпочтением) П. Бурдые считает индивидуальный габитус. Исходя из этого можно сказать, что накопленный субъектом опыт является фактором, влияющим на предпочтения индивида [4].

П. Бурдые указывает, что индивидуальный вкус (или габитус) как система классификационных моделей объективно связан с социальными условиями: субъекты относят себя к определенной социальной категории и позволяют окружающим соотносить их с этой категорией, избирая, в соответствии с индивидуальными вкусами, определенные символы, уровень потребления, определенные практики, считая их соответствующими своей социальной позиции. Субъекты соотносят себя с определенной социальной категорией, выбирая в массе доступных им вещей и услуг те, позиция которых в предметном пространстве соответствует социальной позиции субъекта [2].

В ходе пилотажного исследования, проведенного в июле – августе 2014 года, были опрошены 29 человек, среди них 17 женщин и 12 мужчин, в возрасте от 22 до 55 лет включительно.

У большинства респондентов (44,8 %) на данный момент есть один активный потребительский кредит, у 11 опрошенных (37,9 %) нет на данный момент потребительских кредитов и у 17,2 % опрошенных на данный момент несколько активных потребительских кредитов.

Нами были выяснены основные мотивы, которыми руководствуются респонденты при осуществлении выбора. Данные, представленные в табл. 1, свидетельствуют о том, что основной причиной для использования потребительского кредита является желание приобрести автомобиль, далее следует

желание осуществить ремонт, следующей причиной является желание попутешествовать.

Автомобиль является статусной вещью, которая может изменять статус человека в обществе, поэтому можно сказать, что в данном случае доминирующим мотивом будет мотив достижения и развития. Это же относится к желанию респондентов путешествовать, что свидетельствует о наличии мотива достижения и развития. Но высокая необходимость ремонта свидетельствует о наличии мотива обеспечения себя.

Таблица 1

Распределение мотивов (причин) выбора потребительского кредита (в процентах от числа опрошенных, абсолютных числах и рангах)

Мотивы взять кредит	<i>N</i>	%	Ранги
Желание приобрести автомобиль	12	41,3	1
Желание сделать ремонт, сменить интерьер	6	20,6	2
Желание попутешествовать	5	17,2	3
Оплатить торжества, важные дорогостоящие мероприятия	4	13,8	4–5
Необходимость приобрести крупную бытовую технику	4	13,8	4–5
Острая материальная необходимость	3	10,3	6
Погасить уже имеющийся кредит (кредиты)	2	6,9	7
Необходимость оплатить обучение (свое, своих детей)	1	3,4	8

Далее нами было проверено влияние факторов, воздействующих на потребительские предпочтения.

Фактор образования оказывает влияние на уровень информированности, т.е. на когнитивный компонент потребительских предпочтений.

Полученные данные показали, что с ростом уровня образования повышается и уровень информированности респондентов. Только в группе с высшим образованием есть респон-

денты, которые, по их собственному мнению, владеют исчерпывающей информацией о кредитах и их условиях.

Респонденты с высшим образованием в большей степени (73,4 %) достаточно информированы о кредитах, а также в большей степени считают, что обладают исчерпывающей информацией о потребительских кредитах – 13,3 % респондентов.

Среди респондентов со средним специальным образованием выше процент тех, кто недостаточно информирован об имеющихся кредитах и их условиях (50 %).

Среди респондентов со средним образованием выше процент тех, кто владеет лишь небольшим количеством информации о кредитах и их условиях (40 %) (рис. 1).

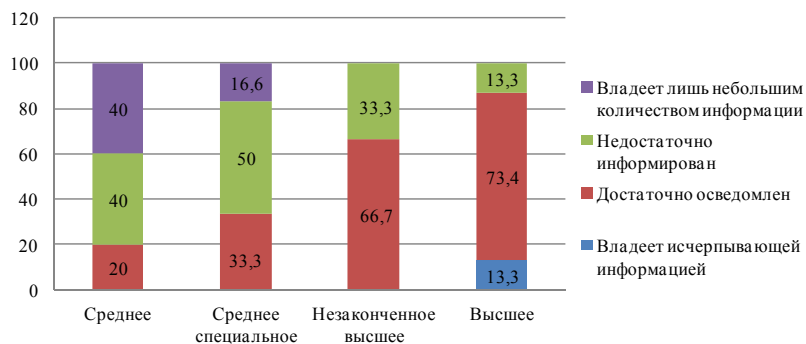

Рис. 1. Влияние образования на уровень информированности респондента относительно кредитов, их условий (в процентах от групп по уровню образования)

Это может быть связано с тем, что респонденты с более высоким уровнем образования имеют более высокий уровень притязаний по отношению к любым банковским продуктам, в том числе к потребительским кредитам, поэтому они изучают больше информации об имеющихся потребительских кредитах.

Далее нами было проверено влияние фактора пола на потребительские предпочтения, а именно на рациональность при принятии решения. Среди женщин выше процент тех, кто при-

нимает решения очень быстро (11,8 %), среди мужчин таких не оказалось. Среди мужчин, по сравнению с женщинами, выше процент тех, кто принимает решение, чтобы взять кредит быстро (от нескольких дней до недели) (58,3 против 35,3 %). Однако среди женщин, по сравнению с мужчинами, выше процент тех, кто принимает решение достаточно долго (35,3 против 25 %).

Рациональность в данном случае состоит в том, чтобы изучить все условия кредита, но не тянуть при этом слишком долго, чтобы не упустить определенные «выгодные» условия для потребителя. Поэтому максимально рациональным будет тот, кто принимает решение от нескольких дней до месяца. В целом можно сделать вывод, что мужчины не так быстро принимают решения, как женщины, но лишь в определенном временном промежутке, а именно до недели. Больше склонны обдумывать свое решение дольше недели женщины.

В ходе исследования также было проверено влияние возраста на потребительские предпочтения респондентов, а именно на желаемую сумму кредита.

Нами была обнаружена обратная зависимость: с увеличением возраста увеличивается и желаемая сумма кредита.

Согласно полученным данным, люди в возрасте от 31–40 больше всех склонны брать сумму до 50 тысяч рублей (40 %), все остальные группы рассчитывают на эту сумму меньше. Также люди в возрасте от 31–40 больше рассчитывают на сумму 50–100 тысяч рублей (60 %), чем все остальные возрастные группы.

В свою очередь, в возрастной группе от 41–48 лет больше всего респондентов ответили, что приемлемая для них сумма кредита 100–200 тысяч рублей (75 %).

Только в возрастной группе от 49 до 55 лет есть респонденты (44,4 %), которые рассчитывают и считают для себя приемлемой сумму 200–300 тысяч рублей, и те (22,2 %), кто рассчитывает на сумму 400–500 тысяч рублей.

Только в группе 22–30 лет есть те (18,4 %), кто рассчитывает на сумму 300–400 тысяч рублей.

Это может быть связано с тем, что с возрастом растет уровень заработной платы у респондентов, что также может быть связано с приобретением профессионализма. Соответственно, возрастает уровень потребностей и растет желаемая сумма кредита.

Удалось выявить влияние рекламы на выбор банка респондентом. Можно заметить следующую зависимость: чем больше люди замечают рекламной информации, осмысленно ее воспринимают, тем более важным для них является не только выбор кредита, но и выбор банка, в котором будет осуществляться кредитование.

Те респонденты, которые постоянно замечают рекламу о кредитных продуктах, в большинстве (66,7 %) считают, что банк при выборе кредита играет огромную роль.

Среди тех, кто замечает рекламу практически каждый день, выше процент тех (60 %), кто считает, что банк – не самое важное при выборе потребительского кредита.

То же самое распределение распространяется и на тех респондентов, которые замечают рекламную информацию лишь иногда: считают выбор банка не самым важным при выборе кредита 57,1 % опрошенных, очень важным – 42,9 % опрошенных (рис. 2).

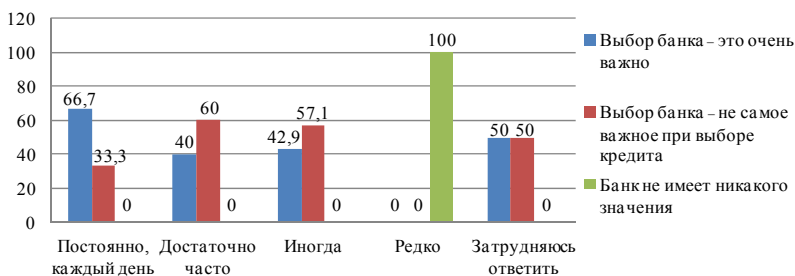

Рис. 2. Влияние восприятия рекламы на выбор банка (в процентах от групп по восприятию)

Для 75 % опрошенных, которых интересует рекламная информация о потребительских кредитах, очень важным является и выбор банка, для оставшихся 25 % опрошенных банк имеет не самое важное значение. Среди опрошенных, которые интересуются информацией о кредитах, но не придают ей столь большого значения, одинаков процент тех, для кого банк является очень важным при выборе кредита, и тех, для кого банк является достаточно важным при выборе потребительского кредита (по 50 %). Среди тех, кого не интересует рекламная информация, выше процент тех, для кого выбор банка является не самым важным критерием (60 %).

Таким образом, получается, что чем меньше потребителей интересует рекламная информация, тем меньше они задумываются о важности банка, в котором, возможно, будут осуществлять кредитование.

Чтобы выяснить основные критерии при выборе кредитного продукта, респондентам были задан вопрос: «Что является для Вас наиболее важным при выборе потребительского кредита?»

В соответствии с полученными данными видно, что большинство опрошенных (75,8 %) считают известность банка более важным критерием, чем близкое расположение отделения банка к дому (24,2 %).

На основе опроса был составлен рейтинг в соответствии с потребительскими предпочтениями. Респондентам предлагалось проанализировать критерии, расставив их в порядке наибольшей значимости для себя. Результаты были проанализированы, после чего были вычислены средние значения по каждому критерию. Данные представлены в табл. 2.

Таблица 2

Критерии выбора кредита (в рангах и средних числах)

Критерии	Среднее	Ранги
Величина процентной ставки	1,52	1
Выгодность предлагаемых условий	2,82	2
Опыт общения с банком, доверие к банку	3,95	3

Окончание табл. 2

Критерии	Среднее	Ранги
Известность банка	4,56	4
Срок кредита	5,17	5
Рекомендации друзей, родственников	5,82	6
Достойное качество обслуживания	6,82	7
Время рассмотрения заявки	7,26	8
Близкое месторасположение отделения банка	8,08	9
Другое (укажите свое)	8,95	10

Таким образом, можно описать сбалансированную модель потребительских предпочтений в отношении потребительского кредита:

1. Наличие выгодной для потребителя процентной ставки. Это может быть наличие индивидуальных ставок по кредиту также, поскольку срок кредита является менее важным критерием, значит, его изменения могло бы стать причиной изменения и процентной ставки. Также время рассмотрения заявки является не самым важным критерием при выборе кредита, поэтому можно изменять процентную ставку, изучив более подробно документы заемщика и т.д., потратив на это больше времени, заемщик в большинстве случаев готов ждать определенное время.

2. Выгодность предлагаемых условий подразумевает наличие гибкой системы кредитования (возможность переноса даты внесения платежа, возможность отказа от страхования, при этом не изменяя условия кредитного договора, низкий процент пени за просрочку платежа и т.д.).

3. Опыт общения с банком является очень важным для потребителя, поэтому необходимо создавать у потребителя положительное отношение к банку, его продуктам. Положительный опыт общения с банком формирует рекомендации со стороны окружающих людей, уже ставших когда-то клиентами банка. На основе этого опыта формируется критерий № 6.

4. Важно сформировать известность банка, чтобы потребитель, сравнивая банк с другим, мог четко для себя определить, какой банк более стабилен на рынке и какую он занимает позицию.

5. Срок кредита является немаловажным критерием, поэтому изменять его в угоду процентной ставке можно только в определенной степени.

6. Рекомендации друзей и родственников. Данный критерий является важным, потому что, как правило, потребитель прислушивается к мнению своих близких и основывается на нем, накладывает их личный опыт на свой.

Достойное качество обслуживания, время рассмотрения заявки, близкое месторасположение отделения банка – наименее значимые критерии в данной выборочной совокупности. Однако нельзя пренебрегать ими.

Кредитное поведение населения на сегодняшний день является крайне актуальным аспектом, в особенности это касается такой его составляющей, как потребительские предпочтения.

Основными мотивами взять потребительский кредит являлись мотивы достижения и развития, они противопоставлены мотивам обеспечения, которые также являются основными для данной выборочной совокупности, что свидетельствует о том, что большая часть населения не повышает свой статус, а лишь вынуждена брать кредиты с целью самообеспечения.

В нашем исследовании основными факторами, влияющими на потребительские предпочтения, стала реклама, ее восприятие и уровень образования потребителей (как внутренний фактор). В нашей выборочной совокупности респонденты старшего возраста готовы брать потребительский кредит на большие суммы по сравнению с более молодыми респондентами.

Модель критериев потребительских предпочтений составлена на основе опроса и требует дальнейшей проверки с помощью повторного опроса.

Список литературы

1. Белехова Г.В. Кредитное поведение населения: современные аспекты (на примере Вологодской области) // Вопросы территориального развития. – 2014. – Вып. 1(11).
2. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. – 1993. – Вып. 2. – С. 137–150.
3. Посыпанова О.С. Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей: монография. – Калуга: Изд-во КГУ им. К.Э. Циолковского, 2012. – 296 с.
4. Радаев В.В. Экономическая социология: учеб. пособие для вузов. – М.: Изд-во Высш. шк. экономики, 2005. – 602 с.
5. Стребков Д.О. Основные типы и факторы кредитного поведения населения современной России // Вопросы экономики. – 2004. – № 2.

Комелькова Ирина Анатольевна – магистрант кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: komelkovairina@mail.ru.

Л.Н. Курбатова, Т.П. Казанцева, Е.И. Носкова

ДЕНЬГИ: МИФ, ИЛЛЮЗИЯ, РЕАЛЬНОСТЬ

Рассматривается трансформация социальной роли денег в жизни современного молодого человека. Сравнительный анализ результатов социологического исследования, проведенного в 2001 и 2008 годах среди студентов, и экспресс-опроса 2016 года среди студентов и молодых рабочих выявил ряд социальных проблем, которые раскрывают социальную ценность денег в условиях социально-экономического и социокультурного кризиса России. К ним можно отнести политическую и экономическую мифологизацию и идеализацию денег как экономической категории. В реальности молодежь рассматривает деньги как условие современной жизни, в которой деньги не являются основой мотивационного ядра, а воспринимаются большинством респондентов в связи с их системой социальных ценностей.

Ключевые слова: деньги, студент, рабочий, общество, миф, жизненные ценности, социальные установки, экономическое поведение.

L.N. Kurbatova, T.P. Kazanzeva, E.I. Noskova

MONEY: A MYTH, AN ILLUSION, THE REALITY

This article examines transformation of the social role of money in the life of a modern young man. Comparative analysis of the results of the sociological research conducted in 2001 and 2008 among students and Express poll 2016 – among students and young workers, identified several social problems, which reveal the social value of money in terms of socio-economic and socio-cultural crisis in Russia. These include political and economic mythologization and idealization of money as an economic category. In reality, young people consider the money as a condition of modern life where money is not a motivational-based kernel, and perceived by most respondents in connection with their system of social values.

Keywords: money, student, working, society, myth, life values, social attitudes, economic behavior.

Деньги – один из самых интригующих социальных феноменов: пожалуй, ни одна из неоднократно предпринимавшихся попыток ухватить их сущность не может считаться вполне удовлетворительной [1]. В своей работе «К еврейскому вопросу» К. Маркс подчеркивает: «Деньги – это ревнивый бог Израиля, пред лицом которого не должно быть никакого другого бога. Деньги низводят всех богов человека с высоты и обращают их в товар. Деньги – это всеобщая, установившаяся как нечто самостоятельное, стоимость всех вещей. Они поэтому лишили весь мир – как человеческий мир, так и природу – их собственной стоимости. Деньги – это отчужденная от человека сущность его труда и его бытия; и эта чуждая сущность повелевает человеком, и человек поклоняется ей» [2, с. 410].

Многочисленные исследования денег как экономической, философской, психологической категорий так или иначе связывают феномен денег с его социально-экономической, потребительской сущностью, что является само собой разумеющимся, так как деньги сами по себе возникли как форма экономического обмена [1]. В то же время К. Маркс, Зиммель привязывают экономическую сущность денег к социальным потребностям, интересам, желаниям, ценностям и мотивам «человека-институционального» [3, 4].

В свое время К. Маркс определил общественную ценность денег как характеристику общественно-производственных отношений: «...Все иллюзии монетарной системы произошли оттого, что не видели, что деньги представляют общественное производственное отношение, но в форме естественной вещи с определенными свойствами. У современных экономистов, которые высокомерно посмеиваются над иллюзиями монетарной системы, обнаруживается та же иллюзия, как только они обращаются к более высоким экономическим категориям, например к капиталу. Эта иллюзия прорывается у них в виде наивного изумления, когда то, что они грубо только что определили как вещь, вдруг выступает пред ними в качестве общественного отношения, а затем

то, что они едва успели зафиксировать как общественное отношение, вновь дразнит их как вещь» [5, с. 16–17].

Правят ли миром деньги или другие вещи – тема спорная. Но вот то, что деньги сильно влияют на жизнь любого человека, сомнению не подлежит. С раннего детства многие уже сталкиваются с проблемой денег. Не раз каждый из нас наблюдал в магазине ситуацию, когда ребенок просит маму купить понравившуюся ему игрушку, книжку или одежду, а в ответ: «Нет денег!». Да и сами мы с этим сталкивались в детстве [6, 7].

Таким образом, по мнению ряда авторов, с малых лет в сознание ребенка закладывается установка: «...деньги дают силу, помогают исполнять желания, приносят хорошее настроение. А если денег нет, то не получается и счастья – и не помогает ни образование, ни доброта, ни другие прекрасные качества, которые в нас так стараются заложить» [8].

Существует множество классификаций мифов о деньгах. В общем их можно сгруппировать по следующим признакам: а) социально-психологическим («деньги решают все», «без денег человек ничто» – страх оказаться вне социума); б) социокультурным (деньги как жизненная ценность или средство, деньги как социальный статус); в) моральным (деньги как зло, деньги как свобода, деньги как средство); г) социально-экономическим («деньги – это богатство», «деньги – это власть»).

Исходя из этого возникает вопрос: «Какова динамика мировоззренческой позиции современной молодежи в восприятии “денег” как социальной ценности?»

Для того чтобы в полной мере понять, что деньги значат в жизни молодых людей, были проведены социологические исследования: в 2001 году опрошено 123 студента ПГТИ (Пермский гуманитарно-технологический институт), в 2008 году – 148 студентов ПНИПУ (Пермский национальный исследовательский политехнический университет), в 2016 году был проведен экспресс-опрос среди 25 студентов ПНИПУ и 25 молодых рабочих.

Следует уточнить, что к 2001 году в российском обществе уже сформировалась социально-экономическая картина общественной жизни в условиях «дикого капитализма», где материальные ценности вышли на первое место [9]. К 2008 году наблюдается относительная стабилизация, вернее адаптация россиян к условиям капиталистических социально-экономических отношений, что привело к перераспределению социальных ценностей в структуре жизненных ценностей. Период с 2008 по 2016 год – это время нарастания новых кризисных процессов, но уже в условиях принятой населением страны парадигмой общественной жизни [9].

Одним из наиболее распространенных мифов у нас является миф о том, что в нашей культуре доминирует негативное отношение к богатству, деньгам. Однако, как показывают наши исследования, только каждый десятый респондент считает деньги злом, большинство опрошенных рассматривает деньги как социальное условие современной жизни (табл. 1).

Таблица 1

Отношение молодежи к деньгам как социальному феномену
(процент от числа опрошенных)

Деньги – это	Студенты*		Рабочие	Студенты
	2001	2008	2016	
зло	4	9	16	12
жизненная ценность	9	13	8	28
необходимость удовлетворять материальные потребности	85	84	80	56
способ достичь успеха в жизни	–	–	20	20
власть над другими	–	–	12	28
необходимость удовлетворять духовные потребности	–	–	20	12
полная свобода от всех и всего	–	–	28	32

* В 2001 и 2008 годах были три варианта ответов, в 2016 году число вариантов ответов увеличилось.

Чаще всего такое отношение к деньгам экономисты и психологи рассматривают в рамках инструментального подхода [10, 11].

В то же время необходимо учитывать, что человек живет в институциональном пространстве, следовательно, социализация личности происходит в определенных социокультурных условиях, где, по мнению студентов 2001 и 2008 годов, деньги выступают именно как условие жизни. Исходя из этого сами деньги выступают не столько средством, сколько требованием к функционированию социально-экономических и социально-политических отношений, сложившихся в институциональном пространстве на определенном этапе общественного развития.

В то же время стоит учитывать, что с 2008 по 2016 год в стране нарастали кризисные социально-экономические процессы, которые не могли не сказаться на отношении молодежи к деньгам. В связи с этим наблюдаются определенные изменения в восприятии денег студентами 2016 года. Возрастает доля тех, кто рассматривает деньги как зло, и тех, кто оценивает деньги как жизненную ценность. При этом последнее свойство денег оценил каждый третий студент 2016 года против каждого девятого студента в 2008 году. Соответственно, уменьшилось число студентов, для которых деньги – это условие жизни, однако каждый второй сохраняет это институциональное восприятие денег.

Сопоставляя отношение к деньгам студентов и молодых рабочих, опрошенных в 2016 году, стоит отметить следующее: молодые рабочие ориентированы на социокультурную ценность денег, тогда как студенты – на социально-статусную роль денег.

Также данный миф развеивает социокультурная природа денег [12]. Положительные моральные аспекты доминируют в установках молодежи на выбор типа социально-экономического поведения.

Более 80 % молодежи на протяжении всего периода исследования хотели бы зарабатывать деньги честным путем, т.е. работать и получать за свою работу заработную плату.

Также стоит отметить, что число студентов, которые бы хотели иметь доход за счет других денежных источников, таких как родители, спонсорство, удачное замужество, со временем значительно сократилось. Это тем более очевидно в сопоставлении с 2001 годом, когда каждый второй был не против удачного замужества (49 % в 2001 году против отсутствующих в данной категории в 2016 году), каждый третий – за счет спонсора (33 % в 2001 году против 4 % в 2016 году). Однако каждый десятый молодой рабочий принимает такой вид экономического поведения в 2016 году (по 12 % соответственно).

В то же время принцип «не обманешь – не проживешь» сохраняется в мировоззрении каждого шестого студента в 2016 году, хотя в 2001 году так считал каждый четвертый студент (26 %).

Стоит отметить, что в 2016 году среди студентов нет ни одного, кто бы желал жить за счет родителей (табл. 2).

Таблица 2

Выбор респондентами типа социально-экономического поведения (процент от числа опрошенных)

Деньги можно заработать	Студенты		Рабочие	Студенты
	2001	2008		
честным путем (работать и получать заработную плату)	86	93	88	80
мошенническим путем (не обманешь – не проживешь)	26	7	4	16
насилованным путем	5			
за счет спонсора	33	15	12	4
за счет удачного замужества/женитьбы	49	26	12	–
жить за счет родителей (наследства)	7	3	8	–
просить подаяние	–	–	–	–
за счет милосердия и благотворительности	1	–	–	–

Рассмотрим еще один аспект социокультурного экономического поведения молодежи в рамках ретроспективы социальной ситуации, заданной в вопросе: «Если бы у Вас был 1 млн долларов (евро), то на что бы Вы его потратили?».

К 2001 году у студентов преобладает консервативно-прагматическое отношение к деньгам, причем в большей мере направленное на себя, т.е. на решение собственных материальных проблем. Здесь наблюдается высокий уровень недоверия к финансовым институтам (89 % опрошенных сохранили бы деньги в «чулке» на черный день).

В 2008 году прагматическая ситуация сохраняется, но становится более размытой, при этом практически исчезают традиционно-культурные установки, а именно раздать деньги родственникам, сохранить деньги в «чулке».

Студенты 2016 года, наоборот, возродили культурную традицию, поставив на первое место желание помочь родственникам. В то же время они более прагматичны, в их установках зафиксирован свойственный рыночному капитализму тип финансово-экономического поведения (ориентация на предпринимательство и финансовая культура).

Молодые рабочие 2016 года отличаются от студентов широким спектром социально-экономических установок, в которых присутствуют все представленные варианты экономического поведения примерно равномерно (табл. 3).

Таблица 3

Ретроспективное социокультурное экономическое поведение молодежи (процент от числа опрошенных, ранг)

Установки	Студенты				Рабочие		Студенты*	
	2001		2008		2016			
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
На себя, свой быт	71	4	61	2	44	1–3	8	4
На отдых, путешествия	59	5	44	4	44	1–3	–	–
На благотворительные цели	22	9	22	7	28	5–7	4	5–6

Окончание табл. 3

Установки	Студенты				Рабочие		Студенты*	
	2001		2008		2016			
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Организовали бы собственный бизнес	75	<i>3</i>	69	<i>1</i>	36	<i>4</i>	16	<i>2–3</i>
Вложили бы в ценные бумаги	27	<i>7</i>	24	<i>6</i>	28	<i>5–7</i>	16	<i>2–3</i>
Приобрели бы недвижимость, землю с целью сдачи в аренду	76	<i>2</i>	55	<i>3</i>	44	<i>1–3</i>	<i>4</i>	<i>5–6</i>
Положили бы в банк на депозит	44	<i>6</i>	30	<i>5</i>	24	<i>8</i>	–	–
Раздали бы своим родственникам	23	<i>8</i>	2	<i>8–9</i>	28	<i>5–7</i>	24	<i>1</i>
Сохранили бы в «чужке» на черный день	89	<i>1</i>	2	<i>8–9</i>	12	<i>9</i>	–	–
Уехали бы за границу на постоянное место жительства	–	–	–	–	8	<i>10</i>	–	–

**Примечание:* в 2001 и 2008 годах студентам было предложено выбрать любое количество вариантов ответа, в 2016 году – только один, для того чтобы определить рейтинг социально-экономической ценности денег.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что к 2001 году была сформирована инструментальная установка на деньги. Социально-экономические и социокультурные процессы, которые активно протекали в период до 2016 года, институционализировали структуру социальных установок в отношении понимания молодежью роли и места денег в их жизни, это выразилось в новых стандартах социально-экономического поведения молодежи в соответствии с их социокультурными типами сознания.

Исходя из этого стоит признать мифологизацию понятия «деньги» как только социально-экономического и социально-политического инструмента.

Маркс был прав: деньги имеют свойство менять свою социальную сущность в зависимости от общественных условий.

Список литературы

1. Тарасов А.И. Анализ теории денег // APRIORI. Сер.: Гуманитарные науки. – 2015. – № 3. – С. 1–7.
2. Маркс К., Энгельс Ф. К еврейскому вопросу // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – М.: Изд-во полит. лит-ры. – Т. 1. – 663 с.
3. Зиммель Г. Философия денег // Теория общества. – М.: КАНОН-Пресс-Ц, 1999. – 416 с.
4. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. – 689 с.
5. Маркс К. К критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд.– М.: Изд-во полит. лит-ры. – Т. 13. – 410 с.
6. Фенько А.Б. Дети и деньги: особенности экономической социализации // Вопросы психологии. – 2000. – № 2. – С. 94–102.
7. Семенов М.Ю. Особенности отношения к деньгам у людей с разным уровнем личностной зрелости: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Ярославль: Изд-во Ярослав. гос. ун-та им. П.Г. Демидова, 2004. – 22 с.
8. Леонов Н.С. Бесплатных пирожных не бывает. – Архангельск: Сев.-Зап. книж. изд-во, 1993. – 528 с.
9. Курбатова Л.Н. Жизненные ценности студентов как институциональные индикаторы формационного изменения общества // Alma Mater. Вестник высшей школы. – 2012. – № 9. – С. 35–41.
10. Фернам А., Аргайл М. Деньги: секреты психологии денег и финансового поведения / под общ. ред. А. Алексеева – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2005. – 352 с.

11. Филинкова Е.Б. Отношение старшеклассников к деньгам и способам их зарабатывания // Социальная психология и общество. – 2010. – № 1. – С. 152–173.

12. Зарубина Н.Н. Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности // Социологические исследования. – 2006. – № 6. – С. 3–12.

Курбатова Людмила Николаевна – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: kurbatova-ln@mail.ru.

Казанцева Татьяна Павловна – студентка Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: kurbatova-ln@mail.ru.

Носкова Екатерина Ивановна – студентка Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: kurbatova-ln@mail.ru.

Е.А. Лазукова

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ СОЦИОЛОГИИ

Посвящено потребности в социологических услугах в современных условиях России. В качестве основных факторов низкого спроса на социологические услуги рассмотрены экономические (материальное положение), информационные (отсутствие четкого представления о социологии) и культурные факторы (отсутствие развитой культуры научного управления).

Ключевые слова: социология, социологические исследования, прикладная наука, востребованность, научное управление.

E.A. Lazukova

THE RELEVANCE OF SOCIOLOGY

The article is devoted to the needs of social services in the modern conditions of Russia. The main factors of low demand for social services are considered economic factors (financial situation), information factors (the lack of a clear conception of sociology) and cultural factors (the lack of a developed culture of scientific management).

Keywords: sociology, sociological research, applied research, relevance, scientific management.

Для академических кругов вопрос об общественной потребности в социологии может показаться риторическим. Однако современные российские реалии диктуют необходимость постановки такого вопроса.

По отношению к социологической науке выделяются две категории: ее потребители (в лице заказчиков исследований, предприятий, организаций, государства) и ее создатели (нынешние – в лице профессионалов, занимающихся данной наукой, и будущие – в лице абитуриентов).

Отношение к социологии со стороны государства в нынешних условиях неоднозначно. С одной стороны, в соответствии с учебными программами в вузах России преподается дисциплина «Социология» и выпускаются специалисты (бакалавры) по дан-

ному направлению подготовки, выделяются гранты на социологические исследования, даются государственные задания, что свидетельствует о признании государством значения социологической науки. С другой стороны, модернизация системы образования в стране приводит к постепенному вытеснению социально-гуманитарного знания из учебных программ путем уменьшения количества часов, отведенных на его изучение (в том числе на изучение социологии), а также путем сокращения бюджетных мест для обучения по направлению «Социология».

Для баланса на рынке труда предложение социологов должно быть согласовано со спросом на них. Однако потребность в социологии россиянами слабо осознается, что проявляется в невысоком спросе на социологов на рынке труда [1, с. 30]. Слабый интерес к социологии на уровне компаний, организаций фиксируются со времен распада Советского Союза [2, с. 138]. В какой-то мере это явление объясняется экономическими причинами. Материальное положение большинства жителей России того времени и многих предприятий можно назвать затруднительным [3, с. 141–142]. Экономические сложности в стране, безусловно, отражаются на рынке социологических услуг [4, с. 134], экономические кризисы 1998 и 2008 годов внесли свою лепту в замедление их распространения. При этом в постсоветский период развития нашей страны для социологов появилась масса новых возможностей, связанных с научно-техническим прогрессом: новые методы сбора информации (в частности, интернет-опросы [5]), компьютерные программы для обработки и анализа социологической информации и т.д., упрощающие работу социологов и делающие социологические исследования более доступными.

Вне зависимости от социально-экономических условий существования общества функция государства, как нам видится, заключается не только в удовлетворении потребностей экономики, в отклике на текущую ситуацию на рынке труда и стремлении обеспечить его квалифицированными кадрами, но и

в формировании представления о должной общественной потребности в социологии, в формировании спроса на социологов. Эффективное государство не должно лишь «оглядываться» на запросы рынка труда, а должно формировать его запросы, задавая ориентиры, нормы, образцы. Отсутствие в России социологов в среде управленцев от низшего уровня (предприятия, организации) до более высоких уровней (региона, страны) заставляет усомниться в наличии запроса общества на использование социологических знаний в социальном управлении. Отсутствие научного подхода в управленческой деятельности может иметь негативные последствия для общества.

Ученые-социологи при этом пытаются работать не только для внутреннего потребителя – научного сообщества, но и для населения. В России проводятся прикладные социологические исследования [6, с. 21], но они не носят систематического характера (исключением являются некоторые опросы общественного мнения, проводимые ВЦИОМ, «Левада-Центром» и пр.; открытым остается вопрос о регулярности использовании их результатов). Большинство же исследований – разовые. Они касаются обычно медийной, политической и маркетинговой сферы [6, с. 21].

Традиция применения научных знаний для управления социальными группами и процессами в стране пока не сложилась. Это можно отнести к особенностям управленческой культуры современной России.

Абитуриенты, выбирая специальность «Социология», могли бы тем самым отражать уровень потребности общества в данной науке. Однако это не совсем так. Потребность стать социологом (как и любым другим специалистом) зависит от ряда факторов, среди которых престижность и доходность профессии социолога, наличие соответствующих вакансий на рынке труда, степень сложности зачисления в ряды студентов-социологов в конкретном учебном заведении в данном году, личные профессиональные предпочтения и пр.

Качественные исследования фиксируют смутное представление обывателей о социологии, о ее потенциальной поль-

зе для общества. Студенты (несоциологических специальностей), даже познакомившись с социологией как учебной дисциплиной, в лучшем случае отмечают ее необходимость лишь для формирования собственного мировоззрения, для понимания окружающего мира, но не для управления социальными процессами в стране, регионе, городе, в их будущем трудовом коллективе. Всё это существенно сужает перспективы востребованности данной науки в обществе, ограничивает возможности научного управления социальными процессами.

Список литературы

1. Восканян Э.С. Карьера социолога: проблемы трудоустройства // Известия Саратов. ун-та. Нов. серия. Сер. Социология. Политология. – 2015. – Вып. 2, т. 15. – С. 29–34.

2. Соколова А.В. Грустные размышления о судьбе благих намерений // Социологические исследования. – 1999. – № 2. – С. 138–139.

3. Шакаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. – М.: Изд-во Высш. шк. экономики, 2006. – 468 с.

4. Малышева П.В. Социологические исследования на рынке услуг // Социологические исследования. – 2000. – № 6. – С. 133–135.

5. Чугунов А.В. Российская интернет-аудитория в зеркале социологии. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – 320 с.

6. Малышева П.В. Основные тенденции развития рынка социологических услуг в России: автореф. ... канд. социол. наук. – М., 2003. – 27 с.

Лазукова Евгения Андреевна – канд. социол. наук, ст. преподаватель кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: e.las@mail.ru.

В.В. Левченко

**ВЗАИМОСВЯЗЬ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ
И ОТНОШЕНИЙ СОВМЕСТНОСТИ В КОЛЛЕКТИВАХ
МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ**

Проанализированы результаты эмпирического исследования, которые уточняют закономерности взаимосвязи феноменов состязательности и отношений совместности в коллективах медицинских работников, а именно свидетельствуют о том, что состязательность не просто выступает одним из показателей совместности, а является одним из наиболее точных и чувствительных индикаторов данного социального (и социально-психологического) явления.

Ключевые слова: совместность, состязательность, конкуренция, сотрудничество, альтруистичность, индивидуалистичность.

V.V. Levchenko

**THE RELATIONSHIP OF RIVALRY
AND RELATIONS OF JOINTNESS IN COLLECTIVES
OF MEDICAL EMPLOYEES**

The article analyzes the results of empirical studies to clarify patterns of relationship phenomena of rivalry and relations of jointness in collectives of medical employees who show that rivalry is not just one of the indicators of jointness, and is one of the most accurate and sensitive indicators of the social (and socio-psychological) phenomena.

Keywords: jointness, competitiveness, rivalry cooperation, altruistic, individualistic.

При исследовании взаимосвязи совместности и состязательности нередко получали неоднозначные, часто противоречащие друг другу результаты [1, 2]. С целью внесения определенной ясности в исследуемую проблему была предпринята попытка изучения взаимосвязи состязательности и отношений совместности в коллективах медицинских работников.

Основные дефиниции феноменов состязательности и совместности, охватывающие весь спектр определений и видов

данных явлений, использовавшихся различными авторами на протяжении последних ста пятидесяти лет и укладываемых в теоретическую схему анализа совместности и состязательности, предлагаемую в настоящем исследовании, представлены в работах З.И. Файнбурга [3], В.П. Ратникова [4], А.Л. Журавлева [5], В.В. Левченко [6, 7].

В частности, в исследовании, осуществленном в 2013 году в медицинских учреждениях Пермского края, основой определения «уровни группового развития» послужили следующие критерии: групповая сплоченность (степень совпадения оценок членов группы относительно основных жизненных ценностей), оценка отношений, сложившихся между членами коллектива, и эффективность групповой деятельности. На основании данных частных критериев рассчитывался интегральный показатель уровня развития (ИПР) коллективов медицинских работников.

Большинство медицинских коллективов (56 %) относятся к среднему уровню развития, в то время как на высоком находятся 22 % коллективов, столько же коллективов имеют низкий уровень развития.

В данном исследовании были получены следующие результаты. По уровню развития в группе отношений совместности и состязательности производственные группы медицинских учреждениях распределились следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Взаимосвязь внутригрупповых состязательных отношений и ИПР коллективов медицинских работников (2013 год, $N = 121$, в процентах от числа опрошенных в каждой группе по типу состязательности)

Тип состязательности	Уровень развития коллектива (ИПР)			Итого
	низкий	средний	высокий	
Потенциальная конкурентность	33,3	66,7	–	100,0
Реактивная конкурентность	–	100,0	–	100,0
Активная конкурентность	24,1	72,4	3,4	100,0

Окончание табл. 1

Тип состязательности	Уровень развития коллектива (ИПР)			Итого
	низкий	средний	высокий	
Потенциальная индивидуалистичность	54,5	45,5	–	100,0
Реактивная индивидуалистичность	–	100,0	–	100,0
Активная индивидуалистичность	45,4	38,5	16,2	100,0
Потенциальная альтруистичность	22,2	77,8	–	100,0
Реактивная альтруистичность	25,0	50,0	25,0	100,0
Активная альтруистичность	33,3	44,4	22,2	100,0
Потенциальное сотрудничество	–	66,7	33,3	100,0
Реактивное сотрудничество	–	–	–	–
Активное сотрудничество	17,6	47,1	35,3	100,0

В результате анализа влияния состязательности на ИПР совместности в первичных производственных группах медицинских работников (см. табл. 1; 2) можно сделать следующие выводы:

– во-первых, в целом подтвердились ранее установленные закономерности о наиболее тесной связи групп с низким уровнем развития отношений совместности с таким видом состязательности, как конкурентность, групп со средним уровнем развития отношений совместности – с альтруистичностью, групп с высоким уровнем развития отношений совместности – с таким видом состязательности, как сотрудничество (см. табл. 2);

– во-вторых, эта связь интегрального показателя уровня развития совместности с видами состязательности в первичных производственных группах медицинских работников не такая однозначная: группы с низким уровнем развития отношений совместности помимо связи с конкурентностью имели значимую корреляцию с таким видом состязательности, как индивидуалистичность; группы со средним уровнем развития отношений совместности, несмотря на наиболее тесную взаимосвязь с альтруистичностью, также имели значимые корреляции и с другими видами состязательности; группы с высоким уровнем развития отношений совместности, кроме близ-

кой взаимосвязи с таким видом состязательности, как сотрудничество, имели значимую корреляцию с альтруистичностью;

– в-третьих, было зафиксировано, что реактивные формы состязательности в основном присутствуют в группах со средним уровнем развития отношений совместности и практически отсутствуют в первичных производственных группах медицинских работников, находящихся на других уровнях развития отношений совместности.

Таблица 2

Взаимосвязь интегрального показателя уровня развития совместности с видами состязательности в первичных производственных группах медицинских работников [2013 год, $N = 121$, уровень корреляции по Спирмену]

Тип состязательности	Уровень развития коллектива (ИПР)		
	низкий	средний	высокий
Потенциальная конкурентность	0,224	0,313*	–
Реактивная конкурентность	–	0,856***	–
Активная конкурентность	0,309*	0,425*	0,008
Потенциальная индивидуалистичность	0,324*	0,309*	–
Реактивная индивидуалистичность	–	0,879***	–
Активная индивидуалистичность	0,365*	0,327*	0,024
Потенциальная альтруистичность	0,121	0,764***	–
Реактивная альтруистичность	0,223	0,543**	0,305*
Активная альтруистичность	0,267	0,478**	0,316*
Потенциальное сотрудничество	–	0,469*	0,357*
Реактивное сотрудничество	–	–	–
Активное сотрудничество	0,054	0,308*	0,524**

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

И во всех этих исследованиях состязательность имела наиболее тесную связь (по сравнению с другими частными индикаторами совместности) с общим интегральным показателем совместности. Следовательно, результаты этих исследований свидетельствуют о том, что состязательность выступает не просто одним из показателей совместности, а является од-

ним из наиболее точных и чувствительных индикаторов данного социального (и социально-психологического) явления.

Список литературы

1. Левченко В.В. Анализ последствий состязательности как составной части проблемы взаимовлияния субъектов взаимодействия // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2011. – Т. 17, № 4. – С. 189–193.

2. Левченко В.В. Социально-психологический анализ взаимосвязи состязательности и совместности // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2012. – Т. 18, № 4. – С. 43–46.

3. Социология социалистического производственного коллектива / под ред. З.И. Файнбурга (отв. ред.), В.Г. Веретенникова, Е.С. Шайдаровой. – М.: Профиздат, 1982. – 168 с.

4. Ратников В.П. Коллектив как социальная общность. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 216 с.

5. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. – 2009. – № 5. – С. 72–80.

6. Левченко В.В. Состязательные отношения и экономический кризис // Вестник Пермского государственного технического университета. Сер. Социально-экономические науки. 2009. – № 4(22). – С. 31–42.

7. Левченко В.В., Карпов А.В. Социальная психология состязательности: метасистемный подход. – Пермь, 2015. – 516 с.

Левченко Валерий Витальевич – канд. психол. наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: levv66@mail.ru.

О.Н. Некрасова

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Рассматриваются семейно-брачные установки и семейные ориентации современной российской молодежи, семья в иерархии их ценностей. Раскрываются понятия об основных семейных моделях поведения, а также анализируются результаты исследования, проведенного в 2015 году.

Ключевые слова: брак, семья, деторождение, ценности института семьи, мотивы вступления в брак.

O.N. Nekrasova

FAMILY'S ORIENTATION AND VALUES OF MODERN YOUTH

This article represents family-marriage adjustments, attitude to family and family's position in a hierarchy of values among modern Russian youth. It concepts about basic models of behavior in families and analyzes the results of a study conducted in 2015.

Keywords: marriage, family, child-birth, values of institution of marriage, reasons for marriage.

В настоящее время проблема изучения отношения современной молодежи к браку актуальна в связи с постоянным ухудшением демографической ситуации в России. Изменения в сфере брачно-семейных отношений приводит к таким проблемам, как снижение показателей рождаемости, увеличение частоты разводов, нуклеаризация семьи, уменьшение числа детей в семье и т.д.

Прежде всего это связано с тем, что ценности и установки молодых людей не направлены на создание семьи, рождение детей. Они предпочитают однодетную или бездетную семью, если вообще думают о том, чтобы создать союз. Однако роль молодых людей состоит в том, чтобы заменять предшествующие им поко-

ления, воспроизводить социально-демографическую структуру общества. Так что же сейчас происходит?

К сожалению, в последнее время мы наблюдаем негативное отношение молодежи к семейно-брачным отношениям. Всё чаще сожителство (фактический брак) заменяет юридически оформленные союзы. В таком браке молодежь привлекают свобода и возможность реализации личных интересов, что чаще всего влечет за собой такие последствия, как безответственность в поведении, особенно при рождении и воспитании детей. Молодые семьи сталкиваются с множеством проблем, чаще всего они даже не готовы к браку.

Для того чтобы разобраться в данной проблеме, рассмотрим существующие модели семьи. Основной является традиционная модель, высшая ценность которой – стойкость брака в любых обстоятельствах. Вступающие в такой союз люди либо являются однолюбам по своей натуре, либо воспитывались в благополучной семье, где присутствовало взаимопонимание. Традиционный тип семьи имеет свои преимущества. Например, здесь есть четкое распределение функций между супругами: если мужчина является кормильцем, то женщина обязана быть хранительницей домашнего очага. Кстати, как правило, традиционная семья является многодетной, поскольку одна из концепций супружеской жизни – расширение семьи [1, с. 48].

Наряду с традиционной моделью получают общественное признание и другие модели: временное сожителство, неполная семья, возникающая после развода, материнская семья, сепаративная семья и т.д. Появление этих моделей произвольно, это следствие глубинных сдвигов в основополагающих функциях семьи [2, с. 190].

К какой же модели семейных отношений склоняется современная молодежь?

По результатам исследования Е.А. Озеровой (студентки ЮФУ), проведенного в 2007 году в г. Ростове-на-Дону, семья для молодых людей является самым ценным в жизни (66 %).

Для четверти опрошенных семья стоит на одном уровне с такими ценностями, как работа, здоровье, друзья (24 %). Для 7 % респондентов гораздо важнее личные интересы, карьера. Для 2 % семья не представляет никакой ценности.

Признаками «счастливой семьи», по мнению молодежи, являются: доверие (16 %), взаимопонимание и уважение (13 %), сексуальная гармония (13 %), преданность (9 %). Наличие детей отметили лишь 6 % опрошенных. И стоит заметить, что идеальная семья в представлениях молодых россиян не обязательно должна быть официально зарегистрирована.

Для молодежи основными мотивами вступления в брак являются любовь (30 %), доверие и взаимопонимание (18 %), общие интересы (17 %).

Что касается отношений в семье, то 57 % ответили, что отношения в семье должны быть эгалитарными (равноправными), 43 % считают, что ведущую роль должен играть мужчина. Никто из респондентов не выбрал вариант ответа о том, что женщина должна быть главой семьи.

Для 76 % наличие детей в семье является обязательным (против 24 %). Хотели иметь двоих детей 50 %, троих – 30 %, одного ребенка – 11 %.

С целью изучения семейно-брачных установок и мотивов вступления в брак автор провел пилотажное исследование, в ходе которого было опрошено 50 человек в возрасте от 18–29 лет. Главной задачей исследования являлось определение роли семьи в иерархии ценностных ориентаций молодежи, выяснение семейно-брачной мотивации и выявление установок молодежи на деторождение.

Основным мотивом вступления в брак является любовь, у лиц как мужского (85,0 %), так и женского (70,0 %) пола. У женщин еще можно отметить такой мотив, как страх одиночества (16,7 %).

Что касается основных семейно-брачных ценностей, то респонденты отмечают теплые, искренние взаимоотношения в семье (85,7 %) и поддержку супругами друг друга (83,3 %).

Молодые люди в возрасте от 18 до 20 лет хотят иметь трех и более детей (32,1 % из этой возрастной группы). В основном молодежь предпочитает иметь двух детей, и ярче всего эта тенденция выражена в группе респондентов от 21 года до 24 лет. Те, кто старше 24 лет, также предпочитают иметь двоих детей.

В представлении о «счастливой семье» главную роль у лиц мужского пола играет такой фактор, как любовь между членами семьи (75 %). У респондентов женского пола основным аспектом счастливой семьи является уважение и взаимопонимание (73,3 %). Эти два фактора являются главными в выборе молодых людей. Но также можно заметить, что для обеих гендерных групп важны откровенность и доверие в отношениях (50 % от общего числа респондентов).

Что касается распределения ролей в семье, то мужчины считают, что глава семьи не нужен и все вопросы должны решаться совместно (55 %). Однако женщины предпочитают разделение обязанностей: какие-то вопросы решает муж, а какие-то жена (36,7 %). Также женщины отмечают, что главой семьи должен быть муж (23,3 %).

Должен ли быть семейный союз оформлен официально? И мужчины (35 %) и женщины (30 %) считают, что регистрация брака необходима в связи с юридическими аспектами. Однако можно отметить, что мужчины более склонны к тому, что регистрация брака необходима (25 %). А женщины считают, что регистрация – формальность (26,7 %). Хотя разница между этими показателями невысока.

На основании данного исследования можно сделать выводы о том, что современная молодежь в основном считает любовь основополагающим мотивом при принятии решения о вступлении в брак. Тем не менее существуют полоролевые различия при вступлении в брак юношей и девушек. Юноши основными мотивами при вступлении в брак называют все-таки любовь, девушки, в первую очередь – взаимопонимание, взаимопомощь, а потом уже любовь и страх одиночества.

Главной ценностью в семье молодые люди считают взаимоотношения между членами семьи, теплоту и откровенность. Верность супругов тоже является немаловажной ценностью.

Что касается детей, то по сравнению с прошлыми годами доля установки на деторождение снижается, хотя государство всячески старается поддерживать молодых родителей.

Молодежь желает вступить в брак, но настоящая социально-экономическая ситуация не дает им достаточно гарантий на семейное благополучие. Именно поэтому на первый план выходят материальный достаток, образование, высокооплачиваемая работа. Ведь молодые люди считают, что для создания семьи необходимо для начала «встать на ноги».

Список литературы

1. Гребенников И.В. Основы семейной жизни. – М., 1991.
2. Лисовский В.Т. Социология молодежи. – СПб., 1996.
3. Богдавленский Д.Д. Демографическая ситуация в России: состояние, ситуация, прогноз // Современная женщина, семья, демография / Фонд им. Генриха Белля. – М.: Звенья, 2007. – С. 12–45.
4. Гурко Т.А. Влияние добрачного поведения на стабильность молодой семьи // Социологические исследования. – 1982. – № 2.
5. Шубина О.А. Ценности семьи в сознании студенческой молодежи // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. – 2007. – № 5. – С. 218–221.

Некрасова Ольга Николаевна – студентка Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: O.N.Nekrasova@mail.ru.

С.П. Пармонова, А.В. Плискина

**МЕРИТОКРАТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА
НЕИГРОВОГО ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО
НА ПЕРМСКОЙ «ФЛАЭРТИАНЕ»**

Рассматривается процесс экспертной оценки и оценки со стороны рядового зрителя стимулирования фильмов, представленных на международном кинофестивале неигрового документального кино «Флаэртиана» в Перми. Показаны параллели в оценке социальных процессов экспертами кино и с помощью социологических методов оценки. Подчеркнут синтетический характер меритократической функции стимулирования фильмов и отмечены расхождения в понимании содержания фильмов МКФ и зрительской аудиторией. Сформулированы некоторые выводы об оценке места «Флаэртианы» в региональной культуре и ожидаемой смены направлений приоритетов в предпочтениях награжденных фильмов с учетом обратной связи.

Ключевые слова: меритократия, брендовый статус кинофестиваля «Флаэртиана» в Перми, политическое стимулирование, меритократическая функция оценки документального кино.

S.P. Paramonova, A.V. Pliskina

**THE MERITOCRATIC EVALUATION
OF NON-FICTION DOCUMENTARY FILMS
ON “FLAHERTIANA” FILM FESTIVAL IN PERM**

The article discusses the process of peer review and assessment by the ordinary spectator films incentives presented at the international film festival of documentary documentary film “Flahertiana” in Perm. Showing parallels in the assessment of social processes cinema experts and sociological assessment methods. Emphasize the synthetic nature of the meritocratic function stimulating films and marked differences of understanding the content of films ICF and audience. Formulated some conclusions on the assessment of the place “Flahertiana” in the regional culture and the expected change in the priority areas of preference awarded films based on feedback.

Keywords: meritocracy, brand-name status “Flahertiana” Film Festival in Perm, political incentives, meritocratic evaluation feature documentary.

Как выглядит страна, представившая свои фильмы о себе и о России, в зазеркалье общих выводов? Это выход в макропространство МКФ документального неигрового кино «Флаэртиана». Чем характеризуется атмосфера и ощущение себя в многочисленных залах кинотеатра «Премьер» на кинопоказах? Вокруг исключительно молодые лица зрителей. Тыходишь в новый для тебя поток нешумных, одетых в сдержанные тона интеллигентных людей. Целевая аудитория «Флаэртианы» – молодежь, студенты гуманитарных вузов Перми: классического и педагогического университетов. Как отметил на «Флаэртиане – 2008» ведущий эксперт Павел Павликовский, польский документалист, работающий на средства Би-Би-Си: «“Флаэртиана” как вид неигрового документального кино претендует лишь на одно: донести зрителю правду среди моря политически ангажированных СМИ. Самое мощное воздействие на сознание, точнее, мировоззрение людей, оказывают опосредованные идеологические формы, в частности искусство кино».

Политика, государство и образование являются тесно связанными между собой социальными институтами, которые через взаимодействие обеспечивают востребованный обществом демократический механизм развития личности и общества. Зарубежный и отечественный опыт меритократического стимулирования свидетельствует о том, что политика, государство и образование являются тесно связанными между собой социальными институтами, участвующими в формировании мировоззрения [7].

Мировоззрение опосредованно формируется практикой. По мнению Н.В. Борисовой, темпы движения Центра и периферии РФ в сторону либерализации различны. В центре движение идет сравнительно быстро, на периферии социальное партнерство бизнеса и власти соединяется с патернализмом. Власть обязывает бизнес вести отчисления на социальную жизнь региона, это расценивается автором как усиление «узаконенного» рэкета, и тем самым усиливает патерналистские тенденции, порождая «патрон-клиентелизм» [3, с. 31].

Когда мы, зрители, находясь на показах, слышим и видим перечисления спонсоров-магнатов (это СМИ и властные структуры), когда публика видит отчисления на первую премию «Золотого Нанука» в 250 тысяч, далее 50 тысяч рублей и другие премиальные суммы, нам понятно, что это не столь высокие премии, как на крупных международных фестивалях, и новый фильм на эти деньги снять сложно. Хотя для студенческих и детско-юношеских фильмов это подспорье. Однако неизвестно, за чей счет оплачиваются проезд, проживание и питание экспертов и участников МКФ. Вероятно, за счет региона. Это тоже меритократическая поддержка.

Интересен круг меняющихся экспертов «Флаэртианы», латентным остается способ отбора и премирования лучших фильмов. Экспертами «Флаэртианы – 2016» проговаривалось, что мнение президента МКФ, устроителя «Флаэртианы» П.А. Печёнкина было решающим. Здесь своя меритократическая стратификация. «Меритократия – форма общества, в котором успех в социальном положении является результатом способностей и индивидуальных усилий. Меритократия подчеркивает равенство скорее конкуренции, чем результата, устанавливая, что положение в профессиональной иерархии занимает благодаря заслугам по универсальным, объективным критериям, а не приписанным критериям возраста, гендера, расы или унаследованного богатства» [2, с. 411].

«Флаэртиана», безусловно, не рядовое явление культурной жизни города, региона, страны. Насколько документальное кино недоступно широкому зрителю, видно по фундаментальным, отформатированным по рубрикам программам телевидения. Оно не раскупается, не популяризируется, и уникальные работы, представленные на МКФ неигрового документального кино, пока широкой публике не демонстрируются. Брендový статус кинофестиваля «Флаэртиана» в Перми имеет два пространственно-временных измерения. Первый – известность в мире и за пределами региона (фильмы представлены со всех

частей света), второй – движение «Флаэртианы» по городам региона и школам как новый вид досуговой занятости молодежи, тесно связанной с информационными технологиями. Соучастие населения в реализации меритократической функции проявляется в посещаемости мероприятий, связанных с просмотром кинодокументалистики. На закрытиях фестиваля по традиции приводятся статистические данные, сколько человек посетили кинопоказы.

Квинтэссенцию «Флаэртианы – 2016» определили две выраженные позиции: первая, высказанная П.А. Печёнкиным, президентом «Флаэртианы», в интервью пермскому телевидению, о том, что на МКФ «Флаэртиана – 2016» отобраны фильмы, в которых представлено всё, что касается человека, содержащееся в основных библейских заповедях. И вторая позиция, высказанная Бен ван Лисхаутом (Голландия): есть документалисты-моралисты, а есть документалисты, скажем так, нейтрального (структурно-функционального) направления. Он, как эксперт и участник кинопоказов, охотно отнес свои работы ко второму направлению.

В первом фильме из двух, под названием «Инвентаризация Родины», Бен ван Лисхаут показал, что по заданию Николая II талантливый русский фотограф Прокудин-Горский представил в цветных фотографиях Россию от севера европейской части до юга. Прокудин-Горский сделал первые пробы создания цветного фото. Он четко композиционно и мягко эстетически выразил прелесть пейзажей, церквей, населяющих Россию людей в традиционной национальной одежде. Человек, получивший царский заказ на «инвентаризацию Родины», не принял революцию 1917 года. Он уехал и умер в неизвестности и бедности в Париже. Его потомки продали коллекцию снимков в библиотеку Вашингтона. Прошло столетие, Россию повернули к капитализму, но уже как сырьевой придаток для западной экономики. Снова бедность, демонстрируется убогость торговли снедью на платформах РЖД и дикоросами на жалких рыночках. Следует недалекий

вывод и самого Бен ван Лесхаута, и преимущественно женской аудитории: «Ничего не изменилось за сто лет». Комментарий автора фильма, преподавателя киноакадемии в Голландии, состоял в снисходительном замечании о том, что повторившие путь Прокудина-Горского по РЖД и по Волге еще не показали в России те проблемы, которые характерны для всех стран: алкоголизм, наркотизацию и т.п.

Во втором фильме Бен ван Лесхаута «Сибирские зарисовки» Россия выглядит также крайне непривлекательно, скорее отвратительно. Описана поездка к драге, добывающей золото. В Красноярском крае дороги в выбоинах и в вымоинах, опасных для водителей мощных грузовиков. Обед дальнбойщиков на обочине в придорожной траве у размытой грязной дороги. На драге, мощной золотодобывающей установке, женщины в резиновых комбинезонах, сапогах и перчатках, вычищают резиновые коврики после промывки золотоносных остатков песка и гравия. Их проверяют мужчины на предмет выноса золота. За год поселок намывает два килограмма золота. В заключение фильма женщины спели в национальных костюмах песни о Сибири на фоне намывающей золото драги. Временами рассказ о поездке вглубь Сибири перемежается картинками бесконечных осенних золотобагряных лесов Сибири.

При просмотре вспомнилась история и возник иной смысл, который не вкладывал в картину Бен ван Лесхаут. Три поколения назад, переброшенные на восток, сибирские части прогнали фашистов под Москвой. Большинство семей сибиряков заплатили за победу, они помнят, что отдали на фронт кормильцев. А по «нейтрально» снятому фильму видна просто незаселенная Сибирь. На социологических конгрессах некоторые европейские экономсоциологи не стесняются заявлять: плодородной земли на планете мало, население растет, в России пустуют земли, пусть Россия делится землей. На это отечественные экономисты заявляют: «Сумеем обработать самостоятельно» [6, с. 11].

Фильм «Дон Жуан» польского режиссера Ежи Сладковского, представленный на открытии “Флаэртианы”, завоевал множество призов на других МКФ. Главный герой – аутист, 22-летний несамостоятельный сын женщины из Н.-Новгорода. Она предпринимает массу попыток сделать из безвольного сына нормального мужчину. Типичные следствия: уход мужа, скандалы со своей матерью из-за психической неполноценности взрослого ребенка, упреки сыну. Последняя надежда матери – обращение к психологу, который втягивает юношу-аутиста в коллектив при музыкальной консерватории, готовящей девушек к театральному искусству. Показаны попытки участия юноши в репетициях спектаклей, т.е. лечение пробуждением деятельной сущности человека. Какой образ России встает за гуманистическим замыслом фильма, если выйти в другое пространство обобщения?

Классической социологической мыслью давно открыто, что деятельность и жизнь в сообществе, продолжение рода составляют сущность человека. Меритократическая функция представляет собой взаимодействие сторон, а именно механизм коммуникации. Элементами меритократического механизма являются меры, акции, формы, способы, средства самоорганизации во имя высоких целей.

Иной, чем Россия, на «Флаэртиане» показана Япония, как восточная цивилизация, воспринявшая западную культуру и победно утвердившаяся внутри нее, в фильме «Майко: танцующее дитя». В центре драматургии фильма Осе Свенхайм Дривенес волевой характер японской балерины в искусстве овладения сложнейшей партии Одетты-Одилии в «Лебедином озере», работе в профессиональном балете и желании иметь семью и ребенка.

Этот фильм – гимн человеку труда и искусства – не отмечен премией или упоминанием. Особое внимание следует обратить на меритократическую синтетическую функцию стимулирования, ее частные аспекты: стимулирующий, экспертный, селективный. Здесь меритократической оценкой явились зрительские симпатии.

Фильм «Ольмо и “Чайка”», на взгляд авторов статьи, посвящен «остывающей» западной цивилизации. В нем поднимается проблема самооценки и переоценки собственного таланта актрисой из маленького парижского театра, собранного из таких же, как она, «варягов», приехавших покорять столицу мира. Очевидны особенности жизни человека среднего класса западного общества: дорогостоящее съемное жилье без универсальных удобств, вместе с тем сравнительно дешевые, доступные для труппы авиаперелеты (в Нью-Йорк). Удивительно тонко показана привлекательная черта мужа Ольмо, терпеливо переносящего капризы беременной жены. Женщина ничем не смогла занять себя во время вынашивания ребенка. В России женщины энергично используют это время для подготовки в школу предыдущего ребенка, для рукоделия, иные – для занятия наукой. Фильм «Ольмо и “Чайка”» не был отмечен призами.

«Золотого Нанука» получил фильм Тома Фоссарта (Голландия) «Семейное дело». Парадокс в том, что общего семейного дела в фильме нет. Обычно в фильме показывают фрагмент жизни героя. Здесь же всё не так. Когда-то молодая семья журналиста вынуждена бежать от фашизма из Германии в Голландию. Девушка, занятая в модельном бизнесе, вопреки воле отца родила ребенка. Мальчик оказался начитанным, но не приспособленным к активной жизни аутистом. В зрелом возрасте он вступает в неонацистскую организацию. Вскоре после его рождения у него появился еще брат. Понятно, что молодую женщину, обремененную двумя детьми, никто не брал на содержание. Ей нужно было выживать, поэтому она сдала детей в детский дом. С очередным мужем она разошлась, так как они постоянно ссорились из-за психически больного первого мальчика. Всю жизнь она занималась модельным бизнесом и сколотила состояние на старость. Ей 95 лет, она следит за собой, поддерживает подвижность суставов гимнастикой. Она приглашает в гости внука, и тот берется снять о ней фильм. Когда Марианна умирает, на ее похороны в Юж-

ную Африку приезжают все. Итог фильму подвела зрительница рядом со мной: «Героиня – кукушка. Главное – выжить самой». При выходе из зала двое молодых мужчин выдохнули о внуке-документалисте: «Вывернул всю жизнь семьи на экран. Так же, как у нас это сделал Михаил Козаков».

Несколько слов о происхождении «Флаэртианы» и ее главных премиях. Роберт Флаэрти, инженер, прибывший в Канаду на нефтяные разработки, снял фильм о выживании в арктических условиях семьи аборигена Нанука – «Нанук с севера». И когда Нанук, пройдя испытания сверххолодом, ночевками в вырубленном им самим ледяном доме – иглу, охотой на тюленя, ловлей рыбы, высадив из кожаной закрытой лодки на сушу (лед) жену, детей, собак, со смехом жует свежую рыбу, ты сам участвуешь в гимне величию «просто-го» человека.

Организатор МКФ Павел Печёнкин, тоже инженер по образованию, впоследствии закончивший ВГИК, сам участвовал в конкурсах неигрового документального кино и был призером в Европе, затем стал Президентом МКФ «Флаэртиана» в Перми. На один из фестивалей он даже пригласил дочь Роберта Флаэрти, рассказавшую о километрах пленки, отснятой Флаэрти и хранящейся в их доме.

Припоминая самые яркие фильмы нескольких прошлых МКФ в Перми, невозможно не отметить блестящие работы Павла Павликовского, информативные, композиционно-целостные, эстетически великолепные, но, по справедливому замечанию Романа Юшкова, всегда подспудно несущие негативное отношение к России. Это фильмы о югославской войне Радована Караджича, фильм о Веничке Ерофееве, о Владимире Жириновском.

В одних случаях участники конкурса поднимали социальные проблемы. Например, «Мугабе и белый африканец» – фильм о победе человека над бесчеловечной политической системой. Фильм «Петь, чтобы выжить», наоборот, о погребе-

нии личности, низведении ее до винтика огромной системы, лакирующей себя под успешную, ставшую мировым экономическим гигантом (Китай). Также был великолепный фильм «Мама Африка» о талантливейшей певице, выдвинувшей ООН требования вернуть Африке те долги, которые у нее изъяли, и изменить потребительское отношение к континенту, его народам. США моментально запретили Мариам выступать с концертами на любых сценах Запада. К сожалению, лента ничем не была отмечена на «Флаэртиане».

Среди фильмов режиссеров-дебютантов был изумительный по трагизму фильм молодой выпускницы ВГИКа о коркинских шахтерах Челябинской области после обвала и гибели шахтеров. По силе образов и обобщений фильм не был похож на дебютный.

Наконец, всегда оживляло «Флаэртиану» участие в обсуждениях, в ведении мастер-классов бесконечно гуманного, открытого, талантливого до гениальности Александра Гутмана из Санкт-Петербурга с его незабываемыми шедеврами [5].

Французские социологи заметили, что критика второй половины XX века, сосредоточившись на проблеме отчуждения, просмотрела главное, что произошло в социальном мире, а именно то, что сам капитализм приспособился к изменениям общества [1]. Он стал исподволь эксплуатировать индивидуальные потребности человека. Глэм-капитализм способствовал снижению целей, жизненного уровня, вкуса общества. П. Печёнкин верно отметил следующее: «Конкурсная программа этого года антропоцентрична. Темы картин меняются в связи с изменением среды, они отражают изменения мира и людей. Главная мысль работ: человек – мера всего. Этот принцип отбора фильмов на конкурс и логика фестиваля, которая провозглашена в эстетике Роберта Флаэрти».

Меритократия часто выходит за рамки рутинных процедур сортировки талантов. Индивид развивает свой потенциал в процессе острой конкуренции за материальное вознаграждение, статус и престиж. Такие важные показатели успеха в ме-

ритократической системе, как благосостояние и степень социальной мобильности, побуждают заинтересованного индивида трудиться много и плодотворно. Меритократическая тенденция позволяет политически заинтересованным людям через мобильность осуществлять статусно-иерархические переходы в роли аналитиков, референтов, советников, экспертов. Это способствует самореализации активных субъектов в реальной игре творческих сил. Вовлеченные в реальную практику конкурсной программы агенты полагают, что их личному вкладу будет дана адекватная оценка. Социологический анализ позволяет выявить барьеры, препятствующие реализации принципов адекватной оценки. Для преобразования социальной и культурной практики в регионе необходимо расширение возможностей социального контроля снизу, обратная связь.

Список литературы

1. Болтански Л., Кьяпелло Э. Роль художественной критики // Новый дух капитализма. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – С. 768–788.
2. Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 1 (А–О): пер. с англ. – М.: Вече: АСТ, 1999. – 544 с.
3. Борисова Н.В. Трехстороннее взаимодействие на региональном уровне: социальное партнерство или социально-политический патернализм? // Политический альманах Прикамья / под ред. Л.А. Фадеевой. – Пермь, 2005. – Вып. 5. – 280 с.
4. Левада Ю. Люди и символы. Символические структуры в общественном мнении. Заметки для размышления // Мониторинг общественного мнения. – 2001. – № 6(56). – С. 7–13.
5. Парамонова С.П. «Флаэртина» – зеркало жизни общества // Региональные социокультурные, политические и экономические процессы: опыт и перспективы: материалы всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Березники, 2008. – С. 142–144.

6. Парамонова С.П. Современный мир. Молодежь, образование, труд. – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2011. – 250 с.

7. Плискина А.В. Политическое стимулирование: принципы, проблемы, технология применения в современной России // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2013. – № 377. – С. 50–52.

8. Соколова М.Е., Тан К.П. Меритократия и элитизм в глобальном городе: идеологические сдвиги в Сингапуре // Социально-гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. Реферативный журнал. – 2009. – № 2. – С. 68–74.

Парамонова Светлана Павловна – д-р филос. наук, профессор кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: spp45@mail.ru.

Плискина Александра Викторовна – ст. преподаватель кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета, e-mail: sasha21PAV@mail.ru.

Ю.М. Пасовец

**О НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ
ПОДГОТОВКИ РЕЗЕРВА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ
В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ**

В работе определяются основные направления развития системы подготовки кадрового резерва государственной гражданской и муниципальной службы, связанные с поиском и применением эффективных форм и методов кадровой работы. В рамках разработки новых форм и методов кадровой работы и их апробации отмечается продуктивность использования метода проектного моделирования (метода социальных проектов).

Ключевые слова: резерв управленческих кадров, кадровая работа, образовательно-профессиональная подготовка, социальное проектирование.

Yu.M. Pasovets

**ABOUT THE DIRECTIONS OF DEVELOPMENT
OF ADMINISTRATIVE PERSONNEL RESERVE
TRAINING SYSTEM IN CONTEMPORARY RUSSIAN
CONDITIONS**

In the paper the author determines the main directions of development of personnel reserve training system for the public civil and municipal service, which are connected with search and application of effective forms and methods of personnel work. There is description of productivity of using of a project modeling method (a method of social projects) within development of new forms and methods of personnel work and their approbation.

Keywords: administrative personnel reserve, personnel work, educational professional training, social designing.

Как показывают результаты исследований, недостатки системы подготовки управленческих кадров, сложившейся к настоящему времени, связаны с преобладанием краткосрочных форм подготовки и повышения квалификации, непосле-

довательностью этапов подготовки, недостаточным использованием в процессе подготовки активных и интерактивных методов обучения [9, с. 84].

Одним из направлений преодоления имеющихся проблем в этой сфере является использование опыта кадровых служб организаций, компаний и других субъектов экономической системы, в практике кадровой работы которых апробирован ряд форм и методов кадровой работы, зарекомендовавших себя с лучшей стороны.

Среди методов обучения, используемых при образовательном-профессиональной подготовке лиц, отобранных в кадровый резерв организации, наиболее продуктивными принято считать:

- беседы кандидатов с руководством организации, которые проводятся на регулярной основе;
- участие резервистов в совещаниях, проводимых на разных уровнях управления организацией;
- дублирование функций;
- командировки в филиалы организации;
- стажировки, в том числе зарубежные;
- участие в государственных программах подготовки управленческих кадров;
- участие в программах дополнительного профессионального образования, МВА, диссертационных исследованиях;
- выполнение специальных поручений руководства;
- экспертиза документов организации, где первоочередное значение имеет экспертиза документов стратегического планирования;
- регулярная аттестация тех, кто включен в кадровый резерв организации;
- использование групповых методов обучения, организация и проведение мозговых штурмов, что ведет к развитию навыков работы в команде;
- самостоятельная работа резервистов с интерактивными компьютерными программами, в том числе языковыми;

– регулярные выступления и отчеты на деловых собраниях [2, с. 138–139].

Другим направлением совершенствования системы подготовки управленческих кадров может быть критический анализ опыта применения форм и методов кадровой работы с резервистами в отдельных субъектах федерации, заимствование лучшего опыта и его совершенствование.

В ряде субъектов Российской Федерации предпринимаются попытки по определению эффективных форм и методов работы по отбору кандидатов в кадровый резерв и их апробации на практике:

– специализированное обучение студенческой молодежи, прошедшей необходимый отбор для этого («губернаторские группы» в вузах из числа студентов в Калужской области, прохождение практики студентами на базе органов государственного управления в Ростовской области и др.);

– стажерство, которое стало практиковаться как форма работы с кадровым резервом в Белгородской области с 2006 года, в Ульяновской, Брянской, Ростовской областях – с 2008 года и т.д. [8, с. 87–89].

В этом плане имеет значение проведенный А.Г. Нестеровым анализ форм и методов обучения лиц в резерве управленческих кадров, которые применялись в Северо-Западном федеральном округе России. К числу оптимальных форм и методов обучения лиц, включенных в состав кадрового резерва государственной и муниципальной службы, на основе обобщения опыта в Северо-Западном федеральном округе России А.Г. Нестеров относит:

– курсы повышения квалификации, стажировки;

– привлечение резервных кадров к участию в качестве экспертов в составе рабочих групп при разработке региональных программ, административных регламентов;

– привлечение их к организации и проведению семинаров, конференций, круглых столов, форумов, общественных слушаний и др. [6, с. 9].

Также следует отметить, что в Федеральной программе «Подготовка и переподготовка резерва управленческих кадров (2010–2015 годы)» в перечне базовых мероприятий плана индивидуального профессионального развития резерва управленческих кадров указан ряд рекомендованных форм и методов работы с кадровым резервом. Этот план должен предусматривать мероприятия профессионального развития шести основных типов:

- 1) обучающие модули;
- 2) стажировки;
- 3) проектно-аналитические сессии;
- 4) коммуникативные мероприятия (форумы, конференции, круглые столы);
- 5) преподавание и наставничество;
- 6) встречи с государственными деятелями и руководством страны [1].

Важным направлением развития системы подготовки резерва управленческих кадров, на наш взгляд, должна стать разработка новых форм и методов кадровой работы и их апробация в условиях подготовки кадрового резерва сферы государственного и муниципального управления.

В этом плане целесообразно широко использовать в практике подготовки кандидатов в резерв и самих резервистов активные и интерактивные методы обучения. Как мы полагаем, среди совокупности активных и интерактивных методов обучения особого внимания заслуживает метод проектного моделирования, который зачастую на практике называется методом социальных проектов.

Активное использование социального проектирования в процессе образовательно-профессиональной подготовки лиц при формировании резерва управленческих кадров позволит им приблизиться к этому виду деятельности и сформировать не только значимые умения, связанные с разработкой и реализацией проектов, но и готовность к принятию и реализации масштабных ин-

новационных проектов. Последние, в свою очередь, выступают составной частью стратегий и программ социально-экономического развития региона, требуют от управленцев стратегического мышления и соответствующей квалификации.

Здесь следует привести аргументы Н.И. Лапина о ключевой роли компетентности и заинтересованности управленцев для реализации модернизационных стратегий регионов. Н.И. Лапин подчеркивает, что одним из трех ключевых аспектов формирования стратегии модернизации в российских регионах являются инновационные проекты и другие меры, которые наполняют содержанием модернизационные процессы. При этом разработка и реализация стратегий модернизации и конкретных проектов в рамках этих стратегий зависит от органов власти, служащие которых должны обладать высоким уровнем компетентности и заинтересованности в осуществлении модернизации. Чиновники должны быть сторонниками, а не противниками инноваций и инновационных проектов [4, с. 17].

Социальное проектирование предполагает конструирование желаемых состояний будущего. В связи с этим основу процесса проектирования составляет ответ на ключевые вопросы:

- 1) какое состояние объекта является желаемым в будущем;
- 2) какие ресурсы для достижения этого желаемого состояния необходимы и какими из них есть в наличии.

Проектирование социальных процессов ориентировано на положительные изменения в социальных структурах и процессах и является разновидностью инновационной деятельности.

Возрастание роли проектного подхода в социальном менеджменте связано с расширением возможностей его применения. Как отмечает М.Г. Ганопольский, проектирование вышло за отведенные ему рамки связующего звена между исследованием и материальным производством, постепенно оно превратилось в самостоятельную интеллектуальную деятельность по овеществлению знания, а затем и в самостоятельную отрасль общественного производства. Это привело к тому, что

в настоящее время под проектированием понимают как интеллектуальный план деятельности, так и саму практическую деятельность, приводящую к изменению предметной среды и преобразованию социальной реальности [3, с. 39–40]. Он раскрывает ряд особенностей современного проектирования, которые следует учитывать в практике его применения:

- любой крупный проект вне зависимости от его отнесенности к определенной сфере жизнедеятельности всегда аккумулирует огромное количество человеческих связей, превращаясь тем самым в социальный проект;

- проектирование имеет особый познавательный статус, связанный с тем, что проектирование задает приоритет в исследовании, делая уникальным характер знания и преодолевая его дисциплинарную разобщенность. Разработка проекта зачастую ведет к постановке новых задач и нахождению нестандартных решений;

- существование проектирования в конкретном культурном контексте, с одной стороны, задает особый социокультурный механизм фильтрации идей, изобретений и культурных схем, но, с другой – позволяет избежать некритичного заимствования культурных идиом, вызванных несопадением контекста деятельности. Подобная практика расширяет горизонты проектного мышления, проектные модели приобретают единственный, «штучный» характер, а проектирование начинает выполнять особые герменевтические функции [3, с. 40–43].

В связи с необходимостью поиска новых методов работы с резервом кадров Р.И. Мельникова и И.Э. Надуткина обосновывают необходимость применения в практике работы с кадровым резервом муниципальной службы проектного подхода. Они анализируют опыт Воронежской области, где применение проектного подхода к управлению кадровым резервом реализуется в рамках областного конкурса «Взгляд молодых на проблемы местного самоуправления». Целями данного конкурса выступают, с одной стороны, популяризация и пропа-

ганда знаний среди молодежи о местном самоуправлении и создание условий для ее творческого развития и участия в решении проблем муниципальных образований; с другой – выявление молодежи с лидерскими качествами, организаторскими способностями и оказание ей помощи в профессионально ориентационном определении по направлению управленческой деятельности с дальнейшим использованием в формировании муниципального кадрового резерва. С содержательной стороны этот конкурс предполагает разработку каждым участником авторского проекта по конкретному направлению совершенствования управления развитием своего муниципального образования. В процессе разработки собственного проекта участник конкурса включается в осмысление социальных проблем своего муниципального образования, пытается найти пути и способы решения этих проблем. Тем самым участие в конкурсе, связанное с разработкой авторских проектов, формирует активную жизненную позицию у молодежи, способствует осознанию своей роли в развитии своего населенного пункта и необходимости профессионального развития, актуализирует желание профессионально приобщаться к управлению своим поселением, районом. При этом реализация конкурса среди молодежи, связанного с обращением внимания на актуальные социальные вопросы муниципальных образований региона, формирует положительный имидж власти. Ежегодно в этом конкурсе принимает участие около 300 молодых людей [5, с. 21–22].

Следует отметить, что в Курской области создан и реализуется проект подготовки кадрового резерва «Губернаторская тысяча», который является основой поиска, отбора и подготовки квалифицированных и перспективных специалистов для включения в состав резерва управленческих кадров региона. Для организации обучения финалистов данного проекта на базе вузов области организуется школа кадрового резерва «Управленец XXI века», при реализации образовательной программы которой активно используются формы и методы рабо-

ты со слушателями, стимулирующие их проектную активность и позволяющие развить компетенции, связанные с проектной деятельностью и реализацией разрабатываемых проектов на практике [7, с. 197–200].

Таким образом, развитие системы подготовки резерва управленческих кадров в современных российских условиях обусловлено необходимостью поиска и использования на практике наиболее эффективных форм и методов работы с кадровым резервом. В этом плане полезными будут следующие направления поиска и отбора форм и методов кадровой работы:

- использование рекомендованных нормативными документами форм и методов работы с кадровым резервом;
- использование опыта кадровых служб организаций, компаний и других субъектов экономической системы, в практике кадровой работы которых апробирован ряд форм и методов работы, зарекомендовавших себя с лучшей стороны;
- критический анализ опыта применения форм и методов кадровой работы с резервистами в отдельных субъектах Федерации, заимствование лучшего опыта и его совершенствование;
- разработка новых форм и методов кадровой работы и их апробация.

В рамках последнего направления считаем продуктивным использование в практике подготовки кадрового резерва метода проектного моделирования (метода социальных проектов).

Список литературы

1. Федеральная программа «Подготовка и переподготовка резерва управленческих кадров (2010–2015 годы)» [Электронный ресурс] (утв. Распоряжением Правительства Рос. Федерации от 22 апр. 2010 г. № 636-р). – URL: <http://base.consultant.ru>.
2. Гаврилина Е.В., Махмудова Т.А. Современные методы работы с кадровым резервом // Труд и социальные отношения. – 2008. – № 6. – С. 135–139.

3. Ганопольский М.Г. Региональный этос: истоки, становление, развитие. – Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 1998. – 160 с.

4. Лапин Н.И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов // Социологические исследования. – 2014. – № 7. – С. 8–19.

5. Мельникова Р.И., Надуткина И.Э. Кадровый резерв на муниципальной службе: проектный подход к формированию // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Право. – 2014. – № 22(193), вып. 30. – С. 19–23.

6. Нестеров А.Г. Кадровому резерву – особую заботу аппарата полпреда // Гос. служба. Вестник Координац. совета по кадровым вопросам, гос. наградам и гос. службе при полномочном представителе Президента Рос. Федерации в Сев.-Зап. федеральном округе. – 2011. – № 1. – С. 4–11.

7. Пасовец Ю.М. Кадровый потенциал региона: от построения теоретической модели к эмпирическому исследованию в сфере управления: монография. – М.: Изд-во Моск. гум. ун-та, 2015. – 275 с.

8. Сидоренко И.Н. Кадровый резерв на гражданской и муниципальной службе: проблемы формирования // Гос. и муницип. управление. Ученые записки СКАГС. – 2008. – № 4. – С. 74–93.

9. Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Чекмарева Е.А. Проблемы качества кадров местного самоуправления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2010. – № 1(9). – С. 81–91.

Пасовец Юлия Михайловна – канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии Курского государственного университета, e-mail: yulia_pasovets@mail.ru.

Е.А. Питкевич

**РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
(ФИЛЬМЫ ЖАНРА «УЖАС») В ФОРМИРОВАНИИ
СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО
ПОКОЛЕНИЯ**

Представлены результаты авторского исследования влияния фильмов ужасов на формирование сознания подрастающего поколения. Проведен анализ отношения молодых людей к фильмам данной категории, дана оценка возможности влияния данного жанра на сознание и поведение молодежи.

Ключевые слова: молодежь, фильм, ужасы, влияние, формирование, сознание, поведение.

E.A. Pitkevich

**THE ROLE OF THE MASS ACTION
(FILMS “HORROR” GENRE) IN THE FORMATION
OF CONSCIOUSNESS AND BEHAVIOR
OF THE YOUNGER GENERATION**

The article presents the results of the author's study of the influence of the genre horror films in the formation of the younger generation of consciousness. The analysis of the relationship of young people to the movies in this category, as well as evaluating the potential impact of the genre on the consciousness and behavior of young people.

Keywords: youth, film, horror, impact, formation, consciousness, behavior.

Фильмы жанра «ужас» чаще всего демонстрируют агрессивное поведение и внушают страх кинозрителю, а также всегда привлекают к себе повышенное внимание узкого круга специалистов, что объясняется спецификой их влияния на массовое сознание. Во многих странах часто проводятся многочисленные исследования, в ходе которых ученые пытаются выяснить, оказывают ли прямое воздействие на человека фильмы ужасов.

В первую очередь речь идет о психологическом воздействии. Среди фильмов, вызывающих наибольшую тревогу, одно из первых мест занимают «фильмы ужасов и мистики», которые включают в свой сюжет насилие, кровавые сцены, убийства и мифических персонажей – вампиров, оборотней, зомби и т.д. В информационном XXI веке смотреть фильмы ужасов можно и в домашней обстановке с помощью ноутбука или компьютера, в кинотеатре, а также на носителях. Считается, что ужасы действуют на психику человека. Интересным представляется рассмотреть как отрицательные, так и положительные стороны их влияния на человека.

Можно отметить плюсы просмотра фильмов ужасов. Эти фильмы:

- способ самостоятельной борьбы со своими внутренними страхами;
- убеждение в том, что тот или иной страх – всего лишь ирреальность и не представляет реальной опасности;
- возможность снять напряжение и уйти от повседневных проблем.

В большинстве случаев фильмы ужасов всё же оказывают негативное влияние. Страх, ужас, переживания и эмоции – именно такие ощущения чаще всего вызывает данный фильм. Научно доказано, что люди, которые часто смотрят ужасы, становятся более злыми и агрессивными.

К сожалению, истории известны случаи, когда любители таких фильмов начинали копировать поведение отрицательных героев. Чаще под влиянием фильмов ужасов оказывается молодежь.

Основной целью данного исследования стало определение степени влияния фильмов ужасов на молодежь. Сбор информации происходил с помощью массового онлайн-опроса среди молодежи. В ходе массового опроса было опрошено 55 респондентов из Волгограда, Санкт-Петербурга и Москвы.

Какое влияние оказывают фильмы ужасов на молодежь? Для начала необходимо было выяснить, интересуется ли целевая аудитория (молодежь) данным жанром в целом. Согласно результатам проведенного исследования, почти половина респондентов (42,5 %) предпочитает фильмы ужасов (рис. 1). Можно сказать, что фильмы данного жанра являются довольно популярными и набирают обороты в киноиндустрии, а большую часть аудитории составляет молодежь в возрасте от 16 до 27 лет.

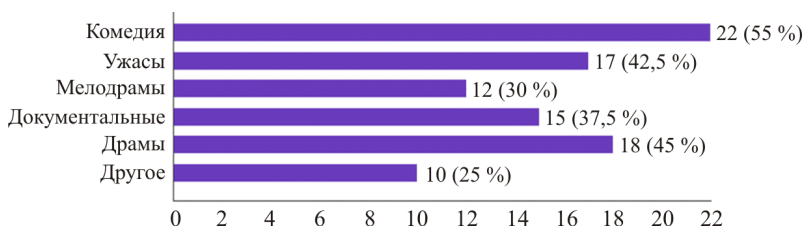

Рис. 1. Рейтинг предпочтений по жанрам кино среди молодежной аудитории (N = 55)

Несмотря на то, что за последнее время мнения специалистов в области психологии разделились на негативные, нейтральные и оптимистические, результаты проведенного исследования показывают, что отношение молодежи к таким фильмам является скорее негативным. С одной стороны, молодежь считает, что данный жанр влияет на них больше отрицательно (41,5 %), а 17 % респондентов признались, что данный жанр воздействует на них одновременно положительно и отрицательно.

С другой стороны, 70,7 % респондентов склоняются к мнению, что данные фильмы приводят к разрушению психики, также 36,6 % думают, что ужасы формируют у личности склонность к насилию, и 22 % считают, что этот жанр приводит к деморализации общества (рис. 2).

Но существует и другое мнение, что кино помогает избавиться зрителя от напряжений прошедшего дня, от чувства обыденности и скуки. Кино помогает понять себя и свои предпоч-

тения. Например, фильм ужасов помогает преодолеть страх. Ответы на вопрос: «Какое положительное влияние оказывают фильмы ужасов?» – показали следующие результаты: 35 % ответили, что такие фильмы дают возможность получить адреналин, а 32 % отвлекаются от проблем с помощью данного жанра, и 27 % опрошенных считают, что просмотр фильмов ужасов помогает самостоятельно бороться со страхами.

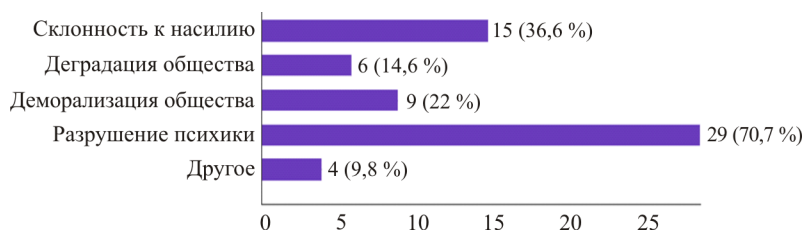

Рис. 2. Ответы на вопрос: «Какое отрицательное влияние преобладает в фильмах ужасов?» ($N = 41$)

По результатам ответов респондентов выяснилось, что просмотр фильмов ужасов является отличным способом получения адреналина. Существует много людей, которым не хватает экстремальных ощущений и они ищут его во всех доступных источниках, а средства массовой информации дают такую возможность. Профессор клинической психологии Дэвид Радд утверждает, что при просмотре фильмов ужасов человек получает некое удовольствие, так как наш мозг при этом адекватно оценивает реальность/ирреальность опасности [1]. Кинозритель осознает, что реальной угрозы не существует, и испытывает волнующие ощущения от выброса гормона адреналина.

Данный факт может оказать большую помощь в лечении фобий и прочих психических расстройств, т.е. фильмы ужасов могут использоваться в клинической медицине. При просмотре фильмов ужасов организм перестает реагировать на угрозу.

По результатам анализа данных, полученных в ходе социологического исследования, были сделаны следующие выводы:

– выявлено, что влияние фильмов ужасов зависит от возраста, особенностей психики каждого конкретного кинозрителя, его склонности поддаваться внушениям, а также от типа кинематографических предпочтений. На людей со склонностью к просмотру кинолент со спецэффектами, которая чаще всего встречается у молодежи в возрасте 16–27 лет, влияние кинокартин подобного жанра наиболее существенно;

– стоит отметить, что молодежь довольно хорошо потребляет контент ужасов (сюжет запоминается, обращает на себя внимание, вызывает бурную реакцию);

– доказано, что помимо негативных последствий у данного жанра есть и положительные последствия. Просмотр фильмов ужасов – это хороший психотерапевтический прием, помогающий совладать со своими страхами.

Дальнейшие возможные способы противостояния негативному влиянию фильмов ужасов в целом могут быть следующими:

– формирование критического мышления по отношению к получению информации от внешнего мира через систему средств массовой информации, обретение навыков работы с информацией (убеждение в том, что тот или иной страх – всего лишь вымысел и не представляет опасности в реальной жизни);

– совместные обсуждения (в составе групп, коллективов, школьных классов, родительских собраний и т.д.) негативного влияния СМИ (рекомендации по возрастному ограничению должны быть обязательно, в том числе и детям лет 16–17 желательно данные ленты стоит смотреть с родителями) с целью обретения навыков (воспитания) умения анализировать различные медиатексты, выделять направленность интересов создателей подобных текстов (текстов различного содержания);

– получение и закрепление материала по информационной безопасности, формирование представления о влиянии информационных потоков на психику человека.

Список литературы

1. Муромова Ю.В. Влияние фильмов ужасов на психику человека // Психология, социология и педагогика. – 2014. – № 5. – С. 11.
2. Романова Н.П., Скрипкарь М.В. Молодежь и кинематограф. – Чита: Изд-во ЧитГУ, 2010. – 181 с.
3. Скрипкарь М.В. Манипулятивные технологии кинематографа // Вестник Бурят. гос. ун-та. – 2009. – № 6а. – С. 288–293.
4. Фролов С.С. Социология: учебник для вузов. – М.: Наука, 2006. – 320 с.
5. Информационно-консультационный сервис «Адаптация. Психология. Саморазвитие» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.helpinadaption.ru>.

Питкевич Екатерина Александровна – студентка Северо-Западного института управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, e-mail: pitkevich_2012@mai.ru.

А.В. Плискина

МЕРИТОКРАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматриваются понятие и процесс политического стимулирования. Выделены основные критерии специфики политического стимулирования и показаны его ограничения. Подчеркнут синтетический характер меритократической функции политического стимулирования и отмечены основные недостатки существующей практики в ее реализации. Сформулированы некоторые рекомендации в сложившейся практике региона.

Ключевые слова: стимул, политическое стимулирование, меритократия, меритократическая функция.

A.V. Pliskina

MERITOCRATIC ASPECT OF POLITICAL STIMULATION IN RUSSIAN SOCIETY

The article regards concept and the process of political stimulation. Obtained the basic criteria of specifics of political stimulation and shows its restrictions. Emphasized synthetic character of meritocratic function of political stimulation and marked the major limitations of current practices in its realization. Formulated some recommendations in the current practice in the region.

Keywords: stimulus, stimulation, meritocracy, meritocratic function.

Зарубежный и отечественный опыт политического стимулирования свидетельствует о том, что политика, государство и образование являются тесно связанными между собой социальными институтами, которые через взаимодействие обеспечивают востребованный обществом демократический механизм развития личности и общества.

Политическое стимулирование понимается как нечто взаимосвязанное с мотивацией и условиями существования внешнего воздействия, деятельностью субъекта, взаимодейст-

вием в публичной политике с представительствами и органами государственной власти.

Стимулирование политическое – использование политических средств внешнего воздействия государственно-властных структур и общественно-политических организаций субъектов социально-политического взаимодействия для усиления своего влияния в публичной политике.

Теоретической основой учения о стимулах можно назвать социальный бихевиоризм с его поведенческой парадигмой в социологии, структурно-функциональный подход Т. Парсонса и его научной школы, историко-социологическую трактовку стимулов, кар и наград в интерпретации П.А. Сорокина, П. Бурдьё, Дж. Хоманса. Тема была продолжена современными подходами к концептуализации политического стимулирования в работах В.А. Ядова, Ж.Т. Тощенко, А.С. Ахиезера и др. В советской социологии стимулирование труда, политическую и социальную активность изучали и описывали В.М. Баранов, К.Э. Торган, Б.М. Сейнаров, Г.В. Хныпин, А.В. Малько.

Стержнем социологического анализа политического стимулирования является отличие политического стимулирования (его специфики).

Основными критериями для определения этой специфики мы считаем:

- осуществление стимулирования субъектом политики – властью и властвующими лицами;
- принадлежность к сфере политического, в частности к публичной политике;
- использование политических рычагов, мер воздействия там, где социокультурный контекст препятствует технократическому вмешательству в политическую и социальную практику. Политическое стимулирование имеет преимущественно ресурсное обеспечение, организацию через институт власти;
- отлаженный государственно-управленческий механизм;
- ситуативное поддержание социального порядка, особенно в нестандартных ситуациях.

В то же время политическое стимулирование в условиях современного российского общества имеет ограничения. Одним из ограничений является меркантилизация. Эта тенденция сужает возможности социального контроля социокультурного сопровождения стимулирующих воздействий.

Переходное состояние общества усиливает фрагментацию процессов политического стимулирования и межуровневые властные дистанции при организации стимулирующих воздействий.

Политические стимулы, не имеющие меритократического стержня, не оказывают заметного влияния на политическую практику и не актуальны для политического сознания большинства населения в настоящее время.

Меритократия часто выходит за рамки рутинных процедур сортировки талантов. Способствуя утверждению ценностей конкуренции, она создает благоприятные стимулы, побуждающие индивидов наилучшим образом выполнять их работу. Индивид развивает свой потенциал в процессе острой конкуренции за рабочее место, материальное вознаграждение, статус и престиж. Такие важные показатели успеха в меритократической системе, как благосостояние и степень социальной мобильности, побуждают заинтересованного индивида трудиться много и более плодотворно, чем это могут другие.

Меритократическая функция исторически оказывается обязательной, вмененной, инструментально востребованной для организации взаимодействия власти и народа.

Меритократическая функция проявляется при соблюдении принципов политического стимулирования, а соучастие населения в реализации меритократической функции позволяет через взаимодействие с органами государственной власти совершенствовать политическое стимулирование и использовать наградной меритократический механизм для развития политических отношений в регионе.

Следовательно, чем выше интеллектуальный потенциал населения региона, тем в большей мере проявляется возмож-

ность повысить требования к меритократическим формам политического стимулирования.

Меритократическая тенденция позволяет политически заинтересованным людям через мобильность осуществлять статусно-иерархические переходы в роли аналитиков, референтов, советников, экспертов на подступах к структурам власти. Это способствует самореализации активных субъектов в реальной политике. Вовлеченные в реальную, практическую политику агенты предполагают, что их личному вкладу будет дана адекватная оценка путем проявления управленческих реакций со стороны тех, кто пользуется их услугами. Предполагается, что политическое стимулирование меритократической направленности незначимо для людей, не вошедших в политику или отрицательно относящихся к ней.

Особое внимание хотелось бы обратить на обоснование меритократической функции политического стимулирования, ее синтетического характера, заключающегося в единстве четырех частных функций: стимулирующей, экспертной, селективной и регулятивно-правовой.

Меритократическая функция представляет собой взаимодействие сторон через меритократический механизм. Звеньями меритократического механизма являются меры, акции, формы, способы, средства стимулирования.

На основании проведенных нами прикладных исследований сделан вывод о востребованности политического стимулирования в сложившейся региональной ситуации¹. Исходная

¹ Диагностические и анкетные опросы населения о меритократических воздействиях региональной власти и социальных оценках конкретных наградных актов, проведенные в пяти городах Кузбасса в 2013 (370 респондентов) и 2014 (591 респондент) годах. Методом анализа документов изучены новостные источники, регламентирующие наградные процессы в Кузбассе и определяющие компетенции власти и населения через реализацию меритократической функции политического стимулирования (2009–2014 годы).

посылка исследования: в каждом регионе формируется наградная система, которую поддерживает власть во взаимодействии с населением, а не только с награжденными и награждаемыми. Отношение к наградам соотносится с социально-дифференцированными политическими предпочтениями населения, их информированностью о наградной системе в действии и включенностью в публичную политику.

Социологический анализ позволяет выявить барьеры, препятствующие реализации принципов политического стимулирования.

На основании исследований последних десятилетий установлено, что жизненные ориентации субъектов имеют общественное признание в публичной политике, становятся внутренним мотивом соучастия в публичной политике и заинтересованного отношения к меритократии.

Информированность повышает эту заинтересованность.

В качестве основных рекомендаций выделим три:

1. Меритократическая функция, реализуясь во взаимодействии с институтом власти и населения, несет смысловую, организационную и стимулирующую нагрузку, регламентируя правовыми рамками взаимодействие населения и власти. С учетом этого основания рекомендуются меры, преобразующие меритократическую функцию.

2. Изменение характера взаимодействий, структур органов государственной власти и политических организаций в регионе зависит от использования принципов наградного механизма политического стимулирования.

3. Для преобразования социальной и политической практики в регионе необходимо расширение возможностей социального контроля и информационного обеспечения в политическом стимулировании.

Эти рекомендации, направленные на удовлетворение требований населения к сложившейся наградной практике, отражают перспективы совершенствования политических отношений в регионе.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2009. – 387 с.
2. Борисенков А.А. Политическое влияние как способ осуществления назначения политики // Социум и власть. – 2010. – № 3. – С. 23–28.
3. Карапетян Л.М. Диалектика перехода от партократии к меритократии // Вопросы философии. – № 4. – 2010. – С. 22–34.
4. Парамонова В.А. Политический символ как средство легитимации политического пространства: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Волгоград, 2002. – 26 с.
5. Сорокин П.А. Символы в общественной жизни. – Рига: Наука и жизнь, 1913. – 48 с.

Плискина Александра Викторовна – ст. преподаватель кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета, e-mail: sasha21PAV@mail.ru.

В.В. Прокин

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В РЕГИОНЕ

Содержится теоретический и эмпирический анализ институциональной среды инновационной экономики. Изучаются проблемы интернализации институтов, которыми регулируется и стимулируется инновационная активность в регионе. Для практических решений проблемы интернализации инновационных институтов приводятся результаты экспертного опроса в инновационных организациях Пермского края.

Ключевые слова: инновации, институт, институциональная среда, интериоризация институтов, инновационная активность, регион.

V.V. Prokin

INSTITUTIONAL ENVIRONMENT OF INNOVATION ACTIVITI IN REGION

The article deals with theoretical and empirical aspects of institutional environment of innovation economics, the problems of internalization of institutions, which regulates and stimulates innovation activity in region. As a practical solution to the problem of internalization of innovation institutions it is proposed the results of expert questioning in innovation organizations of Perm region.

Keywords: innovation, institution, institutional environment, internalization of institutions, innovation activity, region.

Институциональная среда инноваций

В современной российской экономике сформировалась инновационно-технологическая ловушка: технологическая отсталость большинства отраслей и регионов замедляет инновационный рост, а отставание в инновациях усугубляет технологический регресс. Анализ государственной статистики РФ показывает, что в экономике России за период 1990–2014 го-

дов доля третьего технологического уклада выросла с 37 до 43 %, а четвертого снизилась с 51 до 43 % от ВВП, пятого – с 6 до 2 %. За этот же период совокупная доля науки и инноваций в ВВП упала с 2,5 до 0,5 %. Эконометрический анализ динамики ключевых индикаторов инновационного развития экономики России фиксирует заметно более низкие темпы фактического инновационного роста, чем это предусмотрено Стратегией 2020 [1, с. 15–16; 2, с. 351–362].

Как показывает опыт инновационных организаций в производственной и непроизводственной сферах, причины торможения инновационной активности во многом кроются в недостаточном развитии ее институциональной среды. Так, в инновационной практике российских университетов отмечаются следующие институциональные барьеры и проблемы: отсутствие реальной возможности распоряжаться долями, акциями, уставным капиталом малых инновационных предприятий (МИП); бюрократически сложная процедура сдачи недвижимости и оборудования университета в аренду собственным МИПам; невозможность передачи исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, созданные в университете; административные ограничения на распоряжение финансовыми средствами по выигранным грантам [3, с. 10].

Цель нашего исследования – анализ существующих проблем институционального обеспечения инновационной деятельности в российском регионе на примере организаций Пермского края. Новизна нашего исследовательского подхода состоит прежде всего в том, что данная институциональная среда изучается через призму ее восприятия, усвоения и использования участниками инновационного процесса на его отдельных стадиях. Этот процесс институционализации инновационного сознания и поведения наиболее эффективно фиксируется методами экспертного опроса. Но прежде чем перейти к анализу его результатов, необходимо уточнить наше понимание теоретиче-

ских концептов его ключевых переменных – институтов, институциональной среды, инноваций, которые в научной литературе определяются далеко неоднозначно.

В современных институциональных исследованиях определение ключевого понятия «институт» имеет много вариантов. Суммируя разнообразные трактовки, их можно свести к двум: нормативно-правовой и организационной. Согласно классикам современного неоинституционализма (Д. Норт, О. Уильямсон, Г. Демсец и др.), институты – это наборы правовых норм и неформальных правил, жестко направляющих поведение экономических агентов [4, с. 83].

Организационная версия институтов предлагает включать в их содержание не только «правила экономической игры», но и самих «игроков» в виде экономических агентов, индивидов, организаций, государства [5, с. 37; 6, с. 25; 7, с. 41–45].

Такая расширительная трактовка институтов делает их значение более размытым и неопределенным. Поэтому в нашем исследовании мы придерживаемся более распространенной нормативно-правовой дефиниции институтов. При этом следует иметь в виду, что институты – наборы норм и правил – не определяют целиком поведение экономических агентов, но лишь ограничивают набор альтернативных решений (стратегий), из которых они могут выбирать согласно своей целевой функции. Кроме того, объектом выбора являются и сами экономические нормы и правила, в том числе на рынке институтов [8, с. 31–32].

В парадигме современного институционализма анализ, моделирование и проектирование экономических институтов ведется на трех уровнях. Первый – уровень институционального индивида (*homo institutus*), второй – различных институциональных соглашений (контрактов), третий – институциональной среды как системного множества институтов разного вида и функционала [9, с. 46].

Требует уточнения и еще одна основная категория нашего исследования – инновационная деятельность. В специаль-

ной литературе встречаются как слишком широкие, так и слишком узкие дефиниции этого явления. Не имея возможности в данной работе дискутировать по этому вопросу, определим сразу наше понимание содержания инновационной экономики и места в ней инноваций.

Структура жизненного цикла научно-технических знаний последовательно включает три фазы: инвенции (производство новых знаний, изобретения, открытия) – инновации (внедрение новых знаний в массовое производство и потребление продуктов и услуг, коммерциализация инвенций) – имитации (тиражирование новых знаний и инноваций) [10, с. 42].

Таким образом, инновации не покрывают всё содержание инновационной экономики, но они занимают в ней центральное место, опосредуя фазы производства новых знаний и массового воспроизводства инновационных товаров и услуг.

Гипотеза, эмпирическая база и результаты исследования

В качестве основной гипотезы исследования было выдвинуто предположение, что уровень интериоризации инновационных институтов должен быть выше в организациях инвизионного профиля, а уровень удовлетворенности и доверительности институтов, напротив, в организациях-инноваторах и имитаторах, которые имеют больше возможностей финансирования и коммерциализации инноваций.

Для проверки данной гипотезы в рамках нашего исследовательского проекта, поддержанного РГНФ, был проведен анкетный опрос 200 экспертов (специалистов и менеджеров) 12 производственных и непроизводственных организаций инвизионного профиля Пермского края. Время проведения опроса – III и IV кварталы 2015 года. В опросе приняли участие 100 экспертов четырех непроизводственных организаций, включая два национальных исследовательских университета – ПГНИУ и

ПНИПУ, Институт механики сплошных сред УрО РАН, региональную администрацию, и 100 экспертов восьми промышленных предприятий, в том числе ПАО «Мотовилихинские заводы», ПАО «Протон-ПМ», ЗАО «Новомет» и др. Сформированные группы экспертов оценки институтов инновационной деятельности представляют разные фазы инновационного цикла. Эксперты непромышленных организаций (далее – НПО) представляют, по преимуществу, инвенционную фазу научных исследований и опытно-конструкторских работ (НИР и НИОКР). Эксперты производственных организаций (далее – ПО) в основном представляют фазу инноваций (внедрения и коммерциализации новшеств) и имитаций оригинальных инноваций.

Ниже приводятся результаты проведенного экспертного опроса. Как следует из данных таблицы, уровни интериоризации институтов инновационного законодательства существенно зависят от типа инновационной организации. По практической реализации знания таких институтов НПО значительно опережают ПО, в среднем в 1,5 раза (39,3 против 25,5 %), особенно в сфере использования федерального законодательства (53 % НПО против 28 % ПО). Напротив, в ПО существенно выше доля знающих содержание правил инновационной деятельности, но не использующих их на практике. Это касается всех уровней законодательства, от мирового до корпоративного (в среднем 37 % в ПО против 11,5 % в НПО).

Таблица

Уровни интериоризации институтов инновационного законодательства по типам инновационной организации, %

Уровни	Знают и используют		Знают, но не используют	
	НПО	ПО	НПО	ПО
Мировой	15	16	10	28
Федеральный	53	28	15	20
Региональный	40	32	11	36
Корпоративный	49	36	10	40
Среднее	39,3	25,5	11,5	37,0

Подсчет коэффициента интериоризации K_i выявил наибольшее расхождение его значения по федеральному законодательству (0,44 в НПО против 0,26 в ПО). В среднем по всем его уровням разница в значениях этого коэффициента между типами организации менее выявлена (0,32 в НПО и 0,28 в ПО).

Таким образом, проведенное исследование в целом подтвердило выдвинутую гипотезу о более высоком уровне институционализации инновационной деятельности в производственных организациях нежели в непроизводственных организациях. В связи с этим в качестве основной практической рекомендации исследования предлагается радикальное повышение качества институтов регулирования инвенционной и инновационной деятельности организаций в сфере производства новых знаний и технологий, что позволит обеспечить их более тесные и эффективные связи с производственными организациями инновационного профиля.

В связи с этим рассмотрим специально полученные в ходе экспертного опроса характеристики институциональной среды инновационных непроизводственных организаций г. Перми (национальных исследовательских университетов, академических и отраслевых институтов). Наибольший интерес представляют четыре вектора институционального анализа таких организаций: оценка системы правового регулирования и системы защиты прав инвенторов и инноваторов; эффективность институтов в решении важнейших проблем инновационной региональной системы; стратегии институционального поведения в сфере инвенций и инноваций; оценка институтов стимулирования инновационной активности в организациях. По оценке правовой и нормативной базы, регламентирующей научно-исследовательскую, прикладную и инновационную деятельность, были получены следующие распределения. Вполне удовлетворены и количеством и качеством таких документов (в процентах к числу опрошенных):

- федеральных – 32 %;
- региональных – 16 %;
- корпоративных – 22 %.

Таким образом, наименьшую общую оценку получили региональные институты регуляции инновационного цикла. Не удовлетворяет прежде всего качество таких документов федерального уровня 43 % опрошенных, регионального – 41 %, корпоративного – 19 %. Напротив, эксперты отметили недостаточность количества таких документов в первую очередь на корпоративном уровне (28 %) и в меньшей степени на региональном (19 %) и федеральном (10 %) уровнях. Ранжирование конкретных причин неудовлетворенности экспертов системой защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности (РИД) выглядит следующим образом:

1) большие затраты времени на оформление авторских прав, патентов, лицензий – 52 %;

2) слабая защищенность прав от копирования оригинальных открытий, изобретений, коммерческих инноваций – 41 %;

3) существующее законодательство больше защищает права организации на РИД, чем права непосредственных авторов открытий – 36 %;

4) полученные права приносят мало дохода – 32 %;

5) системы защиты прав на РИД слишком сложны для использования – 26 %;

6) оформление прав требует больших денежных затрат (высокие цены на услуги регистрации и защиты) – 23 %.

Таким образом, в качестве наиболее распространенных институциональных барьеров в сфере производства новых знаний, по оценке экспертов, выступают большие затраты времени на оформление авторских прав и их слабая защищенность. Финансовые барьеры (затраты денежных средств и невысокий доход от полученных прав), вопреки распространенному мнению, имеют меньшее значение для активности в сфере НИР и инноваций. На неполное соблюдение законодательства в своей организации указала следующая часть опрошенных экспертов по видам институтов:

1) планы и программы вознаграждения новаторов и инноваторов – 48 %;

- 2) права собственности – 40 %;
- 3) защита патентов, ноу-хау, авторских прав – 36 %;
- 4) соглашения о конфиденциальности, секретах фирмы – 34 %;
- 5) лицензионные права – 31 %;
- 6) трудовые договоры – 27 %.

Эти данные свидетельствуют о том, что недостаточно реализуются в сфере НИР и инноваций в НПО подержены в первую очередь институты вознаграждения авторов и защиты прав собственности на РИД.

Важнейшая функция институциональной среды – решение основных проблем современного инновационного процесса в регионах и отраслях. Среди таковых эксперты отметили (в процентах к числу опрошенных) следующие (что позволяет сформировать рейтинг проблем инновационной региональной системы):

- 1) получение государственной поддержки, грантов на проведение исследований – 55 %;
- 2) получение заказов промышленных предприятий, хозяйственных НИР – 54 %;
- 3) недостаток финансовых средств организаций для производства и потребления научно-технической и инновационной продукции – 53 %;
- 4) низкий спрос на результаты НИР и другие виды интеллектуальной деятельности – 51 %;
- 5) дефицит финансовой поддержки со стороны банков, венчурных фондов, других видов инвесторов – 44 %;
- 6) коммерциализация результатов поисковых и фундаментальных исследований – 37 %;
- 7) дефицит оригинальных научных и технических идей – 31 %;
- 8) приобретение оборудования, в том числе в центрах коллективного пользования, для изготовления опытных образцов, прототипов – 19 %.

Таким образом, в качестве важнейших проблем инновационного развития региона определены дефицит государст-

венного и предпринимательского спроса на НИР, НИОКР и инновации, а также недостаток собственных и заемных средств на эти виды деятельности. Соответственно, наиболее действенными (эффективными) институтами в сфере инновационной деятельности в регионе эксперты считают следующие (в процентах к числу опрошенных):

1) финансовые виды поддержки и стимулирования НИОКР и инновационных проектов (налоговые льготы и каникулы, гранты, бюджетные дотации) – 58 %;

2) системы материального вознаграждения (авторские роялти и другие виды инновационной ренты) – 49 %;

3) региональная система трансфера знаний, технологий (технопарки, технополисы, ЦТТ, бизнес-инкубаторы) – 43 %;

4) законодательные акты и нормативные документы, регулирующие НИР, НИОКР и инновационное предпринимательство – 38 %;

5) корпоративные системы координации и кооперации НИР, НИОКР и инновационной внедренческой деятельности (бизнес-ассоциации, инновационные кластеры, ТПП) – 32 %;

6) стратегическое планирование развития инновационной экономики региона – 26 %;

7) кредиты коммерческих банков, венчурные фонды, бизнес-ангелы инновационных проектов – 25 %;

8) правовая и административная защита условий и результатов интеллектуальной и инновационной деятельности – 22 %.

Следовательно, для НИУ, академических и отраслевых институтов важнейшими институциональными факторами развития выступают государственное финансирование НИР, система авторского вознаграждения, системы трансфера знаний, правовое регулирование и корпоративные системы координации и кооперации НИР, НИОКР и инноваций.

Важную роль в инновационном развитии региона на современном этапе должно играть взаимодействие государственных структур и бизнеса. Однако в целом оценка эксперта-

ми роли института государственно-частного партнерства (ГЧП) в развитии инновационной экономики региона невысока. Так, отметил положительную роль института ГЧП для инновационной активности региона как недостаточно результативную каждый второй эксперт (53 %), как незначительную – каждый третий (32 %), как достаточно высокую и ощутимую – всего лишь каждый девятый из опрошенных экспертов (11 %).

Институциональное моделирование и проектирование инновационной деятельности должно учитывать и выявлять весь спектр институциональных стратегий, которыми руководствуются участники инновационного цикла.

Институциональное поведение инноваторов предполагает выбор одной из четырех стратегий:

1) частичного конформизма (согласие с институциональными требованиями, но их невыполнение в отдельных ситуациях, если это возможно и выгодно инноватору);

2) частичного оппортунизма (полное выполнение институциональных предписаний, даже тогда, когда эти законы, правила и нормы оцениваются инноваторами как несовершенные);

3) полного оппортунизма (абсолютное недоверие к действующим институтам и полный отказ выполнять их предписания).

4) полного конформизма (безусловное выполнение рациональной с точки зрения инноватора системы его налогообложения).

В ходе опроса экспертов им было предложено определить предпочитаемую стратегию поведения в сфере налогообложения инновационной деятельности. В результате было получено следующее распределение стратегий институционального поведения в этой сфере:

1) стратегия частичного конформизма (выполнение несовершенных норм налогового обложения) – 41 %;

2) стратегия частичного оппортунизма (целесообразность невыполнения налогового законодательства в ряде случаев, даже если само оно достаточно совершенно) – 22 %;

3) стратегия полного конформизма (безусловное выполнение рациональной системы налогообложения) – 19 %;

4) стратегия полного оппортунизма (отказ от выполнения требований не вызывающего доверия налогового кодекса) – 11 %.

Таким образом, в сфере налогообложения РИД и инноваций доминирует стратегия частичного конформизма. На втором месте – стратегия частичного оппортунизма.

На вопрос: «Какие из видов проектов встречаются наибольшее сопротивление внутри Вашей организации со стороны менеджеров и специалистов?» – эксперты отметили следующие (в процентах от числа опрошенных):

– в области организации труда, заработной платы и других форм вознаграждения за труд – 33 %;

– кадровые (новые формы найма, специализации и продвижения персонала) – 26 %;

– финансовые (источники финансирования проектов, методы управления финансами организации) – 25 %;

– организационно-производственные – 20 %;

– научно-исследовательские – 14 %.

Таким образом, стратегии институционального оппортунизма инноваторов наиболее распространены в сфере распределения финансов и кадровой политики организации.

Институциональная среда инновационных организаций должна сочетать и балансировать два противоположных вида институтов: ограничителей (рамок) и стимуляторов инновационной активности своих членов. По мнению экспертов, в настоящее время в их организациях чаще всего применяются следующие институциональные средства стимулирования инновационной активности (в процентах от числа опрошенных):

1) непрерывное обучение персонала – 37 %;

2) планирование инновационной деятельности организации и ее подразделений – 34 %;

3) личный пример руководителя – 32 %;

4) материальное стимулирование инновационной активности – 29 %;

5) информирование сотрудников о научно-технических и инновационных достижениях конкурентов – 29 %;

6) систематические отчеты о реализованных инновационных проектах в организации – 21 %;

7) нематериальное поощрение инновационной деятельности – 16 %.

Выводы и рекомендации

В качестве основных результатов проведенного исследования укажем следующие:

– уровень развития институциональной среды – важнейший фактор инновационного роста организаций, отраслей и регионов;

– имеет значение не только качество и количество институтов в этой сфере, но и их адекватное отражение в институциональном сознании и поведении инвенторов и инноваторов;

– наиболее серьезные проблемы выявлены в дисфункции институтов правового регулирования и защиты собственности на РИД и инновации, финансовой поддержки и вознаграждения новаторов и инноваторов;

– эти проблемы в большей мере ощущаются в непроизводственных инновационных организациях, чем в производственных.

Следовательно, стратегическое планирование и управление НИР и инноваций в регионе должно быть нацелено на решение выявленных проблем институциональной среды, развитие ее функциональной эффективности в этой сфере.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-1259005.

Список литературы

1. Жиронкин С.А. Технологические детерминанты выхода экономики России из структурной десоциализации // Журнал экономической теории. – 2015. – № 4. – С. 123.

2. Третьякова Е.А. Инновационное развитие экономики России: динамика ключевых индикаторов // Инновационное развитие экономики: тенденции и перспективы: материалы IV Международ. науч.-практ. конф., г. Пермь, 4 июня 2015 г. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2015. – С. 351–362.

3. Макарихин И. Законы надо поправлять и быстро // Новый компаньон. – 22 марта 2016 г. – № 8. – С. 10.

4. Рихтер Р. Новая институциональная экономическая теория: первые шаги, сущность, перспективы // Российский журнал менеджмента. – 2006. – Т. 4, № 1. – С. 79–112.

5. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: манифест современной институциональной экономической теории: пер. с англ. – М.: Дело, 2003. – 464 с.

6. Макаров В.Л. Исчисление институтов // Экономика и математические методы. – 2003. – Т. 39, № 2. – С. 14–37.

7. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем / ЦЭМИ РАН. – М.: Наука, 2004. – 240 с.

8. Попов Е.В. Институты. – Екатеринбург: Изд-во Ин-та экономики УрО РАН, 2015. – 712 с.

9. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. – М.: ТЕИС, 2002. – 380 с.

10. Попов Е.В. Культурный фактор методологии экономической науки // Журнал экономической теории. – 2015. – № 3. – С. 41–48.

Прокин Валерий Васильевич – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и финансов Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: vvprokin@mail.ru.

С.А. Рагозин

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КАРЬЕРНЫЕ УСТАНОВКИ ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ

Посвящено анализу особенностей профессиональных карьерных установок российского населения. Приведены результаты нескольких социально-психологических исследований, направленных на изучение профессиональных карьерных установок у определенных социальных групп.

Ключевые слова: профессия, карьера, профессиональные ценности, профессиональные мотивы, профессиональные карьерные установки, рынок труда, профессиональная ориентация.

S.A. Ragozin

PROFESSIONAL CAREER ATTITUDES OF RUSSIAN CITIZENS

The paper contain the analysis of professional career attitudes's characteristics of russian people. It shows the results of several social-psychological researches, which was aimed on the study of professional career attitudes of some social groups.

Keywords: profession, career, professional values, professional motives, professional career attitudes, labour market, professional orientation.

Каждый человек, перед тем как идти на рынок труда, строит планы. Как правило, это начинается еще со школьной скамьи. Люди определяют с тем, что им нравится, с тем, чему бы они хотели посвятить свою жизнь, соотносят с этим свои возможности, умения, навыки и т.д. Часто родители решают, кем станет их ребенок, и с ранних лет готовят его к предстоящей деятельности. Одним словом, все на что-то рассчитывают и надеются. Многие строят грандиозные планы на свое трудовое будущее, на карьеру. Но проходит ряд лет, и выясняется, чего же все-таки удалось достичь, а что осталось в

качестве заоблачной мечты. Под воздействием трансформирующейся системы ценностных ориентаций и взглядов людей (которая преобразуется в результате непрекращающейся трансформации общества, внешних обстоятельств или же внутриличностных подвижек и т.д.) меняются и их профессиональные карьерные установки. В связи с этим у граждан возникает неопределенность: с одной стороны, они имеют те или иные желания касательно трудоустройства и привлечения себя к общему делу, с другой – далеко не всегда это все воплощается на практике, совпадает с ней. Подобное, безусловно, является социальной проблемой. В итоге данное (когда многие люди находятся «не на своем месте» либо полностью, либо частично) приводит к тому, что на рынке труда, к примеру, в одной сфере царит безработица, в другой отмечается низкая эффективность деятельности; и, конечно, в какой-то сфере всё более или менее гармонично.

Таким образом, часть населения нуждается в профессиональном переориентировании, что требует дополнительных временных, трудовых и материальных затрат. Причина этого в том, что система профориентации людей в России несовершенна и требует значительных преобразований. Если все (что, конечно, звучит утопично) станут заниматься сразу именно той деятельностью, которая им нравится (плюс она будет иметь ряд благоприятных составляющих: приемлемый заработок, оптимальные условия труда и т.д.), то часть проблем, существующих на рынке труда (та же безработица и низкая трудовая эффективность), сойдет на нет и социальный климат в российском обществе, несомненно, улучшится.

Таким образом, для того чтобы не возникало в будущем несоответствия рынка труда с профессиональными карьерными установками людей, необходимо их всесторонне исследовать.

Профессиональные карьерные установки рассматриваются в качестве представлений о собственных умениях, мотивах, ценностных ориентациях, потребностях, смыслах, имеющих

отношение к продвижению в профессиональной деятельности, считаются важнейшим элементом Я-концепции. Карьерные установки появляются в процессе социализации, актуализируются в ситуации выбора, им субъект следует при выборе и моделировании своего профессионального пути, а также пути жизненного. В структуре профессиональной Я-концепции индивида наличествует не одна карьерная установка, а целая иерархия, которая может незначительно трансформироваться под влиянием жизненных обстоятельств при низкой степени изменчивости определенных доминирующих ориентаций [4].

Наиболее предпочтительной концепцией при изучении профессиональных карьерных установок и ориентаций стала якорная теория Эдгара Шейна, а его методика диагностики карьерных ориентаций, адаптированная и переведенная Л.Г. Почебут и В.А. Чикер (тест «Якоря карьеры»), нашла широкое применение на практике [4].

Анализ профессиональных карьерных установок и ориентаций населения является перспективным направлением современной социологии и психологии. Однако, несмотря на всю актуальность, исследования, посвященные этому, малочисленны, и преимущественно проводятся в таких областях научного знания, как педагогика (Е.В. Киселева, О.Л. Поминова, Б. Идзиковски), социология (А.Б. Александрова, В.Е. Сезенин, Д.Ю. Чеботарева), экономика (Н.В. Волкова, И.А. Поленц), в то время как в психологии данная область научного поиска отмечена единичными работами (Ю.А. Бурмакова, О.П. Терновская) [3].

В научной психологической литературе профессиональные карьерные установки и ориентации субъекта имплицитно анализировались в контексте стратегий поведения (Е.Ю. Коржова); жизни (К.А. Абульханова-Славская); жизненных ориентаций (Н.А. Низовских) преимущественно среди представителей таких профессиональных групп, как предприниматели (Е.К. Завьялова, Ж.В. Масликова, С.Т. Посохова, С.В. Рудакова), госслужащие (И.П. Лотова, Е.А. Могилевкин), менеджеры (Т.Г. Гнедина,

Е.Г. Молл, Е.И. Остащенко), психологи (Н.Л. Кирт), спортсмены (Н.Б. Стамбулова, В.В. Сибирев). Профессиональные карьерные установки и ориентации косвенно исследовались через другие смысловые образования субъекта профессиональной деятельности: ценности (Б. Идзиковски, И.Е. Акопова, Е.А. Махрина), мотивы (А.В. Герасимов, А.С. Лукьянов), потребности (И.Л. Соломин); отмечались как фактор успешности карьеры (Е.Н. Жорникова, Л.А. Зайцева, Е.А. Могилевкин, М.В. Сафонова, Н.А. Тугунцева) [3].

Результаты ряда исследований, проведенных в России с целью анализа профессиональных карьерных установок, позволяют нам выделить особенности установок касательно профессиональной деятельности, карьеры, характерные для определенных социальных групп. В качестве примера акцентируем внимание на старшеклассниках, студентах, а также людях старшего возраста и рассмотрим их профессиональные карьерные установки.

А. Относительно школьников старших классов было определено следующее (рассмотрим результаты исследования, направленного на нахождение взаимосвязи профессиональных установок и мотивов выбора профессии у старшеклассников):

1. Мальчики в сравнении с девочками в большей степени робки при выборе профессии, у них возникают сложности с началом деятельности, отсутствуют ясные критерии и представления, касающиеся профессионального развития, отмечена плохая информированность о мире профессий; девочки же характеризуются рассудительностью, основательностью, готовностью действовать в соответствии с планом после серьезных размышлений.

2. У девочек в отличие от мальчиков преобладают глубинные индивидуально и социально значимые мотивы; удовлетворение, которое приносит работа, ее творческая направленность. У мальчиков – направленность на престиж и материальную составляющую. Однако все школьники, независимо от пола, не готовы работать в ситуации наказания, критики и других санкций отрицательного характера.

3. У девочек преимущественно отмечаются «творческие» и «моральные» группы мотивов; у мальчиков же преобладают «престижные», «материальные». Получается, выбор профессии девочек ориентирован на развитие нравственных качеств, стремление к совершенствованию своего морального, духовного облика. У мальчиков выбор профессии нацелен на обретение материальных благ, стремление к профессиям, ценящимся среди знакомых, позволяющим достичь видного положения в обществе, обеспечивающим быстрое продвижение по службе.

4. Девочки при выборе профессии ориентируются на получение профессиональных знаний, для того чтобы добиться высокого уровня профессионального мастерства. Мальчики ценят социальную значимость профессии [5].

Б. Что касается студентов, то можно отметить следующее (будем базироваться на результатах исследования, организованного в качестве мониторинга профессиональных установок и карьерных ориентаций студентов гуманитарных специальностей):

1. В первую очередь они ориентируются на «равновесие-баланс» в жизни, далее их волнует «безопасность»; а уже потом «продвижение по службе (вертикальная карьера)».

2. Больше половины выпускников (66,1 %) желают работать по специальности по окончании вуза.

3. Одновременно 2/3 всех студентов (согласно данным исследования) нацелены на карьерное продвижение, что говорит о сформированности здоровых профессиональных амбиций у будущих специалистов, развитости у них позитивной профессиональной перспективы, об адекватном психологическом настрое выпускников.

4. Ответы опрошенных в преобладающем большинстве (около 68 %) сообщают о сформированном положительном отношении к получаемой специальности, даже если студент и не намеривался самореализовываться именно в ней [1].

В. Для анализа профессиональных карьерных установок людей старшего возраста взглянем на результаты исследования, целью которого было выявить особенности социально-психологических установок в мотивационно-потребностной среде работников университета:

1. Ориентация на результат деятельности у работников университета представлена сильнее, чем на процесс деятельности, а ориентация на процесс труда – сильнее, чем на получение денег. Притом ориентация на овладение денежными средствами выражена менее ярко по сравнению со всеми другими ориентациями.

2. У представителей профессорско-преподавательского состава университета не было обнаружено значимых различий между ориентациями на процесс деятельности и ее результат.

3. Профессорско-преподавательский состав университета больше ориентирован на процесс труда, нежели административно-хозяйственный, а также учебно-вспомогательный персонал [2].

Таким образом, мы видим, что спектр, который охватывают профессиональные карьерные установки, достаточно обширен. Соответственно, для того чтобы наличествовала глубокая, полная картина касательно него, необходимо и в дальнейшем заниматься анализом профессиональных карьерных установок. Во-первых, это позволяет профориентационным органам поставить перед собой более четкие, емкие задачи, направленные на помощь тем, кто только вступает на рынок труда; организовать свою деятельность так, чтобы людям, стремящимся стать работниками, легче было находить подходящее (по их мнению) и чтобы рынок труда действительно нуждался в этих гражданах. Во-вторых, исследование профессиональных карьерных установок дает возможность понять, что еще необходимо предпринять, какие профориентационные мероприятия следует провести, чтобы люди, которые находятся на рынке труда в течение нескольких лет, более благополучно прошли ассимиляцию. В-третьих, это способно помочь переориентироваться тем, кто

осуществляет профессиональную деятельность в течение многих лет и считает, что посвятили жизнь не тому делу, что их призвание состоит в чем-то ином.

Одним словом, всестороннее изучение и анализ профессиональных карьерных установок, на наш взгляд, ключ к решению проблемы несоотнесенности предпочтений, намерений, ценностей, взглядов граждан относительно собственного профессионального устройства и требований, потребностей рынка труда.

Список литературы

1. Барышева Т.Д. Мониторинг профессиональных установок и карьерных ориентаций студентов гуманитарных специальностей // Вектор науки ТГУ. – 2012. – № 1(8). – С. 51–54.
2. Еремицкая И.А. Особенности социально-психологических установок в мотивационно-потребностной сфере работников университета // Казан. пед. журнал. – 2016. – № 2, т. 2.
3. Жданович А.А. Карьерные ориентации в структуре профессиональной Я-концепции студентов. – М., 2008.
4. Маркова А.К. Психология профессионализма / Междунар. гум. фонд «Знание». – М., 1996. – 212 с.
5. Матвиенко К.С., Азарова Е.А. Взаимосвязь профессиональных установок и мотивов выбора профессии у старшеклассников // Инновационная наука. – 2015. – № 12. – С. 206–209.

Рагозин Сергей Анатольевич – магистрант кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: sergoga5@rambler.ru.

Г.В. Разинский

**СТУДЕНЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ:
ЗА И ПРОТИВ**

Обобщаются результаты работ по теме «Молодежь в системе управления вузом: факторы, способствующие/препятствующие активизации личностного потенциала», в рамках госзадания Минобрнауки РФ № 661 в 2014–2016 годах. Приводятся основные показатели, характеризующие студенческую активность в целом и участие студентов в управлении вузом в частности. На их основе дается аналитическая интерпретация студенческой активности, позволяющая выявить факторы, позитивно влияющие на этот процесс, и те из них, которые тормозят его.

Ключевые слова: вузовское самоуправление, личностный потенциал молодежи, факторы активизации/стагнации социальной активности молодежи в управлении и самоуправлении, синдром патернализма.

G.V. Razinsky

**STUDENT ACTIVISTS WITH THE GOVERNMENT:
FOR AND AGAINST**

The article summarizes the results of work on the theme “Youth in the system of management of higher education: factors promoting/preventing the activation of personal potential”, was performed according to the state task of the Ministry of education of the Russian Federation No. 661 in 2014-2016. The main indicators of student activity in general and the attitude and participation of students in University management in particular are given. Based on them we give an analytical interpretation of student activity, allowing to identify the factors positively influencing this process, and those that inhibit it.

Keywords: university governance, personal potential of young people, factors enhancing/stagnation of social activity of youth in government and self-government, syndrome of paternalism.

Реализация личностного потенциала студенчества в образовательной системе вуза возможна по различным направлениям. В контексте данного исследования предполагается изучение путей активизации социальной активности студентов, их интеграции в управленческие процессы как одного из центральных, равноправных, наряду с профессорско-преподавательским составом, субъектов образовательного процесса. Помимо всего прочего, как уже отмечалось, такого рода социальная активность студенчества позволяет им освоить как результат вторичной социализации новые социально-профессиональные роли, нормы и стандарты поведения в будущей послевузовской жизни. Речь в таком случае должна идти о студенческом самоуправлении как форме такой социальной активности.

Проведенное исследование выявило достаточно противоречивую картину участия студентов в вузовском самоуправлении и отношения к нему как одной из сфер реализации их личностного потенциала. С одной стороны, студентов отличает достаточно высокая информированность о существовании студенческого самоуправления в вузе (3/4 респондентов знают об этом, и лишь каждый десятый не знает). С другой стороны, лишь чуть более 1/4 опрошенных участвуют или хотели бы участвовать в этом процессе, тогда как более 70 % и не участвуют, и не хотели бы участвовать. При этом о своем активном участии в той или иной форме самоуправления заявило лишь 8 % участников опроса, более трети готовы к этому только как сторонние наблюдатели, а 55 % вообще нигде и никак не участвуют. Большинство опрошенных включают в сферу самоуправления в основном внеучебную деятельность (спорт, художественная самодеятельность, досуг – 2/3 ответивших на вопрос), быт и соцзащиту (27,1 % ответивших); учебу (НИРС) как самоуправленческую функцию отмечает лишь каждый пятый. Таким образом, самоуправление как форма реальной социальной активности студентов пока присутствует лишь номинально и вербально. Не в последнюю очередь это связано с общей соци-

альной пассивностью студенчества (на это указало 82,8 % респондентов), с их иждивенческо-патерналистскими настроениями (мнение каждого 10 участника опроса). Кроме того, это свидетельствует об отсутствии реального влияния студентов на управленческие процессы: так, 96 % респондентов оценили его или как незначительное или вообще отсутствующее. Лишь 7,4 % опрошенных студентов указали, что их мнение может повлиять на принятие решений, касающихся жизни вуза.

Аналитическая обработка полученных результатов позволила выявить две группы факторов, определяющих отношение студенческой молодежи к участию в вузовском самоуправлении: одна стимулирует личностный потенциал студентов и способствует их активному включению в процесс вузовского самоуправления, тогда как другая оказывает тормозящее воздействие на участие в такого рода процессе.

К факторам – стимулам соактивности студенчества, в том числе в управлении вузом, относятся:

- уровень образования: хотя молодежный социум еще не завершил учебный процесс, каждый пятый имеет высшее или незаконченное высшее образование, что, вместе с теми, кто имеет среднее профессиональное образование, составляет почти треть молодых респондентов.

- отношение к социальной дифференциации: весьма высока доля респондентов, склонных к признанию правомерности социальной дифференциации, которая, впрочем, уравнивается социальными эгалитаристами, не признающими это и ориентирующимися на уравниТЕЛЬСКИЕ отношения;

- относительно высокий уровень интегрированности в новую систему социальных координат: лишь 5,7 % опрошенных студентов негативно относятся к рынку, считая его средоточием всех общественных зол, тогда как более половины (51,7 % респондентов) считают себя активными сторонниками рынка, а одна треть пытается к нему приспособиться. Более того, каждый пятый опрошенный указал, что владеет ценными бумагами, а каждый десятый – что имеет от владения ими солидные дивиденды.

– достаточно высокий уровень материальной обеспеченности и соответствующий активный тип потребительского поведения: молодежь, судя по ее ответам, превосходит почти в два раза более старших респондентов по удельному весу тех, кто владеет акциями и ценными бумагами (соответственно 21,5 и 12,8 %), среди молодых в четыре раза больше тех, кто владеет акциями, обеспечивающими им солидные дивиденды. Молодые респонденты в своем потребительском поведении чаще пользуются современными продуктами, услугами и технологиями [1, с. 52].

Также проведенное исследование выявило ряд факторов и явлений социальной жизни, оказывающих тормозящее воздействие на социальную активность студенческой молодежи и предопределивших их социальную пассивность в управлении вузом:

– транзитивность молодежного статуса, его временный характер, что обусловлено так называемой упорядоченной, органической маргинальностью, которая связана с процессом социализации, усвоения социального опыта и социальных ролей, обеспечивающих успешную интеграцию в существующую систему социальных отношений, или с выполнением непреложных обязанностей, необходимых для поддержания стабильности существующего государственного устройства (классическими типами маргиналов такого рода являются школьники, студенты, военнослужащие срочной службы). В условиях трансформационных изменений в реестр таких процессов социализации, усвоения социальных опыта и ролей, оказываются включены и те проявления, которые характерны не только для органической, но и для «классической» маргинальности [2, с. 172–174], при которой, в частности, происходит критериальная смена социальной структуры общества и которую отличает высокий уровень маргинальности, приобретающей относительно самостоятельный и зачастую устойчивый и самодовлеющий характер;

– подверженность в том числе и студенческой молодежи всепроникающему воздействию патерналистского синдрома [3, с. 82–83]. И хотя его воздействие на молодежь существенно

меньше, чем на другие группы социальной структуры российского общества, тем не менее основные его проявления присутствуют и в молодежной, в том числе и студенческой, среде;

– отношение к роли государства (более 2/3 респондентов оценивают ее как доминирующую и лишь каждый третий отдает предпочтение личной инициативе и активности) и ориентация на авторитарные формы политического устройства (либеральные и социально-рыночные модели предпочитает около 30 %, тогда как рыночно-национальный и ретроавтаркичный – почти 2/3);

– авторитарная социализация, условия воспитания в родительской семье: лишь один из четырех воспитывался в равноправно-демократической среде, тогда как 3/4 – в атмосфере авторитаризма и патерналистского стиля отношений;

– невысокая нацеленность на активное социальное продвижение: менее 40 % молодых респондентов оптимистично оценивают свои шансы на рост социально-профессионального статуса, тогда как более 50 % не испытывают по этому поводу оптимизма и оценивают свои шансы как средние;

– низкая готовность к самостоятельному материальному обеспечению: почти 3/4 рассчитывают на помощь родных и близких и только четверть готова к самостоятельному поддержанию своего материального статуса;

– высокая нуждаемость в социальной помощи: в ней нуждается более 40 % молодых горожан, особенно продолжающих обучение;

– противоречивое отношение к рыночному укладу современного общества: при высоком (более 2/3 респондентов) вербальном приятии рынка почти 40 % не смогли к нему приспособиться;

– относительно высокий (по сравнению с более старшими возрастными группами) уровень распространенности эгалитаристских настроений и относительно низкий – признающих социальное многообразие (эгалитаристы – 40,4 %, социал-дифференты – 47,6 %);

– ориентация в своих политических интенциях на те типы государственного устройства, которые предполагают высокую степень государственного участия, обеспечивающего пассивно-потребительскую роль населения (таких доминирующее большинство – 81,4 %);

– высокая релятивность жизненных норм и ценностей и низкий уровень законопослушания: более 40 % не считают возможным достижения жизненного успеха, не нарушая законов и нравственных норм, противоположную точку зрения разделяет примерно такое же количество респондентов;

– пассивное отношение к самоуправлению, ожидание помощи от официальных управленческих структур (47,7 % опрошенных считают, что самоуправление станет возможным, если это будет санкционировано вышестоящими инстанциями) [4, с. 421–422];

– доминирование в структуре ценностных ориентаций традиционных ценностей (семья, достаток, друзья, жизненный комфорт, стабильное положение, уверенность в завтрашнем дне);

– сдвиг на периферию ценностей социального активизма (собственное прибыльное дело, карьера, развитие и реализация способностей, достижения в работе, возможность заниматься творчеством);

– преобладание в структуре досугового поведения молодежи компенсационно-развлекательного и потребительского к нему отношения (потребительские простые виды досуга, игнорирование занятий, требующих интеллектуальных усилий, предпочтение культурным занятиям поверхностного, сиюминутного общения, ограниченного отдыхом или развлечениями;

– лимитированный, сниженный как по интенсивности, так и по содержанию уровень социальной и политической активности: низкий интерес к политике (мнение 60 % респондентов), слабая информированность о политической жизни в стране и городе (более 55 % не имеют по этому поводу собст-

венного мнения), принципиально негативное отношение к участию в общественной жизни;

– слабая интегрированность молодежи в городскую социум: невысокий уровень идентификации с городом (примерно половина не считает себя включенными в городскую жизнь), слабая информированность о городской жизни (хорошо осведомлен лишь каждый десятый).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что, хотя вектор направленности молодежной субстраты отличается продвижением в сторону притяжения реалий современного общественного развития, в силу указанных выше причин и особенно проникающего воздействия такого доминантного процесса, как синдром патернализма, в молодежной субкультуре весьма сильны проявления атавизмов традиционного общества, хотя и в существенно меньшей степени, чем в других социальных стратах, что препятствует достижению того уровня, который необходим для качественного преобразования общества. Следует признать, что в силу изложенных обстоятельств развитие студенческого самоуправления носит ограниченный и презенталистский характер, вследствие чего социальная самореализация студентов, выходящая за рамки учебного процесса, в основном аккумулируется в тех или иных формах досуговой деятельности и именно в этом качестве воспринимается ими как канал социальной активности. Готовность же к участию в управлении вузом, в частности в формах студенческого самоуправления, проявляется лишь на вербальном уровне, не переходя на деятельностный. Не в последнюю очередь это связано с теми обстоятельствами, которые обусловлены подверженностью молодежного сообщества, в том числе и студенчества, социокультурной инерции, стереотипам прошлого, воспроизводящим его (прошлого) стандарты и ценности, транслирующие ретропатерналистские традиции российского общества и проявляющиеся в соответствующих формах социального поведения.

Список литературы

1. Оберемко О. Кого мы называем «Люди–XXI» // Социальная реальность. – 2008. – № 3. – С. 42–52, 61–65.

2. Парк Р.Э. Культурный конфликт и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. – 1998. – № 2. – С. 172–175.

3. Разинский Г.В. Патернализм: структурные характеристики // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: материалы XI Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения З.И. Файнбурга. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2012. – С. 82–85.

4. Разинский Г.В. Социальная активность городского социума как объект региональной социальной политики // Социокультурное развитие Большого Урала: тренды, проблемы, перспективы: материалы XX Урал. социол. чтений. – Екатеринбург, 2015. – С. 421–424.

Разинский Геннадий Вениаминович – ст. научный сотрудник, завлабораторией социологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: benyoma@mail.ru.

А.В. Рыбьякова

**ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСА СТУДЕНТОВ
ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ)**

Рассмотрение факторов, влияющих на политическую активность молодежи, способствует пониманию восприятия власти глазами молодежи, ее вовлеченности в политическую жизнь общества, что является необходимым условием для формирования адекватной молодежной политики. Выделение типов политической активности студенческой молодежи позволяет определить уровень заинтересованности и участия молодого поколения в политической жизни общества.

Ключевые слова: доверие органам власти, политическая активность молодежи и ее типы, тип политически активных, тип политически индифферентных.

A.V. Rybiakova

**THE FACTORIAL ANALYSIS
OF POLITICAL ACTIVITY OF YOUTH
(RESULTS OF THE STUDENTS POLL
OF PHARMACEUTICAL ACADEMY)**

Consideration of the factors influencing political activity of youth promotes to understand of perception of the power by youth, participation of youth in political life of society. It is a necessary condition for formation of adequate youth policy. Definition of types of political activity of youth allows to determine the level of interest and participation of youth in political life of society.

Keywords: trust to authorities, political activity of youth and its types, type politically active, type of politically indifferent.

Необходимым условием для формирования адекватной молодежной политики, отвечающей требованиям современного поколения и способствующей росту заинтересованности и вовлеченности молодежи в политическую жизнь общества, явля-

ется понимание о том, как молодежь воспринимает власть, определение не столько уровня политической активности молодежи, сколько факторов, оказывающих влияние на эту активность. Как говорил З. Бауман, «чтобы побудить сообщество к согласованным действиям, сначала нужно убедить его в том, что у него есть общая судьба и общие интересы» [1, с. 182].

Современная Россия – общество переходного типа. Провозглашение идей демократии: развитое гражданское общество, предполагающее активное участие граждан в жизни общества, равенство возможностей – всё это находится на стадии становления. Население России, особенно его передовая часть – молодежь (студенчество в частности), не осознает себя в качестве одного из важнейших рычагов влияния на власть, проявляя пассивность в политической жизни общества и не торопясь брать на себя ответственность за судьбу страны. Привлечь молодежь к участию в политике, сфокусировать ее свежий взгляд на решении проблем государства, сформировать желание открыто высказывать свое мнение – приоритетные задачи молодежной политики.

Факторный анализ политической активности студенческой молодежи позволит внести ясность в понимание данной проблемы. Более подробно рассмотреть факторы, влияющие на политическую активность молодого поколения, нам помогут данные социологического исследования, проведенного в Пермской государственной фармацевтической академии¹.

¹ Исследование проведено автором в 2011 году. Выборку составили 612 студентов молодого возраста, которых можно разделить примерно на четыре равные возрастные когорты: до 20 лет, 20–22 года, 23–25 лет, старше 25 лет. Средний возраст опрошенных 23,7 года. По гендерному составу основная масса респондентов (согласно существующей специфике фармацевтических вузов) девушки (94,3 %). Уровень материального благосостояния большинства опрошенных выше среднего (61,9 %), каждого четвертого – ниже среднего; на долю респондентов с высоким и низким уровнями материального благополучия приходится по 6 % опрошенных. По национальной принадлежности

Итак, практически половину опрошенной молодежи (44,4 %) можно отнести к типу политически индифферентных, т.е. лицам, чей интерес к политике отсутствует или появляется только в случае экстренных обстоятельств; когда участие в выборах воспринимается ими либо как обязанность, которую нужно выполнять (потому что так делает большинство), либо как бесполезная трата времени («мой голос ни на что не влияет»); отсутствует ориентация на участие в митингах, демонстрациях или других акциях протеста против ухудшения условий жизни.

Число политически активной молодежи составляет лишь 14,9 %. Сюда можно отнести респондентов, интересующихся политикой; рассматривающих участие в выборах в качестве возможности влияния на власть и судьбу страны; готовых к участию в митингах, демонстрациях или других акциях протеста против ухудшения условий жизни.

Остальные респонденты принадлежат к смешанному типу, когда одновременно присутствуют характеристики двух типов. Наполняемость смешанного типа еще раз свидетельствует о неопределенности позиции преобладающего числа молодежи в политической сфере, размытости ее социально-политических взглядов.

Обращая внимание на типы политической активности молодежи, можно увидеть гендерную специфику, выражающуюся в меньшей вовлеченности женщин в политическую жизнь общества. Возможно, это объясняется исторической спецификой госу-

преобладающее число респондентов (72,9 %) русские; 14,1 % опрошенных представители тюркских народов (татары, башкиры, чуваша, казахи); 8,5 % – представители финно-угорских народов (удмурты, коми-пермяки, марийцы, мордва). Иные народы малочисленны (в сумме составляют 2,0 % от всего массива) – это украинцы, белорусы, аварцы, грузины, буряты, евреи, чеченцы. Больше половины опрошенных (57,5 %) не являются коренными жителями Перми, что позволяет характеризовать выборку как более разностороннюю, без ссылки на определенную географическую специфику.

дарства, традиционным распределением ролей, включая и психологические особенности женщин, как менее склонных к риску.

Кроме того, следует отметить и низкую занятость женщин в сфере политики: на общегосударственном уровне насчитывается лишь 6,3 % женщин (против 8,7 % мужчин), занятых в государственном управлении и обеспечении военной безопасности; социальном страховании². Можно сказать, что политическая власть в России имеет «мужское лицо», когда каналы рекрутирования женщин во власть считаются открытыми, однако желание женщин двигаться в этом направлении крайне слабо [2].

Интерес вызывает возрастной срез политически активного населения: по мере увеличения возраста число политически активных снижается и нарастает индифферентность политических взглядов. Данная тенденция является характерной как для мужчин, так и для женщин. При этом наиболее активны в политической сфере мужчины в более раннем возрасте (до 20 лет), когда, несмотря на большую выраженность политических взглядов, можно отметить некое идеальное восприятие политики, не всегда находящее свое отражение в поведенческой активности молодежи.

Рассматривая семейное положение как фактор политической активности, мы приходим к выводу, что оно может оказывать двойственное влияние. С одной стороны, неустроенность личной жизни молодежи может породить более высокую политическую активность по сравнению с холостой молодежью и

² Хотя данный показатель вырос по сравнению с 2005 годом (с 5,5 %), всё же для женщин более характерна занятость в таких сферах, как оптовая и розничная торговля (20,2 % женщин и 12,1 % мужчин); образование (15,4 % женщин и 3,4 % мужчин); а также здравоохранение и предоставление социальных услуг (соответственно 13,0 и 3,2 %). Для мужчин более характерной остается занятость в обрабатывающем производстве (17,7 % мужчин против 12,2 % женщин), транспорте и связи (соответственно 13,4 и 5,2 %), а также строительстве (12,2 % мужчин и лишь 2,2 % женщин).

состоящей в зарегистрированном браке. С другой стороны, политическую активность может породить и сама стабильность семейных отношений.

Обращая внимание на влияние национальной принадлежности, отметим приверженность большинства русского населения политически индифферентному типу, когда активность в политической жизни общества проявляет лишь каждый четвертый опрошенный. Среди представителей тюркских народов политически активным является лишь каждый десятый респондент, преобладающее большинство также выражают индифферентность взглядов. Представители финно-угорских народов являются более политически активными: каждый третий опрошенный интересуется политикой, рассматривает выборы в качестве действенного механизма влияния на власть и готов принять участие в митингах, демонстрациях, акциях протеста против ухудшения условий жизни.

Рассуждая о влиянии религиозного фактора, обратим внимание на более высокую политическую активность среди респондентов, относящих себя к числу верующих (не реже раза в год посещающих церковь, храм, мечеть и читающих религиозную литературу (Евангелие, Коран)). Так, каждый третий представитель данного религиозноподобного типа является политически активным.

Среди респондентов, не относящих себя к числу верующих, не посещающих церковь, храм, мечеть и никогда не читающих религиозной литературы (нерелигиозный тип), политическая активность наблюдается лишь у каждого десятого опрошенного. Для 87,0 % опрошенных данного типа характерна индифферентность политических взглядов.

Принимая во внимание экономическую составляющую, отметим, что представители политически индифферентного типа отличаются более высоким уровнем материального положения (по сравнению с политически активными респондентами) и чаще являются собственниками жилья, при этом форми-

рование их бюджета зависит преимущественно от личных усилий. Получается, лица, отличающиеся большей экономической состоятельностью, характеризуются и большей политической беспечностью, особенно ярко это проявляется среди женщин.

В целом, политическая активность молодежи, и студенчества в частности, носит преимущественно пассивный характер. Число состоящих или желающих вступить в какие-либо политические организации невысоко [3]. Несмотря на то, что основная масса опрошенных отмечает недостаточную реализацию принципов социальной справедливости в проводимой государством политике, лишь каждый четвертый опрошенный согласен участвовать в митингах и демонстрациях, а каждый третий респондент ограничился бы подписью под петициями, требованиями, не стали бы принимать участие ни в каких акциях социального протеста 41 % опрошенных [4].

Больше половины россиян молодого возраста не интересуются политикой как таковой [5], высока доля тех, кто считает свой голос незначимым.

Среди молодежи преобладает критическое отношение к органам государственной власти. Из известных политических деятелей пользуется доверием половины россиян лишь президент Российской Федерации В.В. Путин, чего нельзя сказать о других видных политиках (В.В. Жириновском, Д.В. Медведеве, Г.А. Зюганове, С.К. Шойгу и др.), которым доверяет только каждый десятый россиянин [6].

По нашему мнению, одной из главных причин низкой вовлеченности молодежи в политическую жизнь общества является именно отсутствие заинтересованности в проводимой государством политике, непонимание своей роли в политической жизни общества. Возможно, поэтому политические ценности занимают периферийное положение в общей структуре жизненных ценностей молодежи.

Факторный анализ политической активности студенческой молодежи показывает многогранность данного явления,

когда важным становится выявление влияния не только социально-демографических характеристик активности молодого поколения в политической жизни общества, но и экономической укорененности данного явления.

Список литературы

1. Филиппова Е.И. (Не)возможность острова? Корсиканское движение: от регионализма к сепаратизму (1960–2010) // Этничность и религия в современных конфликтах / ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2012. – С. 150–202.

2. Труд и занятость в России [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – М., 2013. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_36/Main.htm.

3. Пресс-выпуск № 1957. Студенты профессиональных учреждений – о своем будущем трудоустройстве [Электронный ресурс] / ВЦИОМ: Всероссийский центр изучения общественного мнения. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112502>.

4. Если бы Вам требовалась защищать свои интересы, то в каких акциях массового протеста Вы готовы принять участие? [Электронный ресурс] // База данных ВЦИОМ: Всерос. центр изучения общественного мнения. – URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=718&q_id=51970&date=27.03.2011.

5. Харина Ю. Молодежь вне политики [Электронный ресурс] / ВЦИОМ: Всероссийский центр изучения общественного мнения. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=12104>.

6. Доверие политикам [Электронный ресурс] / ВЦИОМ: Всерос. центр изучения общественного мнения. – URL: http://wciom.ru/news/ratings/doverie_politikam.

Рыбьякова Анастасия Владимировна – ассистент Пермской государственной фармацевтической академии, e-mail: a.nastasi.a@mail.ru.

Г.И. Селеткова

**МОТИВАЦИЯ УЧАСТИЯ
В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ**

Рассматривается мотивация выбора предпринимательской деятельности и социально-профессиональная идентификация. Анализируя мотивы выбора предпринимательской деятельности, можно сказать, что предпринимательство воспринимается как средство обеспечения благоприятных условий жизни для себя и своей семьи и частично – средство самореализации. В России, как и в США и Западной Европе, наиболее часто предпринимательскую деятельность выбирают из-за стремления к личной независимости, самореализации, решению интересных задач, но в России больше «вынужденных» предпринимателей, которые выбрали данную деятельность «по необходимости».

Ключевые слова: социально-профессиональная идентификация, предприниматель, предпринимательство, руководитель, мотив.

G.I. Seletkova

**MOTIVATION FOR PARTICIPATION
IN THE BUSINESS AND SOCIO-PROFESSIONAL
IDENTIFICATION OF ENTREPRENEURS**

The article deals with the motivation of choice of business and socio-professional identification. Analysing the motives of choice of business we can say that entrepreneurship is seen as a means of providing favorable living conditions for themselves and their families, and partly – a means of self-realization. In Russia as well as in the US and Western Europe, the most frequently chosen business activity because of the desire for personal independence, self-realization, solving interesting problems, but Russia is more “internally” entrepreneurs, who chose “as needed” this activity.

Keywords: social and professional identification, entrepreneur, business, manager, motive.

В научном мире нет четкого, однозначного определения дефиниций предпринимательства, возможно, это объясняется тем, что роль предпринимателя в мире в историческом аспек-

те, несомненно, изменяется, равно как меняется и представление о нем, и содержание данного понятия. Предпринимательство идентифицируют как деятельность, связанную с риском (Р. Кантильон, И. Тюнен, Ф. Найт и др.) [1], как комбинирование факторов производства (Ж.Б. Сэй, А. Маршалл и др.) [2], как воспроизведение инноваций (И. Шумпетер и др.) [3] или как особый тип управления (П. Друкер, Б. Карлофф, Б. Санто и др.) [4]. Современный тип экономики требует от предпринимателей проницательности, «мудрости», которые позволяли бы оценить экономический эффект от инноваций. По мнению Э. Фелпса, предпринимателю необходимо воображение, «пытающееся продумать последствия альтернативных цепочек действия» [5, с. 24], но это не то же самое, что инновационность. Согласно Э. Фелпсу, роль предпринимателей выражается в отборе и поиске инноваций, которые в будущем могут принести доход.

Социально-профессиональная идентификация предпринимателей может рассматривается как «один из механизмов социализации, в процессе которого усваиваются ценности, нормы, идеалы, образцы, модели поведения профессиональной группы и происходит освоение социально-профессиональной роли. Оно определяется оценкой и образа профессии, и профессиональной группы с точки зрения статусных позиций и качества деятельности данной профессиональной группы, ее ролью в функционировании общества, а также степенью соответствия идеального образа профессии реальной деятельности индивида» [6, с. 1537–1538]. Социально-профессиональную идентификацию можно рассматривать как «процесс отождествления себя с социально-профессиональной группой в социальном пространстве через социальное взаимодействие работника, организации, социально-профессиональной группы и общества, а также принятие отраженных оценок других» [7, с. 30].

В 2013–2014 годах было проведено исследование, посвященное изучению социально-профессиональной идентификации. В исследовании изучалась социально-профессиональная идентификация предпринимателей через изучение самоиден-

тификации предпринимателей и руководителей (экспертный опрос) и внешней идентификации (опрос других групп населения: рабочие, служащие, специалисты, студенты о предпринимателях и руководителях). В ходе исследования опрошено 902 респондента. При проведении исследования применялся квотный метод формирования выборки, поэтому данное исследование позволяет определить основные тенденции социально-профессиональной идентификации, но не может претендовать на всеобщую характеристику ситуации.

О социально-профессиональной идентификации респондентов можно судить по мотивации их участия в предпринимательской деятельности, которая выступает своего рода базово-фоновой характеристикой обследуемой общности.

Предприниматели чаще мотивируют свое участие в предпринимательской деятельности стремлением обеспечить материальную безопасность себе и своей семье, перспективой заработать, а также стремлением к независимости в своей деятельности (по 26,1 % от количества респондентов), также важным мотивом выбора предпринимательской деятельности является работа на себя (19,3 % от количества респондентов), возможность самореализации, полное использование своего потенциала (18,2 % от количества респондентов). Предприниматели в качестве мотива отмечают и свободу: свободное время, гибкий график (4,5 % от количества респондентов), свободу творчества (3,4 % от количества респондентов). Среди опрошенных есть респонденты, которые начали заниматься предпринимательством вынужденно, потому что так сложились обстоятельства (7,9 %).

Согласно данным исследования «Инновационный и предпринимательский потенциал общества» половина опрошенных, предпочитающих стать самозанятыми, создать свой бизнес, выбирают экономический мотив (перспективы более высоких доходов) (50 %). Более половины опрошенных выбирают предпринимательскую деятельность из-за стремления к личной независимости, самореализации, решению интересных задач (66 %).

Также выбор предпринимательской деятельности обусловлен свободой выбора места и времени (37 %), получением статуса, возможностей, связанных с бизнесом (28 %) [8, с. 15–17].

Из исследования следует, что предпринимательство воспринимается как средство обеспечения благоприятных условий жизни для себя и своей семьи и частично – средство самореализации. Подобные причины выбора предпринимательской деятельности вполне соответствуют целям предпринимательства как вида деятельности, которая осуществляется посредством активной, самостоятельной, инновационной практики, ориентированной на получение прибыли. Руководители чаще мотивируют выбор руководящей деятельности самореализацией (29,5 % от количества респондентов), также руководители отмечают, что им нравится руководящая деятельность (20,5 % от количества респондентов). При этом для руководителей важна и возможность заработать, повысить материальное положение (14,1 % от количества респондентов). Для руководителей их деятельность выступает средством самореализации и средством повышения материального положения.

Отметим, что в России, как и в США и Западной Европе, наиболее предпринимательскую деятельность выбирают из-за стремления к личной независимости, самореализации, решению интересных задач. Однако в США и Западной Европе на втором месте идет свобода в выборе места и времени работы, гибкий график работы, на третьем месте перспектива более высоких доходов. В России, Венгрии, Польше чаще выбирают экономические мотивы, чем в США и Западной Европе [8, 9]. Таким образом, в России больше «вынужденных» предпринимателей, которые выбрали данную деятельность «по необходимости».

Список литературы

1. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль. – М.: Дело, 2003. – 360 с.
2. Сэй Ж.-Б. Трактат по политической экономии. – М.: Дело, 2000.

3. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия – М.: Эксмо, 2007. – 861 с.
4. Друкер П. Эффективное управление: экон. задачи и оптим. решения. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1998. – 285 с.
5. Фелпс Э. Массовое процветание. Как низовые инновации стали источником рабочих мест, новых возможностей и изменений / пер. с англ. Д. Кралечкина; науч. ред. перевода А. Смирнов; Фонд «Либеральная миссия». – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. – 472 с.
6. Селеткова Г.И. Социально-профессиональная самоидентификация предпринимателей и руководителей // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2 (ч. 7). – С. 1537–1541.
7. Селеткова Г.И. Оценка социального статуса предпринимателей и руководителей населением (на примере Пермского края) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2016. – № 1. – С. 29–37.
8. Инновационный и предпринимательский потенциал общества [Электронный ресурс] // Исследование «Левада-Центра» по заказу ЦМИ. – URL: <https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/.../1/IPPS.pdf>.
9. General population survey “Entrepreneurship survey among the general population in the 27 Member States, the US, EFTA countries, Croatia, Turkey, Japan, South Korea and China” was conducted for the European Commission, DG Enterprise and Industry E/1: Entrepreneurship. – URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_283_en.pdf.

Селеткова Гюзель Ильясовна – ассистент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: socio@pstu.ru.

Н.С. Смольников

НАУКА О СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Дается толкование социологии как науки, изучающей не всё общество, а лишь социальную форму его жизни, образующие ее разновидности. Раскрывается своеобразие и общественное значение социальной жизни. Рассматриваются особенности социологической эпистемологии, двойственность ее субъективности и пути преодоления последней.

Ключевые слова: социальная форма жизни, объект социологии, предмет социологии, разновидности социальной жизни, структура социологического знания, субъективность социологического познания.

N.S. Smolnikov

THE SCIENCE OF SOCIAL LIFE

Given the interpretation of sociology as a science that studies not the whole of society, but only the social form of his life, forming its species. It reveals the distinctiveness and public value of social life. Discusses the features of sociological epistemology, the duality of her subjectivity and the ways of overcoming the latter.

Key words: social form of life, object of sociology, subject of sociology, social life species, structure of sociological knowledge, subjectivity of sociological knowledge.

В обществоведении сложилась ситуация, когда одна из изучающих общество наук толкуется не только по-разному, но и, по нашему мнению, ошибочно. Речь идет о социологии. В наше время ученые полагают, что эта наука изучает *общество в целом*. При этом одни из них (укажем лишь с наиболее характерными взглядами на социологию) к тому же считают, что она акцентирует внимание на исследовании социальных общностей, охватывающих «все возможные состояния и формы бытия человеческих индивидов» [1, с. 33], а другие – на постижении любого явления «только с позиции его связи с

обществом» [2, с. 11]. Таким образом, определения социологии даются путем выделения (актуализации) разных характеристик общественного: сферы его распространения, субъектов его осуществления, аспекта его рассмотрения.

Расхождение взглядов ученых на социологию возникает в результате признания одной частью их макросоциологической, а другой – микросоциологической парадигмы. Согласно им, общество предстает (и изучается) либо только как действия стратифицированных общностей, функционирующих в нем институтов, либо лишь как поведение отдельных людей. Они представляют собой «два совершенно разных подхода к определению социологии» [4, с. 5]. Рассматривается социология и как наука, руководствующаяся обеими парадигмами. Признание теоретической дуалистичности (двойственности) социологии используется для рассмотрения ее как науки с двойным статусом, для того чтобы считать ее социально-гуманитарной наукой [2, с. 8].

То, что изучается социологией, чаще всего именуется ее предметом. Однако правильнее называть это ее *объектом*. Чтобы ответить на вопрос, что изучает социология, надо указать на ту объективную реальность, которая познается ученым. Тогда как предмет социологии – это добытое ученым *знание* об этой реальности, уразумение им того, что она собой представляет.

На наш взгляд, приведенные примеры характерных толкований социологии не дают правильного представления о том, что изучает эта наука. Объектом социологии является не все общество (науки, изучающей все общество, вообще нет), а только одна из форм жизни людей в нем – *социальная*, которую принято рассматривать наряду с экономической, политической и идеологической формами их жизни. Признание этого есть в литературе. Например: «социология выделилась в специальную дисциплину, которая сосредоточилась на изучении

социальной сферы»¹ [2, с. 11]. Характерно, что только она не имеет официально изучающей ее науки.

Из сказанного следует, что социология изучает не *все* общности, а только те, которые ведут социальную жизнь. Объектом социологии является социальная реальность, а не аспект ее рассмотрения. Прежде чем иметь особый взгляд на изучаемое, надо определиться с тем, что познается.

Следует особо отметить, что социологию нельзя считать и социально-гуманитарной наукой. Социальная наука (какой является социология) и гуманитарная наука различаются изучаемыми объектами. У первой он представляет собой выявляемую ученым объективную социальную активность всех проявляющих себя в ней субъектов, у второй – всевозможное субъективное поведение индивидов.

Социальную жизнь общества социология изучает в связи с другими формами его жизни и как испытывающую их влияние, и как обеспечивающую их существование.

Социальная жизнь людей, по нашему мнению, заключается в работе людей, состоящей в преобразовании природы и производстве необходимых для удовлетворения их потребностей материальных и духовных благ, в выполнении всевозможных услуг, в бытосуговой деятельности и гендерных, возрастных, этнических, семейных, поселенческих взаимоотношениях (подробнее о каждой разновидности социальной жизни – см. [5, с. 183–189]). Эти особенности людей имеют или естественное происхождение (половые, возрастные, расовые и этнические), или искусственное – возникшие в начале исторического формирования человека (все остальные).

¹ Однако цитируемые ученые непоследовательны и считают, что социология «изучает не какую-то одну сторону или сферу общества, а всё общество» [3, с. 187]. К тому же социальную жизнь правильнее рассматривать как форму, а не как сферу бытия людей. Сфера указывает на пределы пространственного распространения социальной жизни, а форма – на ее содержательные особенности. В ней выражается специфика социальной жизни.

Ведение социальной жизни отвечает смыслу бытия людей. Осуществление ее позволяет им сохранять человеческую идентичность, соответствовать своей человеческой природе. Социальная жизнь на протяжении всей истории и в обозримом будущем останется идентификационной матрицей, сообразуясь с которой они жили и будут жить.

Следует отметить особенности социальной жизни:

– Она *исторически первична*. Указанные разновидности этой жизни появляются у людей в глубокой древности, в пору оформления их человеческой природы. Уже на ее почве у них со временем возникают экономическая, политическая и идеологическая жизнь.

– Социальная жизнь *адекватна* человеческой природе, есть ее выражение в действительности².

– Социальная жизнь *необходима* для людей, без нее их бытие просто невозможно.

– И среди других форм жизни людей социальная жизнь *основная*, потому что только она является действительной их жизнью, а те существуют ради нее.

– Социальная жизнь – *базовая* для других форм жизни общества, они возникают в связи с ней, посредством ее.

– Социальная жизнь *повседневна*, ею люди, в отличие от социетальной жизнедеятельности, занимаются постоянно.

– Социальная жизнь – источник *саморазвития* общества, так как именно социальные потребности людей являются первопричиной постоянного обновления производительных сил, благодаря которым происходит историческое развитие.

Надо подчеркнуть принципиальную разницу между социетальными формами жизни людей и социальной их жизнью. Если экономические отношения людей осуществляются по

² Человеческая природа, оставаясь по составу своих признаков неизменной, изменяется в результате совершенствования в ходе исторической эволюции содержания этих признаков.

поводу собственности на средства производства, политические – по поводу существующей государственной власти, идеологические – по поводу их представлений о желаемом обществе, то социальные действия и взаимоотношения людей осуществляются в процессе ведущейся ими жизни, социальной активностью обеспечивается воспроизводство человеческого рода. Социальная жизнь и есть действительная жизнь людей, а социетальные формы их жизни всего лишь способствуют (или препятствуют) ведению этой жизни.

Важно отметить и то, что социальная жизнь существует благодаря преимущественно культурному (в полном соответствии с принятыми в обществе стандартами) ее осуществлению людьми.

Характеризующие социальную жизнь знания – это дающие о ней представление теоретические, эмпирические и прикладные знания или теоретическая, эмпирическая и прикладная социология. При этом теоретическая включает в себя общую и частные теории, эмпирическая – конкретно-социологические исследования и делаемые на их основе первичные (эмпирические) обобщения, прикладная – специальные теории и обслуживающие их эмпирические исследования³ [6].

Общая социологическая теория – это знания о сущности социальной жизни, ее общественном значении. Частные – знания разновидностей социальной жизни (трудовой, гендерной, семейной и др.), их роли в общественной жизни. Эмпирическая социология дает представление о социальных действиях и взаимоотношениях людей⁴. И добываются теоретической и эмпирической социологией знания о социальной жизни с использованием раз-

³ Однако к специальным теориям зачастую относят и многие частные.

⁴ Знание, добываемое теоретической и эмпирической социологией, не соответствует знанию о предметных зонах социологии, разрабатываемых, как думается, в связи с признанием ее наукой, опирающейся в изучении общества на две указанные социологические парадигмы.

ных методов, приемов ее изучения – логико-теоретических рассуждений и конкретно-социологических исследований.

Мы не видим в этом якобы присущих социологической эпистемологии особенностей: теоретическим и эмпирически-м изучением общества занимается не только социология, но и каждая изучающая его наука. Нынешняя эмпирическая социология, по сути, является эмпирической частью и этих наук.

Особенность социологического познания в том, что социальная жизнь изучается главным образом посредством *объяснения* социальной активности ведущих ее субъектов (общностей, людей) и тем самым получения ответа на вопрос, почему они действуют и поступают так, а не иначе.

Социология – социальная, а не социально-гуманитарная наука и не занимается *пониманием* субъективного поведения индивидов. Эмпирически она выясняет цели, мотивы, смыслы действий людей как усредненные, как характерные (типичные) для разных их групп. В связи с этим процедура группировки респондентских мнений не связана с их интерпретацией в процессе собственно эмпирических исследований.

Что касается широко изучаемых эмпирической социологией ценностных ориентаций людей (предпочитаемых ими ценностей), то следует подчеркнуть, что главным для нее является «элиминирование от ценностей» [2, с. 8].

Особенность социологической эпистемологии принято усматривать в ее *субъективности*, которая считается обязательным ее свойством. Основанием для этого служит то, что социология изучает сознательно осуществляемые действия людей и то, что социолог является частью познаваемого им общества и имеет экономические интересы, политические симпатии, мировоззренческие и нравственные убеждения, идеологические представления, делающие его субъективным.

Для социологического познания действительно характерна двоякая субъективность: и объекта, и субъекта. Но и та и другая не могут считаться неперенными для них, и не только как не-

преодолеваемые, но и как необходимые им – позволяющие добиваться действительного знания социальной реальности. В связи с таким пониманием социологической эпистемологии важным достижением ее признается постижение индивидуального смысла действий людей путем эмпатии, интуиций ученого (с помощью которых он может проникать в духовный мир человека) или посредством объективизации субъективности («субъективность рефлектируется, сама становится объектом», так что «познание перестает быть субъективным»)⁵ [7, с. 60]).

Но задача социологической науки в том, чтобы добиваться *объективных* знаний об изучаемой ею социальной жизни, и потому субъективность объекта и субъекта следует всячески минимизировать. В частности, у изучаемых объектов – путем актуализации выяснения объективных причин и смыслов действий людей. Смысл можно рассматривать как назначение вещей, человеческих поступков (для чего, зачем они существуют, осуществляются?). Смысл им придается не только индивидом, но и обществом. И потому может быть и зависящим, и не зависящим от человека. И в последнем случае постигается посредством не понимания, а объяснения его. Выяснение объективного смысла социальных действий людей не связано с интерпретацией субъективных (индивидуальных) суждений респондентов.

Субъективность ученого не должна находить выражение в собственно социологическом исследовании. Она уместна за его пределами, в заключительной части работы при подведении ее итогов. Добывание ученым достоверных знаний об изучаемых социальных явлениях и выражение им своего мнения о них несовместимы. Это разные этапы его научного исследования.

⁵ Согласно такому представлению «объективность (в социологии) есть осознанная субъективность» [7, с. 249], т.е. сводится только к объективной истине и игнорируется как независимая от сознания человека социальная активность людей.

Список литературы

1. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. – М.: Добросвет, 1998. – 596 с.
2. Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 624 с.
3. Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: в 15 т. Т. 1. Теория и методология. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 905 с.
4. Ядов В.А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. – 1990. – № 2.
5. Смольников Н.С. О предмете социологии // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2014. – № 2(23). – С. 177–192.
6. Бобосов Е.М. Прикладная социология: учеб. пособие для вузов. – Минск: Тетра-Системс, 2000. – 469 с.
7. Дудина В.И. Социологический метод: от классической к постнеклассической точке зрения // Журнал социологии и соц. антропологии. – 1999. – Т. II, № 3. – С. 57–65.

Смольников Натан Сергеевич – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: makipr@ya.ru.

В.Н. Стегний

ФАКТОРЫ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ РАЗВИТИЮ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

На основе результатов конкретно-социологического исследования рассматривается состояние студенческого самоуправления в национальном исследовательском политехническом университете, его место и роль в системе управления в вузе. Анализируются три группы факторов, от которых зависит функционирование студенческого самоуправления. Первая группа – факторы макросреды, относящиеся к управлению образованием: Министерство образования и науки, деятельность различного рода департаментов, комитетов, комиссий, советов. Вторая группа – факторы микросреды, куда относится деятельность не только региональных, муниципальных институтов образования, но и, прежде всего, функционирование системы управления в вузе, роль в этом процессе студентов. Третья группа – факторы, непосредственно касающиеся развития студенческого самоуправления в вузе.

Ключевые слова: студенты, студенческое самоуправление, факторы, влияющие на студенческое самоуправление в современном вузе.

V.N. Stegny

THE FACTORS HINDERING THE DEVELOPMENT STUDENT GOVERNMENT

On the basis of empirical sociological research examines the state of student government at national research Polytechnic University, its place and role in the system of management of the University. Analyzes three groups of factors that affect the functioning of student government. The first group of factors in the macro environment related to the management of education: Ministry of education and science, the activities of various departments, committees, commissions, and councils. The second group of factors of the microenvironment, which applies to the activities of regional, municipal institutions of education, and, above all, the functioning of the system of management of the University, a role in this process students. The third group – factors related to the development of student self-government directly to the University.

Keywords: students, student government, factors impacting on student self-governance in the modern University.

Управление системой образования в современном российском обществе относится к разряду самых неэффективных. Среди множества факторов, влияющих на качество образовательного процесса, управление и регулирование им занимает центральное место. Процесс бюрократизации образования зашел настолько глубоко, что сегодня у школы 144 проверяющие организации, по финансовым расчетам на одного обучающегося студента страна оказалась на 98-м месте в мире. Исходя из положения дел во всей системе высшего образования анализируем сегодняшнее состояние студенческого самоуправления в вузе. Социологическое исследование проводилось в 2015 году, в ходе него было опрошено 476 студентов. Кроме того, в 2014–2015 годах нами проводилось исследование среди преподавателей в Пермском национальном исследовательском политехническом университете, в ходе которого было опрошено 600 человек [1, с. 7–13].

Среди опрошенных нами студентов только 7,8 % участвуют в работе органов студенческого самоуправления, 34 % участвуют в общественной жизни вуза как зрители или рядовые участники, 55 % вообще нигде и никак не участвуют. То, что среди студентов только каждый десятый участвует в самоуправлении, показатель кризиса всей системы управления образованием в обществе. В новом уставе вуза исчезла категория *студент*, ее заменили на *обучающийся* – показатель не только непрофессионализма, но и ликвидации отечественной системы высшего образования. Если нет студента, то нет и системы студенческого самоуправления. Поэтому факторы, которые препятствуют развитию студенческого самоуправления, по значимости и содержанию можно разделить на несколько групп. Поскольку студенческое самоуправление возможно только в конкретной образовательной среде, в определенном социальном пространстве и социальном времени, то к *первой группе факторов* отнесем факторы *макросреды*, управление системой образования в целом, куда входит деятельность Министерства образования и деятельность разного рода

комитетов, занимающихся решением вопросов образования. Деятельность этих институтов выстроена сегодня на принципе *бюрократического централизма*. Они занимаются тем, что сверху спускают директивы, приказы, указы и т.д., не согласовывая их с вузами. Управление происходит в основном через Интернет и носит виртуальный характер.

Для решения проблемы нужна *новая модель образования*, основанная на принципах научности, социальной ориентированности, гуманизма, демократизма. Эта модель должна исходить из научной педагогической теории. К реализации ее следует привлечь специалистов педагогического и научно-педагогического сообщества. Управление системой образования должно опираться не только на *административное управление*, но и на *самоуправление*. Тогда принцип профессионализма в управлении образованием сверху заработает. Конечно, в юридические документы необходимо вернуть не только категорию «студент», но и студенческое самоуправление. Министерству, оставившему за собой только миссию *контроля сверху*, необходимо взаимодействовать свою деятельность с *самоконтролем снизу*. Тогда может получиться положительный результат. *Вывод*: самоуправление в системе управления образованием должно быть одним из его элементов, как и административное управление. Если в системе управления образованием на макроуровне нет институтов самоуправления, в которых бы участвовали студенты, то откуда оно будет в студенческой среде?

Вторая группа факторов – это факторы микроуровня, касающиеся функционирования коллектива вуза, развития в нем институтов самоуправления и участия в них самих преподавателей. Если преподаватели участвуют в самоуправлении вуза, то они вовлекают в эту деятельность и студентов. Если преподаватели не участвуют в ней, то чего ждать тогда от студентов? Наряду с этим в вузе должны быть развиты органы самоуправления. Реально в настоящее время в вузе остался только один институт самоуправления – это профсоюз.

Сегодня организационно-управленческую структуру вуза эффективной считает 31 % опрошенных преподавателей. На вопрос: «Удовлетворены ли преподаватели существующей структурой управления в вузе?» – были получены следующие ответы: 37 % удовлетворены, 37 % не вполне удовлетворены, 10 % не удовлетворены и 16 % не смогли определиться с ответом. Группа преподавателей, не удовлетворенных существующей структурой управления в вузе, преобладает над той группой, которая удовлетворена структурой управления. Следовательно, данной структурой управления не удовлетворены больше половины преподавателей среди опрошенных, что ставит вопрос об изменении данной структуры. Требования к вузу появились новые, а структура управления пока осталась прежняя. У преподавателей четко фиксируется определенный уровень удовлетворенности всеми сторонами жизнедеятельности вуза, что, безусловно, они связывают с функционирующей в нем системой управления [2, с. 7–14].

Преподаватели не только оценили эффективность системы управления в современном вузе, но и указали несколько путей ее совершенствования (табл. 1).

Таблица 1

Субъекты образовательных отношений,
наиболее активно влияющие на политику вуза, %

Субъект, влияющий на политику вуза	Виды деятельности					
	Прием студентов	Содержание учебных программ	Распределение денежных средств	Научная деятельность	Кадровая политика	Инновационная деятельность
Учредитель	14,0	16,0	19,0	6,0	10,0	11,0
Ректорат	26,0	12,0	56,0	18,0	43,0	38,0
Ученый совет вуза	4,0	11,0	7,0	33,0	14,0	25,0
Администрация факультета	31,0	9,0	26,0	11,0	29,0	9,0

Субъект, влияющий на политику вуза	Виды деятельности					
	Прием студентов	Содержание учебных программ	Распределение денежных средств	Научная деятельность	Кадровая политика	Инновационная деятельность
Ученый совет факультета	6,0	11,0	4,0	28,0	19,0	15,0
Руководители кафедр	17,0	35,0	20,0	46,0	39,0	16,0
Преподаватели	9,0	44,0	1,0	28,0	3,0	7,0
Профком	3,0	1,0	8,0	1,0	7,0	1,0
Студенты	14,0	2,0	2,0	10,0	1,0	3,0
Родители студентов	21,0	1,0	2,0	0,3	1,0	1,0
Работодатель	11,0	8,0	4,0	6,0	7,0	10,0
Министерство образования и науки	27,0	36,0	22,0	13,0	17,0	25,0

Ведущую роль в управлении функционированием вуза играют те субъекты образовательных отношений, которые наиболее активно влияют на его политику в основных сферах деятельности.

Учредитель наибольшее влияние оказывает на распределение денежных средств. На остальные сферы деятельности его влияние в два раза меньше, но оно есть.

Ректорат сильно влияет на распределение денежных средств, кадровую, инновационную политику, научную деятельность, на процесс приема студентов. Влияние ректората на основные сферы деятельности вуза в несколько раз сильнее, чем других субъектов образовательной деятельности. Так и должно быть, потому что он является центральным институтом в вузе.

Ученый совет вуза существенно влияет на научную деятельность и инновационную политику. На другие сферы деятельности вуза оказывает, хотя и небольшое, но вполне достаточное влияние.

Администрация факультета наиболее влиятельна в процессе приема студентов, в кадровой политике, распределении денежных средств. Влияние ее на другие сферы деятельности факультета в несколько раз меньше, но вполне достаточное.

Ученый совет факультета больше всего влияет на научную, инновационную, кадровую политику. На другие сферы деятельности факультета его влияние в несколько раз меньше.

Руководители кафедр наибольшее влияние оказывают на содержание учебных программ, научную и кадровую политику. Их влияние на прием студентов, распределение денежных средств, инновационную политику, хотя и меньше, чем на другие сферы деятельности, но весьма существенное.

Значительно влияние преподавателей на содержание учебных программ, научную деятельность. Влияние их на другие сферы жизнедеятельности есть, но весьма небольшое.

Что касается профкома, степень влияния его на все сферы деятельности крайне минимальная, что является показателем развития системы самоуправления в современном вузе.

Студенты частично влияют на прием студентов, научную деятельность, что касается других сфер деятельности, то здесь все крайне минимально или близко к нулю. Это их место и роль в настоящей системе управления вузом.

Влияние работодателя на сферы деятельности вуза есть, но оно крайне мало, хотя ничто так не двигает вперед образование и науку, как производство.

Роль Министерства образования и науки во всех сферах жизнедеятельности вуза весьма существенная, как и должно быть.

По степени влияния на политику развития вуза все субъекты можно разделить на три группы:

1-я группа – наиболее влиятельные: Министерство образования и науки, ректорат, администрация факультета, руководители кафедр;

2-я группа – менее влиятельная, чем первая: ученый совет вуза, ученый совет факультета, учредитель, преподаватели;

3-я группа – менее влиятельная, чем субъекты первых двух: работодатели, студенты, родители студентов, профком.

Следовательно, система управления современного вуза характеризуется доминированием в ней административного управления и абсолютной неразвитостью институтов самоуправления, тогда как именно они дают обратную связь не только от административной деятельности, но и от реализации стратегии, программ развития вуза. При этом в данной системе управления роль студентов самая минимальная, что, безусловно, определяет степень развития студенческого самоуправления в вузе. От этого фактора во многом зависит содержание студенческого самоуправления [3, с. 34–38], социальный состав тех, кто участвует в этом самоуправлении [4, с. 17–19] и, конечно, степень участия в этой деятельности студентов.

Третья группа факторов касается непосредственно функционирования студенческого самоуправления. Если группа реально участвующих в студенческом самоуправлении составляет всего 8 %, то это свидетельствует о том, что вузы имеют очень большой потенциал для совершенствования системы управления как коллектива в целом, так и одного из ее элементов – студенческого самоуправления. Конечно, здесь нужно заниматься не только изменением содержания, но и поиском новых форм студенческого самоуправления [5, с. 111–113]. Для массового развития студенческого самоуправления необходимо обратить особое внимание на следующие факторы, препятствующие его развитию.

Одна группа факторов связана со степенью готовности самих студентов участвовать в этой деятельности. Они считают, что развитию студенческого самоуправления в вузе препятствует пассивность самих студентов (82,8 %), недостаток навыков и умений для участия студентов в управлении вузом (25,8 %), доминирование авторитарных и консервативных тенденций в

управленческих структурах вуза (15,5 %), нежелание управленческих вузовских структур поделиться своими полномочиями со студенческой частью коллектива (14,5 %), отсутствие технологии и нехватка кадров для внедрения студенческого самоуправления (12,4 %), преобладание патерналистских и иждивенческих настроений в студенческой среде (9,7 %).

Другая группа факторов связана с созданием в вузе условий для развития данной деятельности. Студенты считают, что реальное студенческое самоуправление возможно в вузе при следующих условиях: если в нем будут заинтересованы сами студенты (74,2 %), если ректорат (деканат) дает такие возможности (47,7 %), если студенчество будет иметь реальное представительство в органах вузовского управления и право голоса при принятии тех или иных решений в вузовской жизни (32,6 %), если его будут поддерживать большинство студентов (28,2 %), если органы студенческого самоуправления будут располагать средствами на реализацию своих проектов и программ (24,6 %), если его будут поддерживать авторитетные преподаватели (13,2 %).

Большая роль принадлежит *группе факторов*, связанных с пониманием места и роли студенческого самоуправления в вузе студентами и руководством вуза. Как следует из табл. 2, у студентов и руководителей вуза принципиальных различий в понимании места, роли, содержания студенческого самоуправления практически нет. Осталось только приступить к практической реализации его. Здесь прерогатива за руководством вуза. Будет ли оно заниматься внедрением и развитием студенческого самоуправления? Пока среди опрошенных студентов каждый второй считает, что возможно реальное студенческое самоуправление, и оно может влиять на повседневную жизнь студентов в вузе. Руководству вуза, пока не поздно, следует поддерживать эту позицию студентов и внедрить в практику вуза.

Таблица 2

**Понимание места и роли студенческого самоуправления руководством вуза и студентами
(в процентах от числа ответивших)**

Для чего, по Вашему мнению, нужно студенческое самоуправление?	Руководство вуза	Студенты
Для проведения досуговых и внеучебных мероприятий	69,3	69,7
Для объединения студентов вуза в единую общность	49,6	55,3
Для улучшения качества учебного процесса	29,4	30,0
Для получения навыков управленческой работы	39,8	33,2
Для представительства и защиты интересов студентов в вузе	26,3	29,4
Для решения бытовых и социальных проблем	13,4	13,7
Вообще не нужно студенческое самоуправление	3,4	3,6

Статья подготовлена в рамках работ, выполняемых по госзаданию № 2014/152 Минобрнауки РФ (проект № 661) «Молодежь в системе управления вузом: факторы, способствующие/препятствующие активизации личностного потенциала».

Список литературы

1. Стегний В.Н. Социологический анализ отношения преподавателей к системе управления вузом // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2015. – № 2. – С. 6–14.

2. Стегний В.Н. Удовлетворенность преподавателей системой управления в вузе // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2015. – № 3. – С. 6–15.

3. Антипов К.А. Содержание студенческого самоуправления в национальном исследовательском университете // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2015. – № 3. – С. 35–39.

4. Лазукова Е.А. Социальный состав студентов, участвующих в самоуправлении // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2015. – № 3. – С. 16–20.

5. Дермер П.Б., Добринец М.В., Гофман А.М. Совет обучающихся как форма студенческого самоуправления // Высшее образование в России. – 2015. – № 4. – С. 110–116.

Стегний Василий Николаевич – д-р социол. наук, профессор кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: socio@pstu.ru.

Н.Г. Северова, В.В. Сыроватский

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
РЫНКА ТРУДА ПЕРМСКОГО КРАЯ
И ЕГО ТЕНДЕНЦИИ**

Проведен анализ динамики основных показателей рынка труда Пермского края, представленных материалами обследований рабочей силы по методологии Международной организации труда, данными государственного статистического наблюдения за движением и неполной занятостью работников организаций, а также сведениями о деятельности органов службы занятости населения по предоставлению государственных услуг. Выявлена зависимость показателей рынка труда от циклических колебаний экономической конъюнктуры. Показана высокая эффективность регулирующего воздействия активной политики занятости на состояние рынка труда.

Ключевые слова: рабочая сила, общая и регистрируемая безработица, высвобождение и неполная занятость работников, активная политика занятости.

N.G. Severova, V.V. Syrovatskii

**CURRENT STATE OF THE LABOUR MARKET
OF PERM REGION AND TRENDS**

The article analyzes the dynamics of the main labor market indicators of the Perm region, presented the methodology of the International Labour Organisation labor force survey data, the data of the state statistical observation of the movement and part-time workers' organizations, as well as information on the activities of public employment services to provide public services. The dependence of labor market indicators of cyclical fluctuations of economic conditions was revealed. The high efficiency of the regulatory impact of active policy of employment in the labor market was shown.

Keywords: labor, total and recorded unemployment, dismissal and part-time employment of workers, active employment policy.

Одним из приоритетных направлений деятельности Правительства Пермского края, закрепленных в «Программе социально-экономического развития Пермского края на 2012–2016 годы», является сохранение и развитие кадрового потенциала, улучшение качества рабочей силы, повышение эффективности ее использования [1, с. 54].

Состояние краевого рынка труда в 2016 году отражало противоречивые тенденции, отмечавшиеся в экономике и социальной сфере региона под воздействием внешней конъюнктуры и внутренних факторов развития.

Характерной особенностью динамики участия в трудовой деятельности населения Пермского края по методологии Международной организации труда (далее – МОТ) является изменение тренда на понижение, отмечаемого с 2009 по 2014 годы, на противоположный: среднегодовая численность рабочей силы в 1-м полугодии 2016 года составила 1315,7 тысяч человек, а доля рабочей силы – 67,0 % к численности населения в возрасте 15–72 лет, установленного для измерения данных показателей (2-й квартал 2015 года – 1295,0 тысяч человек и 65,5 % соответственно) [2, с. 3].

Численность занятых в экономике и уровень занятости населения после трехлетнего снижения также продолжили рост, начавшийся в прошлом году, и составили 1223,0 тыс. человек (61,9 % соответственно) (рис. 1).

Отмеченные сдвиги произошли на фоне существенного (на 5,3 %) снижения численности населения, не входящего в состав рабочей силы, которое может быть обусловлено сокращением реальных доходов значительной части жителей региона и связанным с ним повышением стимулов к поиску работы.

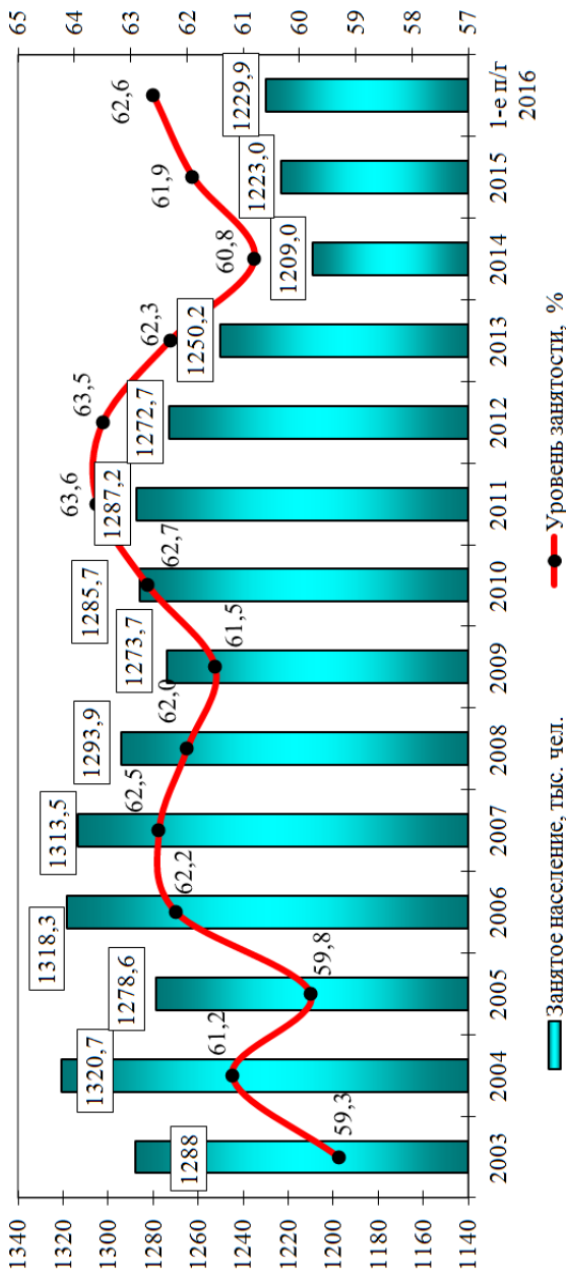

Рис. 1. Динамика численности занятого населения и уровня занятости населения Пермского края в 2003–2016 годах

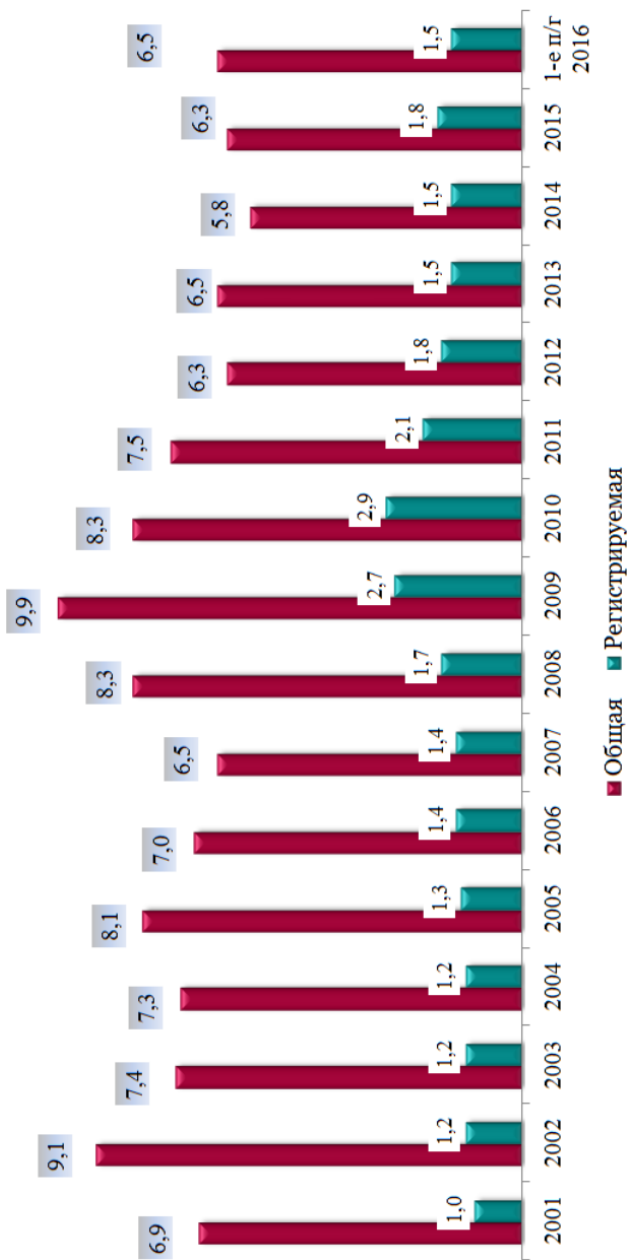

Рис. 2. Динамика уровня общей и регистрируемой безработицы в Пермском крае в 2003–2016 годах

При этом увеличение численности занятого населения не полностью компенсировало рост предложения рабочей силы, что привело к возникновению достаточно уникальной ситуации: на фоне роста численности занятых в экономике динамика показателей общей безработицы (по методологии МОТ) в сравнении со среднегодовыми показателями 2015 года (81,7 тысяч человек) также оказалась положительной: общая численность безработных во 2-м квартале 2016 года составила 85,9 тыс. человек, т.е. возросла на 5,1 %. Уровень общей безработицы незначительно вырос (6,5 и 6,3 % соответственно), а уровень регистрируемой безработицы снизился до отметки 1,5 %, что соответствует значениям показателя, отмеченным в 2013–2014 годах (рис. 2) [3, с. 1].

Отмеченные сдвиги в динамике показателей безработицы в значительной степени были обусловлены состоянием процесса высвобождения работников из организаций края. По данным мониторинга, проводимого Агентством по занятости населения Пермского края (далее – Агентство), с начала 2016 года 1186 организаций края подали в органы службы занятости сведения о заявленном высвобождении 15 763 работников в связи с ликвидацией организаций либо сокращением численности или штата, из которых 5301 человек (33,6 % от общего числа высвобождаемых) – из организаций государственной формы собственности.

По состоянию на 20 сентября текущего года фактически уволено по сокращению 10 597 работников (99,7 % к соответствующему периоду прошлого года), предполагается к увольнению 5166 человек, из них 2 тыс. человек приходится на краевые территориальные подразделения федеральных органов исполнительной власти, реорганизуемых в соответствии с указами Президента РФ от 5 апреля 2016 года № 156 и № 157 (см. таблицу).

Сведения о высвобождении работников из экономики
Пермского края, заявленном в 2010–2016 годах

Период	Количество организаций, ед.	Получили уведомления об увольнении с начала года, чел.	Было уволено, чел.	Предполагается к увольнению по состоянию на отчетную дату, чел.	Трудоустроено (в т.ч. на своем предприятии), чел.	Обратились в службу занятости, чел.	Получили статус безработного, чел.
2010	1221	17891	15269	–	5795	5590	3773
2011	1435	19796	17805	–	8233	4668	2840
2012	1097	11648	10209	–	3742	3454	2023
2013	1007	13774	13448	–	6332	3523	2010
2014	1022	14193	12216	–	6037	3450	2264
2015	1529	15959	10563	–	7833	4508	2580
2016	1186	15763	10597	5166	5000	2929	1518
<i>Справочно: на 20.09.15</i>	<i>1199</i>	<i>14387</i>	<i>10626</i>	<i>3761</i>	<i>4576</i>	<i>3360</i>	<i>1869</i>

По видам экономической деятельности наиболее существенное влияние на состояние показателей высвобождения работников, в отличие от предыдущего периода, оказывали процессы, связанные с реорганизацией органов управления различных уровней: 29,0 % от общего числа заявленных с начала года высвобождений приходится на организации, относящиеся к государственному управлению и обеспечению военной безопасности, обязательному социальному обеспечению; 18,9 % – обрабатывающие производства; 10,1 % – торговля; 8,2 % – операции с недвижимым имуществом; 6,3 % – транспорт и связь; 5,2 % – здравоохранение и предоставление социальных услуг; 4,8 % – производство и распределение электроэнергии, газа и воды; 4,2 % – образование; 4,1 % – финансовая деятельность; 2,9 % – строительство; 2,5 % – добыча полезных ископаемых.

Наиболее распространенными причинами сокращения персонала являются совершенствование системы управления, реорганизация, передача функций на аутсорсинг, реконструк-

ция и модернизация производства, т.е. большинство высвобождений обусловлены решением задач по повышению производительности труда, снижению производственных издержек и технологической модернизации.

Во всех организациях, заявивших о массовом высвобождении работников, в обязательном порядке проводятся предупредительные мероприятия: консультирование, подбор вакансий для трудоустройства на других предприятиях, анализ возможности организовать профессиональное обучение высвобожденных работников.

В результате совместной работы Правительства края, службы занятости и кадровых служб организаций численность высвобождаемых работников, нашедших работу с начала года (в том числе на своем предприятии), составила 5 тыс. человек, или 47,2 % от числа уволенных (+9,3 % к соответствующему периоду прошлого года). Доля уволенных работников, обратившихся за содействием в поисках работы в СЗН края, составляет 27,6 % (2015 год – 31,6 %), и лишь 14,3 % получили статус безработного (2015 год – 17,6 %).

Вместе с тем основной причиной выхода рабочей силы на открытый рынок труда, как и ранее, является увольнение работников по собственному желанию. По данным проводимого Пермьстатом федерального статистического наблюдения за неполной занятостью и движением работников организаций Пермского края, не относящихся к субъектам малого предпринимательства (охват – 633,1 тыс. человек), в 1-м полугодии 2016 года общая численность работников, выбывших из указанного круга организаций, составила 79,1 тыс. человек, из них 53,6 тыс. человек (67,8 %) – по собственному желанию, 8,6 тыс. человек (10,9 %) – по соглашению сторон и лишь 3,8 тыс. человек (4,8 %) – в связи с сокращением численности работников (1-е полугодие 2015 года – 84,4 тыс. человек, 57,4 тыс. человек, 9,0 тыс. человек и 3,1 тыс. человек соответственно) [4, с. 2].

Актуальной остается проблема недоиспользования рабочей силы. По данным службы занятости, общая численность работников, охваченных режимами неполной занятости по инициативе работодателей на 20 сентября 2016 года, составила 7344 человек, или 1,2 % от среднесписочной численности работников организаций края, из них 6907 человек работали неполное рабочее время, 423 человека находились в простое и 14 человек были в отпусках без сохранения заработной платы. Это существенно лучше, чем в период предыдущего экономического кризиса (2009 год – 31,7 тыс. человек, 2010 год – 15,4 тыс. человек).

В то же время, по данным Пермьстата, во 2-м квартале текущего года в организациях, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, в режиме неполного рабочего времени работали 21 717 человек, в том числе 4340 человек (20,0 %) по инициативе работодателя и 17 377 человек (80,0 %) по соглашению между работником и работодателем (2-й квартал 2015 года – 18 735 человек, 1528 человек и 17 207 человек соответственно). В простое по всем причинам находились 7404 человек (2-й квартал 2015 года – 6832 человек), отпуска без сохранения заработной платы по заявлению работника предоставлены 57 946 людям, или 9,2 % к среднесписочной численности работников (2-й квартал 2015 года – 53 712 человек, или 8,4 % соответственно). Таким образом, в настоящее время значительная часть неполной занятости работников выпадает из сферы государственного регулирования и формирует довольно существенный потенциал скрытой безработицы.

Улучшение ситуации на регистрируемом рынке труда было в числе приоритетных направлений деятельности Правительства Пермского края в 2016 году. В целях исполнения поручения губернатора Пермского края, содержащегося в послании Законодательному собранию Пермского края от 18 февраля 2016 года, Агентством был разработан План мероприятий по снижению уровня регистрируемой безработицы в муниципальных образованиях Пермского края на 2016 год (далее – План), который был

включен в План мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики Пермского края и социальной стабильности на 2016 и 2017 годы, утвержденный указом губернатора Пермского края от 25.03.2016 № 46 (пункт 51).

В рамках реализации Плана были разработаны аналогичные документы во всех муниципальных образованиях края, между Агентством и органами местного самоуправления 17 муниципальных образований края были заключены соглашения о взаимодействии по реализации мер активной политики занятости с софинансированием из местных бюджетов, ведется активное взаимодействие с работодателями по предупреждению высвобождения работников и предоставлению вакансий в органы службы занятости.

В результате проделанной работы на регистрируемом рынке труда края отмечены существенные положительные сдвиги. С начала 2016 года в органы краевой службы занятости населения обратилось за содействием в поисках работы 66,1 тыс. человек, что на 22,6 % ниже соответствующего показателя прошлого года. Из числа поставленных на регистрационный учет ищущих работу граждан признаны безработными в установленном порядке 33,0 тыс. человек (–10,3 % к показателю прошлого года), сняты с регистрационного учета 41,2 тыс. безработных граждан.

Численность безработных, зарегистрированных в службе занятости населения на 20 сентября 2016 года, составила 17 221 человек. С начала 2016 года численность безработных сократилась на 8170 человек, или 32,2 %. Уровень регистрируемой безработицы в целом по краю составляет 1,32 % к численности рабочей силы, снизившись с начала года на 0,66 процентных пункта.

С учетом отмеченного улучшения показателей обращаемости и регистрируемой безработицы состояние краевого рынка труда в значительной степени определяется темпами восстановления спроса работодателей на рабочую силу, начавшегося в апреле текущего года: количество заявленных в

органы службы занятости населения с начала года вакансий составило 75,8 тыс. единиц, что ниже аналогичного показателя 2015 года на 6,8 %. Вместе с тем по состоянию на 20 сентября 2016 года количество вакансий превысило аналогичный показатель 2015 года и составило 21,5 тыс. вакансий (+5,0 %). При этом показатель напряженности рынка труда (численность ищущих работу незанятых граждан в расчете на одну вакансию) по сравнению с началом года сократился в 2,3 раза и составил 1,00, т.е. оказался значительно лучше аналогичного периода прошлого года (1,49).

Органы службы занятости населения продолжают работу по предоставлению жителям края государственных услуг в области содействия занятости населения в соответствии с действующей государственной программой Пермского края «Содействие занятости населения», утвержденной постановлением Правительства Пермского края от 3 октября 2013 года № 1315-п.

С начала года численность граждан, трудоустроенных при содействии службы занятости, составила 37 014 человек, в том числе 20 066 человек, имеющих статус безработных (+8,8 %), 954 человека из числа испытывающих трудности в поисках работы и 790 человек из числа инвалидов; на общественные работы направлено 3197 человек; услуги по профориентации получили 37 794 человека; на профессиональное обучение направлено 4711 безработных и 406 женщин из числа находящихся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до трех лет; услуги по содействию самозанятости получили 742 человека из числа безработных граждан.

В целом краевой службе занятости населения удалось сохранить на нормативном уровне объемы деятельности по реализации основных мероприятий активной политики занятости, что обеспечило появление положительных тенденций на краевом рынке труда.

Список литературы

1. О программе социально-экономического развития Пермского края на 2012–2016 годы: Закон Перм. края от 20.12.2012 № 140-ПК. Доступ через справ.-правовую систему «КонсультантПлюс». – С. 54.

2. Занятость и безработица в Российской Федерации в июне 2016 года (по итогам обследования рабочей силы) [Электронный ресурс]. – URL: www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/150.htm.

3. Динамика оперативных данных о деятельности Агентства по занятости населения Пермского края [Электронный ресурс]. – URL: www.szn.permkrai.ru/statistic/arkhiv-statistiki.

4. Неполная занятость и движение работников организаций Пермского края, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, во II квартале 2016 года [Электронный ресурс]. – URL: permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/publications/news_issues.

Северова Наталия Геннадьевна – канд. экон. наук, начальник отдела информационно-аналитической работы и организации приема получателей услуг Агентства по занятости населения Пермского края, г. Пермь, e-mail: ngseverova@szn.permkrai.ru.

Сыроватский Валерий Владимирович – канд. социол. наук, руководитель Агентства по занятости населения Пермского края, г. Пермь, e-mail: vsyrovatskii@szn.permkrai.ru.

М.Г. Цыпкина

ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА МОЛОДЕЖНЫЙ РЫНОК ТРУДА

Рассматривается современный молодежный рынок труда, возникший в результате трансформации российского общества. Выделены некоторые специфические особенности рынка труда молодежи. Рассмотрены основные факторы, которые мешают молодежи в трудоустройстве. Приведены результаты социологического исследования, проведенного в агентстве занятости населения Выборгского района г. Санкт-Петербурга в январе – феврале 2016 года. В конце статьи выделено несколько направлений содействия занятости и трудоустройству молодежи.

Ключевые слова: трансформация российского общества, молодежный рынок труда, незанятая молодежь, рыночные отношения, социальный капитал.

M.G. Tsyapkina

INFLUENCE OF TRANSFORMATION PROCESSES OF RUSSIAN SOCIETY FOR YOUTH LABOR MARKET

In the article the modern youth labor market, cart-arisen as a result of the transformation of Russian society. We highlight some specific features of the youth labor market. The main factors that interfere with young people in employment. The results of sociological research, conducted by the Agency of employment of the Vyborg district of St. Petersburg in January-February 2016. At the end of the article identified several areas in which the need to promote employment and youth employment.

Keywords: transformation of Russian society, youth labor market, unemployed youth, market relations, social capital.

Трансформационные процессы, происходящие в современном российском обществе, привели к масштабным изменениям в структуре и объеме занятости. Они, в свою очередь, повлекли за

собой создание достаточно обширной по своему составу социальной общности на рынке труда – незанятой молодежи. Безработица породила у молодежи обостренное чувство неуверенности в своем положении, в правах, доступности средств существования, а также всё большей социальной незащищенности.

Так, согласно позиции З.Т. Голенковой, процесс трансформации рынка труда представляет собой переход от прежней общественной системы к другой, которая основана на рыночных отношениях и демократических институтах власти [1, с. 77–84]. Также необходимо отметить, что в условиях трансформации российского общества произошли различные изменения в социальной структуре, что оказало влияние на социальное положение, стратегии развития молодежи [2, с. 147].

В настоящий момент трудовая активность молодежи играет важнейшую роль в развитии общества. От взаимоотношений молодежи с обществом, ее места, роли, настроений, ценностей, установок зависит дальнейший путь развития общества. Изменения, которые произошли в течение последних двадцати пяти лет, отразились на системе общественного производства, на трудовых отношениях, а также в целом на рынке труда. В условиях рыночных отношений проблема занятости молодежи становится наиболее актуальной, потому что реализовать себя в профессиональной сфере удается далеко не каждому молодому человеку.

Современный рынок труда молодежи является особым социально-демографическим сегментом экономики, со своими закономерностями, которые должны учитываться в политике занятости. Это связано с тем, что для российской молодежи характерны неустойчивость жизненных установок, отсутствие рабочего стажа и низкий профессиональный статус.

Однако молодежь, получающая сегодня профессиональное образование, является специфичной группой, которая может оказать большое влияние на состояние рынка труда в недалеком будущем. Молодые специалисты, являющиеся выпускниками образовательных учреждений среднего и высшего

профессионального образования, впервые ищущие рабочее место, а также молодежь без образования и специальности по традиции входят в группу риска, становясь одними из самых проблемных участников рынка труда в России [3, с. 172–176].

Согласно результатам нашего исследования, проведенного в агентстве занятости населения Выборгского района г. Санкт-Петербурга в период с января по февраль 2016 года среди незанятых молодых людей, на вопрос: «Как Вам кажется, что Вам мешает найти работу?» – многие респонденты отвечали, что это отсутствие стажа, опыта работы (47 %). Помимо этого одной из важных причин неудачного поиска для незанятых молодых людей стала маленькая заработная плата в тех организациях, в которые они пытались трудоустроиться (17 %), а также 14 % посчитали, что у них не хватает соответствующего образования. Интересно будет провести сравнительный анализ и выявить причины, которые мешают найти работу тем, кто ищет работу самостоятельно, и тем, кто официально признан безработным. По результатам исследования получилось, что лидирующую позицию в обоих случаях занимает отсутствие стажа, однако в дальнейшем между этими двумя группами респондентов возникли разногласия: если официальные безработные считают, что не могут трудоустроиться по причине маленькой заработной платы (16 %), то те, кто ищет работу самостоятельно, утверждают, что не имеют соответствующего образования (19 %). У безработных отсутствие соответствующего образования и не пользующаяся спросом профессия занимают третью позицию (по 9 %) в списке причин, по которым они не могут найти подходящей работы. Однако стоит заметить, что если те, кто ищет работу самостоятельно, не жалуются на состояние своего здоровья, то среди официальных безработных эта позиция занимает пятую позицию и составляет 3 %. На этом основании мы можем предполагать, что официальные безработные больше нуждаются в смене профессии и повышении квалификации.

В связи с этим необходимо отметить, что специфические особенности рынка труда молодежи заключаются в том, что молодых людей характеризуют изменчивость ориентаций и профессиональная неопределенность. Молодежный рынок труда характеризуется неустойчивостью спроса и предложения. Помимо этого молодежь является менее конкурентоспособной в отличие от других возрастных групп. Занятость же молодежи имеет явные и скрытые размеры. Также рынок труда молодежи характеризуется большой вариантностью (на него выходят выпускники учебных заведений по различным направлениям подготовки). Еще одной особенностью молодежного рынка труда является то, что работодатели при приеме на работу большее предпочтение отдают молодым людям, нежели девушкам, которые составляют большую часть среди выпускников вузов.

Основными факторами, которые мешают молодежи в трудоустройстве, являются частичное несоответствие образовательных институтов рынку труда; отсутствие четкой государственной политики в области занятости молодежи; неполная информированность молодежи о своих правах; несоответствие ожиданий и запросов молодежи реалиям рынка труда [4, с. 38].

Помимо этого у многих работодателей сохраняются стереотипы относительно того, что молодые люди не смогут себя также активно проявить в трудовой деятельности, как это делают более опытные работники. Они считают, что молодежь не умеет выстраивать отношения в трудовом коллективе, а также она излишне эмоциональна. Однако на деле данные качества не всегда подтверждаются, а, напротив, являются всего лишь стереотипом среди работодателей.

По данным нашего исследования, сами незанятые молодые люди считают, что необходимым условием для того, чтобы найти подходящую работу, являются связи (34 %). При этом многие из них считают, что для получения «желанной» работы также необходимо соответствующее образование (25 %). Однако личностные качества (активность, способности, готовность к риску и

др.) занимают у незанятых молодых людей только третью позицию (24 %). Таким образом, многие из них признают, что эффективность трудоустройства зависит не от профессиональных качеств человека, а от социального капитала (т.е. от его социальных связей, они могут выступать ресурсом получения различных выгод), которым он обладает. В связи с этим в настоящих российских условиях наличие социального капитала становится наиболее значимым аспектом в процессе трудоустройства молодых людей и достижения желаемого результата.

Основным же качеством, необходимым при трудоустройстве, по мнению многих незанятых молодых людей, стал профессионализм (43 %). Однако велика доля тех, кто считает, что также важна и целеустремленность (30 %). Наименьшее, предпочтение респонденты отдают такой позиции, как инициативность (9 %). Официальные безработные отдают предпочтение такому качеству, как профессионализм (47 %), среди тех, кто ищет работу самостоятельно, этот показатель чуть меньше, он равен 39 %. Основным качеством при трудоустройстве для многих молодых людей, кто ищет работу самостоятельно, является целеустремленность, у официальных безработных этот показатель чуть ниже и равен 25 %. В целом представления о качестве, необходимом для эффективного трудоустройства, среди официальных безработных и тех, кто ищет работу самостоятельно, схожи.

Таким образом, трансформация российского общества повлекла за собой масштабные изменения на рынке труда. В этих условиях на рынке труда молодые люди стали одной из самых незащищенных групп, которая нуждается не только в предоставлении определенных гарантий для занятости, но и в оказании поддержки для адаптации к современным экономическим условиям. Исходя из этого, чтобы решить проблемы занятости молодежи в настоящих экономических условиях, на наш взгляд, необходимо осуществлять ряд взаимосвязанных мер. К ним можно отнести: социально-психологическую адаптацию моло-

дежи к рыночным условиям; обеспечение занятости исходя из интересов и способностей человека; правовое просвещение молодежи; содействие системе поддержки молодой семье; создание правовых и организационных условий для предотвращения значительного роста безработицы среди молодежи; проведение обучения, переквалификации; установление квоты для приема на работу молодых специалистов, а также активное взаимодействие между учебными заведениями и работодателями с целью последующего трудоустройства молодых людей. Все эти меры помогут стабилизировать уровень безработицы среди молодежи в нашей стране и не допустить ее резкого увеличения.

Список литературы

1. Голенкова З.Т. Динамика социоструктурной трансформации в России // Социологические исследования. – 1998. – № 10. – С. 77–84.

2. Шерер И.Н. Социально-экономические проблемы трансформации молодежного рынка труда в России // Грани познания. – 2012. – № 4(18). – С. 145–152.

3. Беглова Е.И. Безработица молодежи: первоочередная проблема современного рынка труда // Экономические науки. – 2010. – № 11. – С. 172–176.

4. Цетович О.А. Вовлечение в трудовую деятельность молодежи как форма социальной интеграции // Теория и практика общественного развития. – 2005. – № 3. – С. 37–38.

Цыпкина Мария Геннадьевна – магистрант Санкт-Петербургского государственного экономического университета, e-mail: marol.10c@mail.ru.

С.М. Шатрабаева

ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНТОВ

Описываются некоторые модели потребительского поведения, выделяются влияющие на него факторы и приводится сравнительный анализ результатов анкетных опросов 2013 и 2016 годов среди студентов.

Ключевые слова: потребительское поведение, студент, молодежь, факторы, рынок.

S.M. Shatrabaeva

STUDENT'S CUSTOMER BEHAVIOR

In this article are described some patterns of customer behavior, emphasized factors influencing it and given the results of comparison study of questionnaire survey of 2013 and 2016 among students.

Keywords: customer behavior, student, youth, factors, market.

Анализ поведения потребителей является неотъемлемой частью исследования рынка. По мере развития рыночных отношений, когда перед производителями стоит задача не только занять определенную нишу среди многообразия товаров и услуг, но и получить наибольшую прибыль, стратегии развития большинства из них нацелены на молодежь, и студентов в частности. Особый интерес в этом случае вызывают и потребительские установки студентов, и факторы, влияющие на приобретение того или иного товара.

Однако анализ данных факторов и потребительского поведения студентов в теории весьма не прост.

Во-первых, потребительское поведение может быть объяснено противоположными точками зрения. Эта особенность обусловлена тем, что данный социальный феномен изучается еще с конца XX века, когда наука и техника стали достаточно развитыми, чтобы производить большое количество товаров и услуг, а значит, потребительское поведение стало представлять для экономистов интерес.

Ученые выделяют несколько моделей потребительского поведения на рынке.

Например, существует простая модель потребительского поведения, состоящая из побудительных факторов маркетинга, «черного ящика» сознания покупателя и ответных реакций покупателя [1, с. 141], где побудительными факторами являются товар, цена, методы распространения и стимулирование сбыта. В «черный ящик» сознания покупателя входят характеристики покупателя и процесс принятия им решения, а ответные реакции выражаются в выборе товара, марки, дилера, времени и объекта покупки.

Также есть модель потребительского поведения Ховарда–Шеса, которая делает акцент на управлении покупкой продающей фирмой.

Даная модель отражает пять стадий в процессе принятия решения потребителем: привлечение внимания, восприятие товара, формирование установки, возникновение намерения, акт приобретения.

В качестве входных стимулов модель рассматривает три группы факторов: качественные физические характеристики (размер, форма, качество...); символические стимулы (названия); социальные стимулы (социальный класс...) [2, с. 19].

Существует еще одна классификация потребительского поведения, которая дает уже более полное понимание поведения покупателей на рынке. Эта классификация выделяет рациональное и иррациональное потребление.

Итак, рациональное потребительское поведение заключается в стремлении человека достичь максимальной полезности из потребления данного товара с учетом ограничений бюджета. Для него характерна увязка целей с осознанными интересами, конструирование плана действий на основе расчета балансов возможных достижений и издержек.

Иррациональное потребление диаметрально противоположно поведению рациональному и основано на эмоциональных, психологических механизмах, т.е. в этом случае человеку

свойственно идти на поводу навязанных маркетингом желаний. Именно это и может спровоцировать покупателя приобрести незапланированную вещь из-за ее невысокой стоимости или, как нам кажется, выгодной акции.

Конечно, данная классификация дает нам весьма общее представление о мотивах потребителей, так как влияние на покупателя оказывают не только рыночные механизмы, но и общественные, т.е. проблема мотивов потребления также является ведущей, поскольку его формы являются следствием доминирования некоторых потребительских установок индивидов.

Во-вторых, необходимо определиться, кого мы будем считать студентами. Здесь мы возьмем наиболее общее определение. Студент – учащийся высшего учебного заведения (университета, института, консерватории).

И наконец, третьей ключевой теоретико-методологической проблемой анализа особенностей потребительских установок и поведения российских студентов выступает вопрос о том, в отношении каких именно факторов можно рассматривать эти особенности.

Для того чтобы проследить влияние тех или иных факторов, в 2016 году автором было проведено пилотажное исследование в виде анкетного опроса, в котором приняли участие студенты ПНИПУ. Всего было опрошено 50 человек.

В результате было выяснено, что студенты, получающие стипендию, чаще совершают престижные покупки (48 %), чем студенты, живущие за счет помощи родителей (20 %). Данный феномен можно объяснить тем, что студенты, получающие стипендию, в основном воспринимают ее как дополнительный доход к тем средствам, которые им выделяют родители.

Также оказалось, что такой фактор, как мода, имеет большее значение для студентов мужского пола (64 %), а не женского (52 %).

Количество потребителей, совершающих незапланированные покупки, выше в том случае, если расчеты производятся кар-

той (74,1 %). Это может объясняться тем, что безналичный расчет не имеет такого психологического влияния, как наличный.

Несмотря на то, что девушки реже совершают престижные покупки, чем мужчины (32 против 40 %), они чаще приобретают товар незапланированно (80 против 64 %).

Интересно, что 100 % девушек хоть иногда, но совершают незапланированные покупки, тогда как 8 % мужчин не делают этого вовсе.

Прослеживается зависимость между курсом студента и его отношением к моде: учащиеся младших курсов чаще обращают внимание на марку одежды (26,9 %), чем студенты старших курсов (9,1 %).

И наконец, было выяснено, что студенты, покупающие продукты в гипермаркетах, чаще делают незапланированные покупки (75 %), тогда как учащиеся, приобретающие их в небольших магазинах, отвечают на этот вопрос положительно в 61,5 % случаев.

Таким образом, были выделены следующие факторы, влияющие на потребительское поведение студентов: пол, курс обучения, мода, способ расчета и наличие или отсутствие стипендии.

Отдельно нами были выделены факторы, не влияющие на потребительское поведение студента: время в социальных сетях и люди, с которыми он проживает.

Любопытно сравнить проведенное нами исследование с более ранними работами. Например, в 2013 году был проведен опрос студенческой молодежи, в котором участвовало 385 студентов г. Иркутска от 14 до 30 лет. Респондентам был задан вопрос о том, где чаще всего приобретаются товары. В интернет-магазинах приобретают продукцию 10,5 % опрошенных [3].

Тогда как в пилотажном исследовании 2016 года всего 6 % опрошенных признаются, что часто совершают покупки в интернет-магазинах.

Исследование 2013 года показало, что основным источником доходов является постоянный заработок у 58,9 % респонден-

тов, 21 % опрошенных выбрали вариант «помощь родителей, родственников», назвали стипендию основным источником доходов 8,4 % респондентов, случайные заработки – 8,4 % [3].

В 2016 году постоянный заработок является основным источником дохода лишь у 38 % студентов, ни работы ни стипендии не имеют и живут за счет родителей 28 % опрошенных, стипендию основным источником дохода считают 26 % респондентов, остальные 6 % отметили другой вариант (в том числе случайные заработки, помощь родственников, пенсию).

Мы можем заметить значительный разрыв между студентами г. Иркутска и ПНИПУ, называющими стипендию основным источником дохода. Это может быть связано не только со значительным временным разрывом между проведением исследований, но и с развитием городских программ помощи студентам, так как у 100 % опрошенных, назвавших стипендию основным источником дохода, есть такая выплата, как «губернаторская стипендия», которой нет в г. Иркутске.

Таким образом, можно заключить, что потребительское поведение студенческой молодежи складывается из множества факторов, которые имеют тенденцию изменяться в зависимости не только от внутренних, но и внешних обстоятельств.

Список литературы

1. Котлер Ф. Основы маркетинга. Краткий курс. – М.: Вильямс, 2007 – 656 с.
2. Фокина Т.А. Психологический практикум: учеб.-метод. пособие. – Н. Новгород, 2010. – 76 с.
3. URL: <http://works.doklad.ru/view/ssQxxnMpD48.html>.

Шатрабаева Светлана Михайловна – студентка Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: sveta.shatrabaeva.96@mail.ru.

С.М. Шатрабаева

КОНФЛИКТ И КОНСЕНСУС В СОЦИОЛОГИИ

Рассматриваются понятия «социальный конфликт» и «социальный консенсус». Посредством сравнительного анализа различных направлений социологии анализируются положительные и отрицательные стороны данных подходов. Разбираются идеи, имеющие в своей основе черты того и другого направлений.

Ключевые слова: социальный конфликт, социальный консенсус, общество, общественный договор, социальная структура.

S.M. Shatrabaeva

CONFLICT AND CONSENSUS IN SOCIOLOGY

In this article are considered such terms as “social conflict” and “social consensus”. Positive and negative sides of these approaches are analyzed with help of comparison study of different sociology's directions. The ideas, which have on its basis both directions, are being investigated.

Keywords: social conflict, social consensus, society, social contract, social structure.

Одной из отличительных черт современной социологической науки является наличие множества подходов, объясняющих существование общества. Часто они имеют общие черты или вовсе неотделимы друг от друга.

Между индивидами, группами, государствами всегда существовали разногласия и необходимость их преодоления. Однако конфликты не только отображали и отображают наиболее острые проблемы, но и позволяют найти новые пути их решения и предотвращения.

Не удивительно, что в социологии возникло две различные установки: первая заключается в том, что конфликт определяет группу и поддерживает ее единство; вторая говорит, что общественное устройство есть производная общественно-го договора. Мы разберем обе.

Но для начала определимся с толкованием понятий «социальный конфликт» и «социальный консенсус».

Социальный консенсус – это равновесие, согласование мнений, целей и интересов между индивидами, группами, обществом в целом, часто выражающееся в отказе от совершения действия в том случае, если одна из сторон против него (действия).

Социальный конфликт – это столкновение мнений, идеологий, целей и интересов индивидов, групп, общества в целом, часто выражающееся в виде противостояния.

О роли рассмотренных нами понятий размышляли многие ученые-социологи, в том числе Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Г. Спенсер, Л. Козер и др.

Например, Э. Дюркгейм рассматривает конфликт общества и личности. Он утверждает что социум довлеет над личностью, вынуждая ее принять правила созданных институтов, определяет некоторые поведенческие рамки и нравственные ценности. При этом личность есть структура, которая развивается под давлением не только внешних, но и внутренних изменений. «В каждом из нас, сказали мы, есть два сознания: одно, общее нам со всей нашей группой, которое, следовательно, представляет не нас самих, а общество, живущее и действующее в нас; другое, наоборот, представляет то, что в нас есть личного и отличного, что делает из нас индивида» [1, с. 83].

Также Э. Дюркгейм рассматривает пути решения конфликтов, т.е. способы достижения солидарности между обществом и личностью. Он говорит, что органическая солидарность есть совокупность систем права и нравственности. А значит, чтобы избежать конфликта с социумом, необходимо не только подчиняться юридическим законам, но и соблюдать нравственные нормы, существующие в обществе.

При этом у Дюркгейма, конфликт – это скорее негативное явление, чем позитивное.

У Г. Зиммеля и Л. Козера конфликт не оценивается как однозначно негативный фактор, они рассматривают его группосо-

храняющие функции и утверждают, что межгрупповые конфликты способны усиливать сплоченность внутри конкурирующих групп, которая поддерживается самими членами группы, стремящимися избавиться от угрозы извне. «Восприятие остальными членами группы этой внутренней “опасности” способствует их “сплочению”, усиливает осознание того, что поставлено на карту, повышает их активность; короче, сигнал опасности мобилизует все защитные механизмы группы» [2, с. 96].

Здесь необходимо отметить, что не только межгрупповые конфликты содействуют сохранению общественного порядка, внутригрупповые разногласия выполняют ту же функцию. Рассматривая данное явление на примере индийских каст, Л. Козер заключил, что дифференциация внутри общества на разные подгруппы ведет уже и к конфликту между этими подгруппами, сохраняя, тем не менее, границы между ними. «Социальный конфликт – это всегда социальное взаимодействие [2, с. 59]».

Также Козер, на основе тестов Зиммеля, выдвигает гипотезу, что некоторые виды конфликтов, существующие в современном обществе, позволяют «снять напряжение», т.е. избежать развития ощущения враждебности.

Стоит обратить внимание и на тот факт, что Л. Козер подчеркивает, что не всякий конфликт работает на поддержание внутригрупповой устойчивости: если конфликт подвергает сомнению некоторые базовые ценности социума или вовсе отвергает их, то устоявшаяся система оказывается в шатком состоянии.

И Э. Дюркгейм, и Л. Козер говорят о завершении конфликта. Однако у Л. Козера завершение конфликта всегда предполагает «победившую» и «побежденную» стороны. Но в действительности это не так. Значит, бывают и другие пути достижения равновесия в обществе.

Итак, мы перешли ко второму взгляду на то, почему возможно общество. И эта причина – социальный консенсус, или общественный договор. Теорий социального согласия доста-

точно много, как и ученых их изучавших: Томас Гоббс, Жан-Жак Руссо, Джон Локк и др.

Т. Гоббс говорил о том, что «государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их для мира и общей защиты» [3, с.133].

Также Гоббс говорит, что люди, заключившие «общественный договор», должны следовать правилам, которые были прописаны при создании государства. И наконец, верховная власть должна регулировать все политические отношения, при этом граждане не должны протестовать, так как сами и отдали власть правителю.

В свою очередь, Жан-Жак Руссо говорит о том, что народ должен непосредственно участвовать в правлении: «Всегда будет существовать большое различие между тем, чтобы подчинить себе толпу, и тем, чтобы управлять обществом. Если отдельные люди порознь один за другим поработаются одним человеком, то, каково бы ни было их число, я вижу здесь только господина и рабов, а никак не народ и его главу» [4, с. 11].

Таким образом, рассмотрев и теории конфликта, и теории общественного договора, можно сказать, что эти два понятия неотделимы друг от друга, так как:

1) конфликт базируется на том, что группа или член группы отвергает традиционные правила, которые были оговорены в общественном договоре или подразумевались;

2) посредством конфликта могут быть выявлены новые направления общественного развития, наиболее эффективное осуществление которых требует заключения консенсуса (пусть иногда и временного);

3) цепочка конфликтов и консенсусов способствует продвижению истории и развитию общества, так как за конфликтом следует консенсус (его обеспечение требует развития определенных управленческих средств, психологии), а после на-

рушения консенсуса вновь возникает конфликт, для решения которого с каждым разом используются всё более эффективные методы (оружие, психология и др.).

Из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод: социология нуждается в рассмотрении каждого аспекта общественного взаимодействия отдельно, однако некоторые феномены требуют анализа в совокупности, поскольку возникновение одного из них влечет за собой возникновение другого, и так бесконечно. Мы не можем анализировать психоэмоциональное состояние члена семьи без рассмотрения особенностей его семьи, также как и анализировать внутрисемейные отношения, исключив из них одного человека. Следовательно, для того чтобы понять причины возникновения общества, мы должны использовать обе теории в совокупности.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Этюды об организации высших обществ. – Одесса, 1900.
2. Козер Л. Функции социального конфликта. – М.: Идея-Пресс, 2000.
3. Гоббс Т. Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 2.
4. Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического права // Об общественном договоре. Трактаты: пер. с фр. - М.: КАНОН-пресс: Кучково поле, 1998. – 416 с.

Шатрабаева Светлана Михайловна – студентка Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: sveta.shatrabaeva.96@mail.ru.

В.В. Шилов

ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ, ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАМКИ И ДЕФИНИЦИЯ ПОНЯТИЯ «РЕГИОН»

Рассматривается вопрос о роли и значении регионов в современном мире. Определяется круг научных дисциплин, в сферу которых попадает изучение региональной проблематики. Рассматриваются территориальные рамки различных регионов мира, делается попытка дать определение этому сложному и неоднозначному понятию.

Ключевые слова: власть, наука, социальная напряженность, политическая безопасность, качество жизни.

V.V. Shilov

DISCIPLINARY, TERRITORIAL FRAMES DEFINITION OF THE CONCEPT AREA

We consider the important issue of the role and importance of the regions in the world today. It determines the range of scientific disciplines, which falls within the scope of the study of regional problems. We consider the territorial scope of the various regions of the world, an attempt is made to define this complex and ambiguous concept.

Keywords: power, science, social tensions, political security, quality of life.

Игнорирование работ и рекомендаций экономистов, историков, социологов, культурологов региональными и местными властями дискредитирует цель и смысл российских реформ в области управления экономикой регионов, тормозит процессы социокультурного регионального развития. В то же время в последние годы исследователи все чаще обращают внимание на возрастающую роль регионов. Доктор социологических наук В.П. Солонина отмечает: «Региональный фактор в современных условиях приобретает всё большую актуальность, вес и влияние. Прослеживается четко выраженная тенденция к превращению регионализма в общемировую тенденцию, в контексте которой регионы начинают играть всё

более возрастающую роль в жизни различных стран и народов, а также в общемировых процессах в целом...» [1, с. 3].

На эту же важную особенность обратил внимание в одном из интервью известнейший западный эксперт по России, директор Центра им. Бертольда Бейца при Германском совете по внешней политике (DGAP), немецкий политолог А.Г. Пар. На вопрос корреспондента «АиФ» Валентины Оберемко: «Сегодня, по-вашему, возможно создание новой Российской империи или Россия слишком слаба для этого?» – он ответил: «Думаю, времена империй закончены. У Евросоюза империя тоже не получается. Мы видим, что великие интеграционные идеи на Западе рушатся. Мир стал другим, и Америка уже завершает век своей империи. *Это будет очень сложный мир региональных центров* (выделено – В.Ш.)...» [2, с. 9].

Интерес к регионоведению (социально-экономическому районированию своих территорий) характерен и для современных высокоразвитых стран мира: США, КНР, Канады и др. Конкретно «региональные идеи» в конце XX века особенно активизировались в Европе, когда 4 декабря 1996 года более 300 европейских регионов (с различными территориями, политико-административным устройством), представляющих интересы более 400 миллионов своих граждан, приняли Декларацию о регионализме в Европе [3]. До этого, в 1985 году, была создана Ассамблея европейских регионов (АЕР) как Совет регионов Европы, включающий 47 регионов и 9 межрегиональных ассоциаций. Россию в этой Ассамблее представляют Ингушетия, Карелия, Самарская область, Мордовия и Татарстан (в качестве членов) и Архангельская область – в качестве наблюдателя.

Главный мотив принятия декларации в 1996 году – стремление к дальнейшей регионализации в институциональных рамках своих стран. В декларации записано, что понятие «регион» «представляет собой выражение отличительной политической самобытности, которая может принимать самые различные по-

литические формы, отражающие демократическую волю каждого региона принимать ту форму политической организации, которую он сочтет предпочтительной. Регион сам избирает свое руководство и устанавливает знаки различия его представительства» (вопрос о «границах» конкретного региона в РФ остается дискуссионным и сегодня, большое число специалистов в области региональной науки сходятся во мнении, что регионами России следует считать субъекты Федерации).

Возрастающая роль регионов в современном мире подтверждается и опытом проведения наших научных форумов в Березниках, Соликамске и Усолье Пермского края. Автор этих строк с 1991 по 2014 год в Верхнекамском регионе ежегодно проводил научно-практические конференции, всегда с выпуском сборника научных трудов (всего было издано 30 сборников), и все наши форумы, опубликованные материалы, как правило, носили региональную специфику. Сами названия нашего первого сборника научных трудов «Проблемы историко-культурного наследия Верхнекамского региона» [4, с. 100] и последнего «Регионы в современном мире – 2014» [5, с. 422] отмечают региональную специфику. Во всех наших сборниках материалов концептообразующей составляющей является *экономическое развитие регионов и формирование их культурно-исторического облика*, что в конечном итоге исследователям и представителям региональной и местной власти помогает делать глубокий и всесторонний «анализ, синтез, прогноз» трансформации, развития территории.

В то же время понятие «регион» довольно многогранное, об этом свидетельствуют и названия многочисленных тем исследования в области региональной истории, региональной политики, региональной культуры, а в современной экономической науке региональная экономика давно признана как самостоятельная и важная отрасль знаний. На последнем понятии остановимся подробнее.

В России «Региональная экономика и управление» – сравнительно молодая учебная дисциплина, в советской высшей школе она не преподавалась, ее заменял курс экономической географии, который являлся начальным циклом экономического образования, т.е. изучался до экономической теории. Однако этот курс оказался слабо связан с дисциплинами современного экономического образования (макроэкономикой и микроэкономикой), он оставлял в стороне изучение сложных проблем трансформационного периода, хотя на Западе еще в 50-е годы XX века сформировалась региональная наука (Regional science), идеологом и организатором которой выступил У. Айзард (W. Isard).

Данное синтетическое научное направление, полностью включающее региональную экономику, стремится изучать регионы как целостные системы, отдавая приоритет *междисциплинарным исследованиям*. Региональный ученый (Regional scientist), как утверждают представители этого направления, может быть экономистом, географом, историком, социологом, политологом, инженером, архитектором, юристом, психологом. Но всех их должен объединять один общий многоаспектный объект исследования – регионы (и у нас еще в советский период сформировались научные школы мирового уровня, среди которых наиболее известной и получившей мировое признание является новосибирская школа, сформировавшаяся в Институте экономики и организации промышленного производства под руководством академика АН СССР А.Г. Гранберга, у нас на Урале – под руководством академика РАН А.И. Татаркина).

В начале XXI века, в довольно непростой период развития рыночных отношений в РФ, российские экономисты стали особо отмечать, что одним из важнейших объектов экономической политики в России является регион. По мнению доктора экономических наук, профессора Е.Г. Анимиды: «регион – это целостное пространственное (территориальное) образование, очень часто значительное по размерам, но не обязательно являющееся таксономической единицей в какой-либо системе территориального

членения, внутри которого взаимодействуют природно-географические, экономические, социальные, этнодемографические и иные процессы» [6]. При этом исследователи отмечают, что эволюция типов территориально-отраслевых сочетаний исторически идет по спирали: от первичных отраслевых сгустков (районов, агломераций) к «агломерационным отраслям», ориентирующимся на городские агломерации как наиболее подходящую среду, и от них к новым отраслевым ареалам в тех же самых районах, где эта форма зародилась [7].

Экономисты констатируют: сложность системы «регион» подтверждается тем, что ее можно структурировать и идентифицировать в разных областях – экономической, социальной, духовной, природно-ресурсной, институциональной, политической и т.д. [8], т.е. региональная экономика затрагивает области и других наук о регионе: экономические аспекты демографии, истории, социологии, культурологии, политологии и других наук о человеке и обществе, а также геологии, биологии, экологии и др.

Для обозначения комплекса знаний о регионах используются и такие термины, как регионоведение, региология, регионалистика. Но общепринятой дефиниции термина «регион» до сих пор в научном сообществе нет (попытка преодоления однонаправленной трактовки региона в границах частных наук осуществилась в рамках системного подхода Г.А. Аванесова, О.Н. Астафьева и др.).

При этом сегодня можно четко выделить несколько направлений исследований, которые имеют давние корни: географы определяют регион как административно-территориальную единицу, экономисты подразумевают под ним хозяйственно-экономическую общность. Региону как социокультурному пространству (на философско-социологическом уровне) посвящены труды П. Бурдьё, П. Бергера, П.А. Сорокина, Э. Гидденса, Р. Коллинза, А.С. Ахиезера, И.А. Иконниковой, А.Я. Гуревича, Г.Е. Зборовского, Б. С. Хорева, Н.Г. Агафонова, Н.А. Аитова, А.В. Баранова, В.А. Глазычева, Л.Н. Когана, М.Н. Межевича и других исследователей.

Представители концепции географического детерминизма, основателями которого были Ф. Ратцель, Л. Фробениус, Ф. Гребнер (в Германии), Д.Н. Анучин, В.Г. Богораз-Тан (в России), Дж.Ф. Картер, Дж. Спенсер, В. Томас, П. Хагетт (в Америке) и другие авторы, рассматривали регион уже как геокультурное пространство. Вслед за ними идею культурного пространства выдвинули Л.С. Берг и К. Зауэр и активно продолжили изучать в 90-е годы прошлого столетия Ю.А. Веденин и его школа [9, с. 313].

История России имеет немало примеров географического «прирастания» регионов (например, Верхнекамский регион вошел в состав Российского государства в XV веке), поэтому у историков вызывают интерес работы по проблемам колонизации России, которые озвучили в своих трудах В.О. Ключевский, М.К. Любавский, С.М. Соловьев, Н.А. Бердяев, А.С. Ахиезер, И.В. Кондаков, В.В. Марков, В.В. Алексеев, А.В. Ремнев. Здесь же можно добавить, что на «региональную идентичность» обращали внимание известные отечественные историки еще досоветского периода: Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев, М.П. Погодин, Г.Н. Потанин, А.П. Щапов, Н.М. Ядринцев.

Четкую грань между научными школами провести сложно, так как политическая, экономическая, социальная, культурная сферы, как и границы любого региона, находятся в постоянном движении, видоизменении.

Часто понятию «регион» солидные издания дают несколько разных трактовок. В Большой советской энциклопедии (1986) «регион» и «район» приводятся как слова синонимы, хотя они даже не однокоренные (регион – от лат. «правляю», а район – от древнегреч. «луч»).

Словарь иностранных слов данное понятие расширявает следующим образом: «*Регион* {англ. region < лат. regio} – 1) область, район; часть страны, отличающаяся от других областей совокупностью естественных и (или) исторически сложившихся, относительно устойчивых экономико-географических и

иных особенностей, нередко сочетающихся с особенностями национального состава населения; 2) группа близлежащих стран, представляющая собой отдельный экономико-географический, или близкий по национальному составу и культуре, или однотипный по общественно-политическому строю район мира» [10, с. 431]. В этом же словаре даются определение и таким понятиям, как регионализация, регионализм, региональный [10, с. 432].

В XXI веке специалистами по геополитике часто упоминаются страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). АТР – это политический и экономический термин, обозначающий страны, расположенные по периметру Тихого океана, и многочисленные островные государства в самом океане [11] Как видно, масштаб (территориальные рамки) любого региона РФ с АТР просто несопоставим.

Можно констатировать, что понятие «регион» довольно многоаспектное и глубокое по смыслу, что не позволяет применить по отношению к нему дефиницию. Тем не менее, не претендуя на истину в последней инстанции, мы все-таки попробуем предложить следующие определение данному термину. *Регион* – это социально-экономическое организованное пространство с определенной административно-политической территорией расположения и границей, с действием одного круга нормативно-правовой базы, с конкретной природно-географической территорией, с определенным типом и характером производства, историко-культурными, национальными и демографическими специфическими особенностями.

Подводя итог, отметим, что федеральная власть (законодательная, исполнительная) должна осознавать, что угроза политической безопасности России прежде всего исходит от усиления социальной напряженности в регионах: безработица, преступность, низкие уровень и качество жизни. В то же время более качественно решать проблемы жилищно-коммунальной сферы (ЖКХ), строительства жилья, дорог, объектов соцкультбыта может именно региональная и местная власти, ко-

торые намного ближе к людям, чем федеральный центр. Исходя из этого в XXI веке проблема самодостаточности регионов выходит на первый план. Бояться «парада суверенитетов» не стоит, так как по сравнению с 1990-ми годами сегодня имеется прочная нормативно-правовая база, которая довольно четко регламентирует отношения между Центром и регионами РФ.

Проблему воспитания национального самосознания (патриотизма) [12, с. 2821], о которой много говорится сегодня на федеральном уровне [13, с. 78], наиболее эффективно можно решать именно на местном и региональных уровнях. Мы уверены, что рост национального самосознания возможен только на примере лучших образцов историко-культурного наследия, а сама общерусская культура складывается именно из региональных компонентов, выражена в локальных вариантах. Потеря традиций, утрата историко-культурного наследия всегда негативно отражаются не только на этнокультурном, но и на социально-экономическом, демографическом, политическом развитии любого региона.

Список литературы

1. Солонина В.П. Региональная безопасность как система направленности и обеспечения устойчивого социального развития: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Ростов н/Д, 2008. – С. 3.

2. Рар А.Г. Не уважают, зато боятся... Почему Запад настроен к нам агрессивно? // АиФ. – 2012. – № 44. – С. 9.

3. Декларация Ассамблеи европейских регионов о регионализме в Европе (на заседании АЕР Генеральной Ассамблеи в г. Базеле 4 декабря 1996 года) [Электронный ресурс]. – URL: <http://archive.mid.ru/bdomp/sbor.nsf/fe3845c0f6d9b35443256c8a004e8835/0bb87e3076058a9443256c8a0047bc02!OpenDocument>.

4. Проблемы историко-культурного наследия Верхнекамского региона: тез. докл. респ. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.В. Шилов; Перм. политехн. ин-т. – Березники, 1991. – 100 с.

5. Регионы в современном мире – 2014: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.В. Шилов. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2014. – 422 с.
6. Анимица Е.Г., Иваницкий В.П., Пешина Э.В. В поисках новой парадигмы регионального развития. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2005.
7. Троцковский А.Я. Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации. – Новосибирск, 1997.
8. Бабурин В.Л., Мазуров Ю.Л. Географические основы управления: учеб. пособие. – М., 2000.
9. Казаков Г.М. Регион как субкультурный локус (на примере Южного Урала): дис. ... д-ра культурологии. – М., 2009. – 313 с.
10. Словарь иностранных слов. – М., 1989. – С. 431–432.
11. Миронов С.М. Азиатско-Тихоокеанский регион и мы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.izvestia.ru/comment/article3101780>.
12. Шилов В.В., Семенова М.Н., Шеманская Н.С. Понятия «единство» и «патриотизм» в зеркале социологии (по результатам социологического опроса в г. Березники Пермского края) // В мире научных открытий (тема выпуска: социально-гуманитарные науки). – 2015. – № 5.8(65). – С. 2821–2841.
13. Шилов В.В. Патриотизм в начале Первой мировой войны и сегодня (на примере Пермского края) // Власть (Москва). Общенац. науч.-полит. журнал. – 2015. – № 1. – С. 78–82.

Шилов Владимир Викторович – канд. истор. наук, доцент, заведующий кафедрой общенаучных дисциплин Березниковского филиала Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: vvs595959@mail.ru.

О.В. Юрьева

**МОТИВАЦИЯ СТУДЕНТОВ Г. ПЕРМИ
К ПОЛУЧЕНИЮ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Рассматриваются вопросы мотивации студентов при получении дополнительного профессионального образования на основе результатов пилотажного эмпирического исследования, проведенного автором в вузах г. Перми.

Ключевые слова: мотивация студентов, дополнительное профессиональное образование.

O.V. Yuryeva

**THE MOTIVATION OF THE STUDENTS TO RECEIVE
ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION
IN THE CITY OF PERM**

The article considers the questions of motivation of students in obtaining additional professional education on the basis of the results of empirical research conducted by the author in the universities of the Perm city.

Keywords: motivation of the students, additional professional education.

Экономическая ситуация в России создает для современных студентов определенные трудности в освоении социально-экономического и культурного пространства. На данный момент решающую роль в развитии общества начинают играть знания, а точнее люди, обладающие этими знаниями. Увеличить в нужный момент число специалистов и уровень их квалификации невозможно каким-либо решением или постановлением. Вот почему образовательные ориентации молодежи приобретают решающее значение. И, что важно, именно в молодые годы формируется потребность учиться как часть современного образа жизни [1].

Наряду с получением основного (первого) профессионального образования возрастает значение и дополнительного,

которое призвано повышать профессиональную компетентность, способствовать лучшей адаптации молодого специалиста к быстро меняющимся требованиям рынка труда. Таким образом, дополнительное профессиональное образование (ДПО) создает условия для более полного раскрытия внутреннего потенциала студента и делает его более конкурентоспособным на современном рынке труда. В связи с этим мотивация к получению образования становится одним из ценных ресурсов современной молодежи.

Отмечается, что вторую специальность (чаще всего платно) на данный момент получают 80 % выпускников вузов [2]. На выборке 200 человек в возрасте от 19 до 23 лет нами было проведено пилотажное исследование основных мотивов и установок получения дополнительного профессионального образования студентами г. Перми (ПНИПУ, ПГНИУ, НИУ ВШЭ, ПГСХА, РМЦПК). На вопрос: «Хотели бы вы получить дополнительное профессиональное образование?» – 82 % респондентов ответили положительно, 13 % – отрицательно.

Можно говорить о том, что услуги ДПО востребованы молодежью. В качестве мотивов такой образовательной стратегии Г.А. Ключарев и Ю.В. Латов [2] отмечают нехватку практических знаний и навыков; желание научиться «всему и сразу»; проблемы с трудоустройством по основной специальности.

По данным нашего исследования, студенты мотивируют получение дополнительного образования возможностью сделать более успешную карьеру; найти хорошую работу; получить больше знаний, стать профессионалом. Таким образом, видно, что образование для студентов выступает инструментальной ценностью, т.е. способом достижения других важных социальных целей (высокий статус, престижная должность, высокий доход).

Одновременно с основной учебой получить ДПО стремится 49 % студентов. В то время как 34 % респондентов изъявили желание получить его после окончания вуза, т.е. после получения диплома по основной специальности.

Длительность обучения на дополнительной специальности, по мнению большинства студентов (53 %), должна составлять 2–3 года, а 37 % респондентов вообще ориентируются на получение дополнительного образования в течение одного года.

При выборе учебного учреждения для получения ДПО важнейшим фактором для современных студентов является стоимость обучения. На втором месте по значимости стоят такие факторы, как престиж специальности и возможность пройти практику. На третьем месте отмечают квалификацию преподавателей.

Наиболее популярными направлениями (специализациями) на данный момент являются: юриспруденция (22 %), психология (20 %), информационные технологии (17 %), экономика (15 %), иностранные языки (7 %).

Таким образом, на основании результатов нашего пилотажного исследования можно говорить, что в настоящее время в большей мере проявляется прагматизм мотивов получения дополнительного профессионального образования. Однако сохраняется и такой мотив, как возможность самореализации, культурного развития, повышения личного престижа в обществе [3].

Кроме того, получение ДПО особо актуально становится для выпускников с уровнем «бакалавр», где доучивание специалистов для выполнения конкретного вида деятельности является крайне необходимым.

На наш взгляд, вопросы мотивации современных студентов при получении основного высшего и дополнительного профессионального образования заслуживают особого внимания в наше сложное, кризисное время. Важно понимать, что лежит в основе того или иного поведения молодежи, какие установки и ожидания составляют ценностно-смысловую сферу современного студенчества. Это необходимо, чтобы система высшего и дополнительного профессионального образования более оперативно реагировала на социальные запросы общества.

Список литературы

1. Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Отношение молодежи к образованию в современной России // *Общественные науки и современность*. – 2016. – № 1. – С. 5–19.
2. Ключарев Г.А., Латов Ю.В. Дополнительное образование – мост между системой образования и рынком труда // *Общественные науки и современность*. – 2016. – № 1. – С. 20–33.
3. Курбатова Л.Н. Структура ценностных ориентаций студентов и преподавателей технического вуза [Электронный ресурс] // *Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: материалы XVIII Междунар. конф. памяти проф. Л.Н. Когана, 19–20 марта 2015 г., г. Екатеринбург*. – Екатеринбург: Изд-во Урал. федер. ун-та им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2015. – С. 289–298.

Юрьева Ольга Владимировна – канд. психол. наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: o.v.yureva@gmail.com.

Д.Г. Ягафарова

**МАТЕРИАЛЬНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ
ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА РОССИИ:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МЕНЯЮЩИХСЯ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ**

Анализируется материальная обеспеченность жителей крупного города: уровень доходов, дифференциация населения города на социальные слои, выделенные на основе доходных групп. Кроме того, рассмотрены уровень закредитованности и наличие сбережений у населения, выявлены негативные изменения в материальном положении и тенденции к повышению депривированности населения за последнее время.

Ключевые слова: материальное положение, уровень дохода, депривация, закредитованность, городское население.

D.G. Yagafarova

**MATERIAL SECURITY OF THE URBAN
POPULATION OF THE REGION OF RUSSIA:
MAIN TRENDS IN CHANGING
ECONOMIC CONDITIONS**

The article examines the material prosperity of the inhabitants of a large city: income differentiation of the population of the city social layers, selected on the basis of income groups. In addition, considered the level of debt load and the availability of savings among the population, revealed negative changes in the material situation and trends to improve debrelibanos population in recent times.

Keywords: financial position, income, deprivation, debt load, urban population.

В современных условиях, требующих адаптации населения к меняющимся социально-экономическим реалиям, актуальными становятся оценка и анализ тенденций изменения

материального положения и уровня доходов населения. Уровень дохода характеризует свободу и возможности выбора человека, является важным условием для реализации его интересов и потребностей. Во многом от уровня доходов зависит уровень потребления, материальная обеспеченность, возможности доступа к тем или иным услугам. В условиях неопределенности устойчивость к рискам снижения уровня жизни в значительной степени зависит от того, насколько диверсифицированы источники денежных доходов, от наличия запаса прочности, обеспечивающего сохранение текущего потребления, сбережений у населения [1, с. 63]. В современных условиях прослеживается конфликт между инвестициями в основной капитал и в развитие человека [2, с. 7].

По социологическим данным, в среднем в последнем квартале 2015 года ежемесячный личный доход жителей г. Уфы составлял 22 254 рублей (в категории наемных работников – 24 472 рубля). При этом желаемый размер личных доходов, удовлетворяющий имеющиеся у населения потребности, в среднем составлял 64 750 рублей в месяц. Таким образом, существует разрыв более чем в три раза между желаемым и реальным доходами населения¹.

По шкале самоотнесения (табл. 1) можно выделить четыре слоя населения на основании уровня потребления: низший (26,1 %), нижний средний (36,4 %), верхний средний (20,6 %), высший (16,9 %).

¹ Социологическое исследование «Развитие человеческого потенциала в г. Уфа». Организаторы: Институт социально-политических и правовых исследований РБ, Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН. Объект исследования – постоянное население г. Уфы в возрасте 18–75 лет; выборка: вероятностная, стратифицированная по административным районам г. Уфы, с квотированием на этапе отбора в домохозяйствах с учетом пола, возраста и уровня образования населения соответствующих административных районов. Объем выборки: 1000 человек, сроки реализации – октябрь 2015 года.

Таблица 1

Распределение населения г. Уфы на слои
на основе доходных групп

Оценка материального положения населения	Доля, %	Слой
Денег не хватает даже на питание	4,2	Низший
Денег хватает на питание, но покупка одежды вызывает затруднения	21,9	
Денег хватает на одежду и питание, но покупка бытовой техники, мебели вызывает затруднения	36,4	Нижний средний
Денег хватает на бытовую технику и мебель, но покупка автомобиля вызывает затруднения	20,6	Верхний средний
Денег хватает на всё, за исключением покупки квартиры или дома	14,8	Высший
Денег достаточно для покупки квартиры или дома	2,1	

В целом в Уфе ежемесячный средний доход домохозяйств составляет 43 348 рублей, ежемесячные средние затраты на питание – 13 827 рублей, на коммунальные платежи – 4 900 рублей. При этом в зависимости от принадлежности к тому или иному социальному слою существенно дифференцируются как уровень дохода, так и уровень затрат на базовые расходы и остаточные денежные средства на другие нужды.

Так, ежемесячные денежные доходы высшего слоя составляют 63 327 рублей, низшего – 26 028 рублей, что на 58,8 % больше (рис. 1). Денежных средств за вычетом расходов на продукты питания и коммунальные платежи у населения, относящегося к высшему слою, в четыре раза больше, чем у группы низшего слоя.

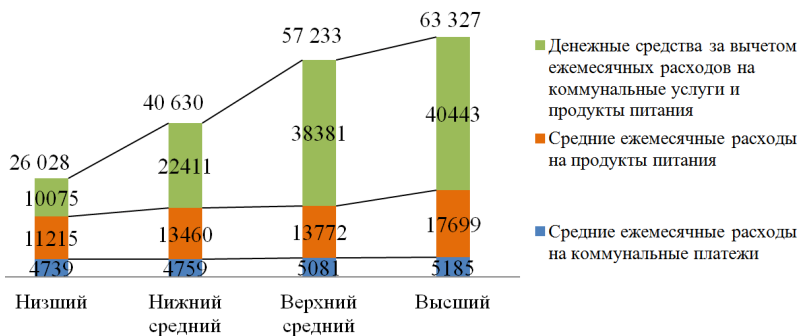

Рис. 1. Средние ежемесячные доходы и структура базовых расходов домохозяйств г. Уфы по слоям, руб.

При этом, естественно, наличие большего остатка денежных средств у высшего слоя дает возможность их накопления (рис. 2): у четверти опрошенных этой группы (26,3 %) есть существенные денежные сбережения, и только у 25,6 % нет никаких сбережений. Для сравнения: у подавляющей части низшей группы (70,9 %) нет никаких накоплений, у трети (27,4 %) есть незначительные сбережения.

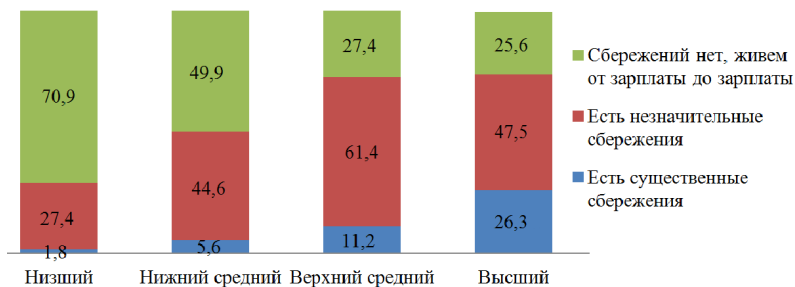

Рис. 2. Наличие сбережений у различных слоев населения г. Уфы, %

Одна из проблемных зон – уровень закредитованности населения. По данным Национального бюро кредитных историй, по итогам второго квартала 2015 года Башкортостан вошел в

первую тройку российских регионов с наибольшим объемом микрокредитования населения после Москвы и Московской области. При этом основная часть приходится на потребительские кредиты. Уровень закредитованности населения Уфы очень высок: у 43,4 % населения имеются различной величины кредиты (рис. 3). Интересно, что на уровень закредитованности принадлежность к тому или иному слою не влияет: кредитов нет примерно у половины населения города. Но степень затрат на погашение кредитов естественно различна: если у высшего слоя на погашение кредитов затрачивают примерно четверть и менее семейного бюджета, то в других слоях затраты гораздо более ощутимы.

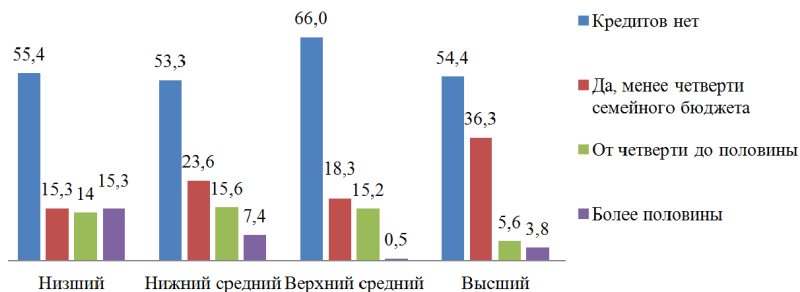

Рис. 3. Уровень закредитованности различных слоев населения г. Уфы, %

В течение последних месяцев 2015 года населению приходилось существенно снижать расходы (табл. 2), даже среди высшего слоя около 50 % населения экономило на различные предметы потребления и услуги. Но если высший слой снижал затраты в основном на крупные покупки (автомобиль, квартиру, и т.п.) – 17,4 %, поездки вдали от дома – 12,4 %; то низший слой экономил практически на всем: в первую очередь на покупках одежды и обуви – 60,4 %, покупке привычных продуктов питания – 44,6 %, приобретении бытовой техники, электроники – 46 % и т.д.

Таблица 2

Распределение ответов различных слоев населения г. Уфы на вопрос: «Приходилось ли Вам в течение последних 6 месяцев существенно снижать следующие затраты и расходы?», %

Статьи расходов	Низший	Нижний средний	Верхний средний	Высший
Покупка привычных продуктов питания	44,6	10,5	8,0	11,6
Покупка одежды, обуви	60,4	34,3	18,2	16,4
Приобретение бытовой техники, электроники	46,0	37,8	19,5	7,3
Покупка мебели, товаров для дома	38,2	33,6	13,0	7,7
Поездки, отдых вдали от дома	40,6	39,1	36,8	12,4
Покупка лекарств, платных медицинских процедур	34,9	15,6	6,5	2,9
Посещение кинотеатров, театров, концертов	30,9	13,9	19,2	8,8
Расходы, связанные с обучением детей	20,8	9,1	6,6	2,4
Расходы, связанные с Вашими хобби, увлечениями	24,0	16,5	22,0	8,2
Материальная помощь родителям, детям, родственникам	27,2	19,4	14,0	5,1
Крупные покупки (автомобиль, квартира и т.п.)	30,9	32,7	29,2	17,4
Не приходилось	4,4	15,5	28,1	51,9

При этом показательным является тот факт, что именно у низшего слоя населения, наиболее бедного и депривированного, значительно ухудшилось материальное положение за последний год. Совокупные оценки, характеризующие ухудшение материального положения для этого слоя, составляют 63,0 %.

Даже среди наиболее обеспеченного населения – высшего слоя – доля тех, у кого материальное положение в разной степени ухудшилось, составляет 16,2 % (табл. 3).

Таблица 3

Изменение материального положения различных слоев населения г. Уфы за 2015 год, %

Ответы	Низший	Нижний средний	Верхний средний	Высший	В среднем
Значительно улучшилось	3,2	0,5	3,1	6,2	2,6
Немного улучшилось	7,7	14,1	20,9	24,8	15,8
Не изменилось	12,6	37,8	32,1	34,2	30,2
Немного ухудшилось	24,3	28,5	20,9	10,6	22,9
Значительно ухудшилось	38,7	9,6	5,6	5,6	14,9
Затрудняюсь сказать	13,5	9,6	17,3	18,6	13,6

В целом снижение реальных доходов населения в 2015 году вызвано ухудшением экономической ситуации, ускорением инфляции. При номинальном увеличении доходов населения наблюдается снижение его покупательской способности и изменение структуры потребления [3, с. 11].

Таким образом, достаточно весомая доля населения имеет недостаточные денежные ресурсы для реализации не только потребностей в саморазвитии, обеспечении достойного уровня жизни, но и самых базовых потребностей. Низкий уровень дохода ограничивает и предопределяет отсутствие ряда возможностей: качественного питания, приобретения имущества, получения образования, качественного здравоохранения, доступа к культурным и духовным благам, возможности проведения досуга и отдыха и др. Следовательно, недостаточно обеспеченное население имеет меньшую свободу выбора в реализации своих потребностей как базовых, так и более высокого порядка, что детерминирует низкий уровень жизни.

Список литературы

1. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева; Аналит. центр при Правительстве РФ. – М., 2014. – 204 с.
2. Изменение финансового положения населения России в 2014–2015 гг. Бюллетень социально-экономического кризиса в России, июнь 2015 / Аналит. центр при Правительстве РФ. – М., 2015. – 19 с.
3. Занятость, доходы и личное потребление: региональные различия. Бюллетень социально-экономического кризиса в России, июнь 2015 / Аналит. центр при Правительстве РФ. – М., 2015. – 20 с.

Ягафарова Дилара Гафуровна – науч. сотрудник Института стратегических исследований Республики Башкортостан, г. Уфа, e-mail: dilara.yagafarova@yandex.ru.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО З.И. ФАЙНБУРГА

Г.З. Файнбург

КУЛЬТУРА В РАЗВИВАЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ ГЛАЗАМИ КУЛЬТУРОЛОГА З.И. ФАЙНБУРГА (ИЗ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ З.И. ФАЙНБУРГА И Г.П. КОЗЛОВОЙ)

Статья основана на рукописях из архива З.И. Файнбурга и Г.П. Козловой, посвященных культуре в развивающемся обществе. Приводятся рукописи, заметки, мысли.

Ключевые слова: культура, общество, развитие, будущее, методология.

G.Z. Faynburg

CULTURE IN THE DEVELOPING SOCIETY BY VISION EYES OF THE CULTUROLOGIST Z. I. FAYNBURG (FROM THE ARCHIVAL MATERIALS Z.I. FAYNBURG AND G.P. KOZLOVA)

The article is based on manuscripts from Z.I. Faynburg and G.P. Kozlova archive and it is devoted to culture in the developing society. Manuscripts, notes, thoughts are provided.

Keywords: culture, society, development, future, methodology.

Центральной темой научного поиска для З.И. Файнбурга являлось развитие общества [1], а исследовать и понять механизмы его самодвижения без исследования и понимания развития личности и культуры просто невозможно.

Получив блестящее *политэкономическое* образование, пройдя через горнило конкретно-экономического исследования *механизации труда* одной из самых сложных (до сих пор) по организации производства отраслей экономической и производственной деятельности общества – лесозаготовок, с се-

редины 1960-х годов З.И. Файнбург перешел к изучению социальных условий эффективного функционирования производства и общества в целом, обратился к социологии, а в ее рамках – к теории и практике культуры.

Характерно название одной из первых его опубликованных работ, где в явном виде в названии присутствует слово «культура». Мы говорим о работе 1966 года, названной «Технический прогресс – содержание труда – духовная культура» [2]. В этом названии четко прописана объективная причинно-следственная связь культуры с производством, а чтобы никаких сомнений в том, о какой культуре идет речь, не было, то была использована фразема «духовная культура».

Дело в том, что раз есть «духовная культура», то есть и «материальная культура», а ей отдавался в те годы огромный и ничем не оправданный приоритет. Но Захара Ильича, хорошо знавшего и литературу вообще, и поэзию в частности, и искусство в его самых разнообразных формах, и многое, многое другое из сферы культуры, интересовала не «овеществленная» культура, а культура, как стиль, метод, технология деятельности. Хотя характеристика «известный советский культуролог» давно уже намертво приклеена к З.И. Файнбургу, он был все же не культурологом, а социологом и экономистом, социальным философом и истинным ученым, для вскрытия объективных закономерностей социума не ленившимся перейти и на другие «огороженные от чужаков» секторальные поля отдельных наук.

Центральным моментом его целенаправленного поиска было будущее, построение которого происходило через деятельность членов общества, через их личности, ценности, стремления и умения.

В конспектах работ по культуре, сделанных в Ленинской библиотеке, сохранилась выписка Захаром Ильичом следующих мыслей из работы Ж. Сореля, дающих своеобразную характеристику современного общества: «...Общество произво-

дителей-работников, погруженное в непрерывный труд и занятое единственно беспрестанным расширением области человеческого могущества» и, добавим мы – «прибыли», а также важнейшую характеристику деятельности этого общества: «...Все более или менее инстинктивно понимают, что каждый элемент культуры должен в настоящее время становиться всеобщим» [3, с. 25].

Положив в основу своих исследований «изменение характера труда и всестороннее развитие человека»¹ (1963), Захар Ильич последовательно движется от «духовной культуры» к *деятельностной концепции культуры* как «технологии» существования и развития общества.

«К вопросу о содержании и типологии понятия “культурно-технический уровень трудящихся”» (1967), «К вопросу об историческом типе духовной культуры рабочего класса при социализме (проблемы генезиса)» (1968), «Образование и культурный уровень рабочих промышленного предприятия» (1969), «Ценностные ориентации личности в некоторых социальных группах социалистического общества» (1969), «Перспективы научно-технической революции и развитие личности» (1969) – эти названия работ Захара Ильича прекрасно показывают направленность его исследования.

Как-то, собирая всё, написанное Захаром Ильичом о культуре, в одном, обозримом месте, Галина Петровна начала с *главы о культуре*, системно и интегрально описывающей динамику советского общества, докторской диссертации Захара Ильича (1972), исходя из того, что именно там (правда на самое начало 1970-х годов) была дана общая концептуальная схема развития культуры в развивающемся под воздействием научно-технической революции обществе.

¹ Мы сознательно здесь и далее используем названия работ Захара Ильича Файнбурга. – ГЗФ.

В автореферате своей докторской диссертации Захар Ильич пишет:

«Социальные явления, относительно которых мы анализируем влияние научно-технической революции на развитие социалистического общества, рассматриваются в следующей последовательности:

а) *функциональное содержание труда работников сферы производства*, дающее необходимые характеристики для анализа влияния научно-технической революции на непосредственный процесс производства материальных благ и прежде всего на взаимоотношения в системе «работник – орудие труда», как непосредственную предпосылку собственно социальных отношений, как их непосредственное основание;

б) *социально-экономический характер труда* как непосредственное воплощение исторически закономерного типа и уровня развития производственных отношений, обусловленного соответствующим состоянием производительных сил общества;

в) *социальная организация производства* как исторически обусловленный механизм взаимосвязи элементов социальной структуры, как механизм их воспроизведения, их изменчивости и их устойчивости, как система управления социальным процессом;

г) *содержание и форма, тип и уровень культуры*² как характеристики способа реализации собственно социального, как выражение специфических способов осуществления человеческой деятельности, как характеристики «технологического» аспекта социальных отношений, социальных процессов;

д) *исторический тип общественного сознания* как отражение определенного типа и уровня социальной практики людей, как определенная система представлений общества и индивида о самом себе.

² Выделено нами. – ГЗФ.

Таким образом, в нашем³ исследовании научно-техническая революция в целом (и автоматизация в частности) со всеми их социальными следствиями в совокупности рассматриваются: а) как *социальное явление*, б) как *конкретно-историческое явление*, в) как социальное явление, имеющее *системные свойства*» [4].

Глава V докторской диссертации Захара Ильича – «*Развитие культуры социалистического общества*» – содержит характеристику некоторых проблем типологии культуры в зависимости от ее социальной обусловленности (§ I), характеристику культурной интеграции и дифференциации в социалистическом обществе (§ 2), анализ некоторых черт типа культуры социалистического общества и тенденций изменения этого типа культуры в ходе НТР (§ 3), описание гипотетических черт новой культуры (§ 4).

По мысли Захара Ильича, культура должна пониматься «как явление всеобщее, как лишь одна из необходимых сторон каждого социального феномена, как единство содержательных и функциональных моментов, как социальное явление, имеющее свои специфические конкретные формы реализации, свои свойства и критерии целостности в общественном процессе».

Напомним, что в условиях якобы «единства и однородности советского общества» Захар Ильич четко и последовательно первым начал говорить, и не голословно, а на основании обширных эмпирических исследований, о «*культурной дифференциации в социалистическом обществе*».

В его работах было четко выявлено, что дифференцированность культуры в социалистическом обществе обусловлена не столько через прямую социально-классовую принадлежность, что свидетельствовало о существенном стирании классовых граней в советском обществе, сколько через объективно обусловленную дифференцированность среды, в которой протекает социализация личности.

³ Захара Ильича. – ГЗФ.

Рассматривая динамику социальных процессов, Захар Ильич подчеркивал существенное значение изживания остаточных элементов «воспроизводственной жизни» и «культуры эквивалентных отношений». В его работе была показана природа этих явлений, порожденных в культуре буржуазного общества отношением к человеку как к средству, узкой функциональностью отношений, приоритетом вещной формы общественного богатства, отчуждением труда и товарным фетишизмом.

«В этих условиях личность воспроизводится прежде всего как узко функциональный элемент социальной системы, а отношения людей осуществляются преимущественно по критерию предметной эквивалентности, выступающему в качестве всеобщего культурного феномена.

Социалистическая революция в принципе создает предпосылки для того, чтобы воспроизводство общественного человека осуществлялось непосредственно как целостной личности. Однако полная реализация этой потенциальной возможности, которая по существу и означала бы окончательное преодоление эффекта “воспроизводственной жизни”, при социализме, в условиях сохранения прежнего разделения труда, относительно недостаточно высокой производительности общественного труда, “уровневой” дифференциации культуры и т.п. еще не может быть осуществлена.

Поэтому имеется внутренняя противоречивость в процессе воспроизводства общественного человека при социализме: воспроизводству человека прежде всего как личности противостоят заключенные в нем самом остаточные элементы воспроизводства человека преимущественно как функции».

Противоречивая сложность ряда отношений в культуре социалистического общества была показана Захаром Ильичом на примерах отношения отдельных категорий лиц к образованию или к искусству как к форме жизнедеятельности, на вопросах этической мотивации брака и некоторых сторон отношений в семье, на вопросах специфических форм игровой деятельности в системе культуры и т.п.

Всё это позволяло определить и дать *краткую* характеристику черт новой культуры, что и было сделано в заключительном, 4-м параграфе главы о культуре. Но для построения развернутой характеристики и для реального применения теоретических положений для практики «культурного строительства» нужно было иметь более «тонкий инструмент» предсказательной теории.

Защитив в 1972 году докторскую диссертацию, Захар Ильич, увлекаемый Галиной Петровной, с головой погружается в Марксову методологию, сосредоточенную преимущественно в «Капитале», работает над «Диалектической логикой политэкономии социализма [5], одновременно не забывая активно развивать «деятельностную» концепцию культуры.

Так сложилось, что в Ростове-на-Дону, где Захар Ильич защищал докторскую диссертацию, на базе Северо-Кавказского научного центра высшей школы (председатель СКНЦ ВШ член-корр. АН СССР Ю.А. Жданов) в 1975 году сложился теоретический семинар (руководитель – профессор Е.Я. Режабек) уникального коллектива выдающихся специалистов, интересы которых были сосредоточены на актуальных проблемах теории и методологии культуры. Участником этого семинара стал и Захар Ильич.

В обзоре, посвященном работе семинара, говорится о постоянном участии ученых из академических учреждений и вузов Москвы, Ленинграда, Свердловска, *Перми*, Еревана, Тбилиси, Киева, Уфы и других городов СССР [6].

Заметим, что Пермь поставлена на почетное четвертое место после общепризнанных центров культурологии того времени: Москвы, Ленинграда и Свердловска. И это целиком и полностью заслуга Захара Ильича.

Социальная сущность культуры, предмет теории культуры, роль культуры в современном мире, взаимодействие культуры с другими общественными явлениями, место культуры в системе общественнознания – вот те проблемы, которые волновали участников семинара. Проблем было столько, что обсудить

их детально все не представлялось возможным. В итоге удалось обсудить: определение культуры и ее предмета, соотношение теории культуры и исторического материализма, деятельностный подход к пониманию культуры, а также более частные проблемы взаимосвязи культуры с наукой, научно-технической революцией, экологией⁴.

В 1975–1979 годах состоялось несколько семинаров, посвященные таким темам, как:

1. Категория культуры в системе обществознания – 21–22 сентября 1975 года.

2. Проблема противоречия и теория культуры – совместно с Проблемным советом по материалистической диалектике МВ и ССО РСФСР – 27–28 мая 1976 года.

3. Развитие материальной и духовной культуры социализма в условиях НТР – 13–14 мая 1977 года.

4. Экология и культура – 26–27 мая 1978 года.

5. Культура и наука – совместно с секцией социологии науки Советской социологической ассоциации – 14–15 мая 1979 года.

Все эти темы волновали Захара Ильича, по всем у него было что сказать, были и рукописи, были и отдельные публикации, но личное очное участие он принял, по состоянию здоровья, только в двух семинарах, посвященных категории культуры в системе обществознания (1975) и развитию материальной и духовной культуры социализма в условиях НТР (1977).

Это участие предопределило появление на свет ряда важнейших работ Захара Ильича по теории культуры, навсегда «приклеило» к нему слова «известный культуролог».

Первым семинаром из вышеупомянутых стал проведенный 21–22 октября 1975 года в Ростове-на-Дону Северо-Кавказским научным центром МВиССО РСФСР и РГУ научный семинар на тему «Проблемы теории культуры в системе общественных наук», на котором выступал и З.И. Файнбург.

⁴ Актуальная тема, которая только-только начинала звучать в Советском Союзе в полный голос.

По результатам семинара в серии «Общие проблемы культуры и культурного строительства» Экспресс-информации был подготовлен специальный выпуск [7]. Были опубликованы три статьи: Э.С. Маркаряна «Теория культуры в системе общественных наук», Е.Я. Режабека «Проблемы культуры в марксовской концепции общественно-исторического развития» и З.И. Файнбурга «К вопросу о понятии культуры и периодизации ее исторического развития».

Это говорит об очень высоком рейтинге работы Захара Ильича. Дело в том, что Э.С. Маркарян – общепризнанный создатель деятельностной концепции культуры [8] и его доклад должен был быть опубликован. Е.Я. Режабек, известный философ и культуролог – руководитель и один из организаторов семинара, не мог не быть в числе авторов со своим общетеоретическим докладом, а, значит, единственная вакансия для всех остальных докладчиков досталась Захару Ильичу и его ныне известной всем культурологам работе [9].

Напомним, что с середины 60-х годов прошлого века, когда заметно возросло общественное значение культуры, определение предмета культуры стало одной из основных задач советских культурологов. Поскольку в общественном сознании того времени методологической основой разработки теории культуры мог являться только исторический материализм, то неизбежно встал вопрос о соотношении теории культуры и теории исторического материализма.

Известный культуролог Э.С. Маркарян определил соотношение теории культуры и теории исторического материализма как соотношение одной из специализированных теорий общественно-знания и теории, выражающей фундаментальные принципы построения самого общественно-знания [8]. При этом культура рассматривалась им как определенная «универсальная технология» общественной жизни. Такой подход (рассмотрение деятельности человека с точки зрения того, как она осуществляется, каковы ее схемы и алгоритмы во всей их внутренней противоречивости)

позволил вычлени́ть специфику феномена культуры, дал возможность понять генезис культуры, формы ее функционирования, структуру и этапы развития. Эта, называемая теперь деятельностью, концепция культуры была решительно поддержана и развита Захаром Ильичом [9–11].

Как и Э.С. Маркарян, Захар Ильич считал, что структура культуры производна от структуры деятельности людей; общество есть коллективный субъект человеческого действия, взятый в предельно обобщающем плане, культура же – характерный для него способ (технология) деятельности, и в этом смысле его (общества) функция.

Исходя из этих широких предпосылок, Захар Ильич подчеркивал правомерность философского и социологического подхода к определению феномена культуры.

Философская интерпретация культуры ставит в центр рассмотрения проблему взаимоотношений общества и природы с точки зрения диалектики материи и сознания.

Социологический анализ, для которого философская интерпретация культуры служит лишь отправной точкой, выявляет прежде всего место и роль культуры внутри социального процесса, ее связи с другими элементами общества, ее соотнесенность с социальной структурой.

З.И. Файнбург сформулировал необходимость различения трех ступеней определения культуры: наиболее общее и абстрактное ее определение; определение ее в рамках одного из основных исторических типов (по аналогии и в связи с определением социально-экономической формации); характеристику ее в конкретных формах, обусловленных социальными, региональными, этническими и т.п. факторами.

На самом высоком уровне понятие культуры соотносится со столь же общими понятиями общества, производства, труда и т.п.

На следующем – фиксируется исторический тип культуры, соотносимый с конкретной общественно-экономической формацией, способами производства, историческим типом труда и т.д.

На третьем уровне абстракций культура выступает как черта локальных общностей: страны, племени, народности, нации, региона и приобретает свою специфическую, видимую и осязаемую форму.

При характеристике развития культуры в развивающемся обществе З.И. Файнбург предложил исходить, во-первых, из определенного понимания *сущности* культуры, во-вторых, из ее *конкретно-исторического типа*, в третьих, из анализа ее *специфической структуры*.

Но не только предложил, но и довел до практического инструмента, применил для конкретного анализа и эмпирического исследования.

В обзорной работе того времени [14] прямо говорится об особой теоретической системе (модели) трехуровневого описания культуры, разработанной З.И. Файнбургом в исследованиях [9, 15, 16], используемой в прикладных конкретных социологических исследованиях учеными лаборатории социологии Пермского политехнического института.

Исходя из единства вышеназванных трех уровней, З.И. Файнбург считал, что культура в общетеоретическом плане может интерпретироваться как творческое преобразующее воздействие человека на окружающий мир и на свою собственную сущность, весьма важное для общественной формы бытия человека, для осмысленного характера его деятельности [9].

Такая интерпретация культуры обнаруживает два содержательных плана. В первом из них культура рассматривается преимущественно в качестве структурного элемента социальных отношений, она пронизывает все стороны жизни людей и отражается в их сознании; во втором – культура исследуется как специфический социальный процесс выработки и трансляции культурных ценностей.

Анализируя культуру в системе социальных отношений, З.И. Файнбург выделил две ее диалектически связанные стороны.

Одна составляет содержание человеческого сознания, закрепляясь в нем в специфических формах целей, ценностей, представлений, норм и навыков.

Другая присутствует в самой деятельности и ее продуктах, придавая им социальный смысл.

Речь идет не о двух отдельных феноменах, а о внутреннем диалектическом раздвоении единой системы культуры, предполагающем достаточно высокую степень самостоятельности каждой из ее сторон.

Социальные процессы передачи содержательных структур культуры обеспечивают их трансляцию от поколения к поколению, от общества к индивиду. При этом характерно, что содержание культурных ценностей отличается высокой устойчивостью: в процессе исторического движения общества изменяются социальные условия жизни людей, экономические отношения и т.д., а какие-то глубинные, содержательные элементы культуры еще долго сохраняются и передаются, что в конечном счете и обуславливает возможность сосуществования разнокачественных, разновременных (с точки зрения исторической и социальной принадлежности) «слоев» культуры – как всего общества, так и отдельной личности.

Таким образом, специфика изменений культуры в социальном пространстве и историческом времени обусловлена:

- принципиальным «отставанием» темпа изменений культуры от темпа изменений экономики, политических институтов и т.п. (феномен так называемой «инерции культуры»);

- высокой устойчивостью внешних, видимых форм культуры даже при существенно изменившемся их содержании (что не исключает быстрых и до известной степени произвольных изменений культурных форм), параллельным существованием самых различных внешних форм культуры при относительной однородности содержания.

Формализуя общефилософское понимание культуры в целях методологического объяснения конкретно-социологических

исследований, З.И. Файнбург пришел к выводу, что их главным объектом должна быть *человеческая личность*, выступающая как *объект социализации* под воздействием культурной среды и как *субъект деятельности*, определяющей культуру.

Для описания культурного уровня личности З.И. Файнбург предложил четыре главных операциональных признака:

1) осведомленность в сфере культуры, характеризующаяся объектом воспринимаемой культурной информации;

2) избирательность, характеризующаяся направленностью интересов, эстетическими вкусами и т.п.;

3) степень активного отношения к культуре, характеризующаяся самостоятельным применением на практике культурных навыков и знаний, творчеством в сфере культуры, участием в распространении культурной информации;

4) степень влияния культуры на социализацию личности, на ее социальное поведение и самосознание, на образ жизни, систему ценностей и т.п.

Вместе с тем З.И. Файнбург прекрасно понимал существующие и очень серьезные трудности при переходе от общетеоретического к эмпирическому уровню исследования культурной деятельности, от теоретических представлений о процессах культурного развития – к системе измеряемых индикаторов.

Так, например, исследуя обратные связи между духовной культурой и содержанием труда, пермским социологам пришлось ввести комплексное понятие «культурно-технический уровень», включающее «профессионально-технический уровень» (развитие человека со стороны его функциональной деятельности) и уровень общей культуры человека (развитие культурных потребностей и навыков, совершенствование человека как личности).

Вышеизложенные социологические концепции позволили создать методологическую базу для обобщения и осмысления комплексных конкретно-социологических исследований, что,

в свою очередь, дало возможность конкретизировать общие философско-теоретические представления о культуре.

Уважение к Пермской школе социологии, признание значительного вклада З.И. Файнбурга в культурологию позволяло проводить в Перми представительные деловые (с ограниченным числом участников, которые «физически» могли высказаться, послушать других, поучаствовать в дискуссии) семинары.

Одним из таких семинаров стал формально областной, но фактически всесоюзный⁵ научно-практический семинар «Проблемы планирования, прогнозирования, управления и изучения культуры как целого (на предприятии, в городе, регионе)», организованный Комитетом по научной организации труда Пермского областного совета научно-технических обществ, Пермским филиалом Уральского отделения Советской социологической ассоциации, лабораторией социологии Пермского политехнического института.

Судя по опубликованным тезисам, в работе семинара приняло участие 72 человека, из них 54 человека из 20 городов СССР, кроме Перми. Участниками семинара были известные культурологи, профессора М.С. Каган (Ленинград), Л.Н. Коган (Свердловск), В.А. Конев (Куйбышев), Э.С. Маркарян (Ереван), Е.Я. Режабек (Ростов-на-Дону), В.Н. Сагатовский (Симферополь) и др. [18].

Во вступительном слове⁶ председатель оргкомитета семинара доктор философских наук З.И. Файнбург (кафедра научного коммунизма Пермского политехнического института)

⁵ В те годы на проведение формально «всесоюзного» семинара надо было загодя активно просить разрешение властей и «пробивать» включение этого мероприятия в план будущего года. Захар Ильич этим не «заморачивался». Ему важна была реальная дискуссия реальных специалистов, а не официозная формальность.

⁶ Цитируется по стенограмме магнитофонных записей, произведенных сотрудниками лаборатории социологии Пермского политехнического института и по обзору [19].

сформулировал цели и задачи семинара. Открывая работу семинара, он подчеркнул, что возрастание социальной роли культуры, усиление ее влияния на различные социальные процессы современного общества ставит перед теорией культуры новые более сложные проблемы. Однако развитие теории культуры стало замедляться, а дискуссии по различным теоретическим аспектам культуры были недостаточно плодотворны. Это выразилось в том, что практически нет новых аргументов в защиту тех или иных представлений о предмете и сущности культуры, дискуссии ограничиваются абстрактными, вторичными, а зачастую терминологическими вопросами.

Наиболее актуальная и важная задача, подчеркнул З.И. Файнбург, заключается в том, чтобы найти возможность теснее связать разработку теории культуры с эмпирическими исследованиями, а всей культурологической науки – с управлением и практикой культурного строительства. Для этого необходимо сосредоточить усилия на изучении ряда проблем: провести генетический анализ становления и формирования теории культуры; более четко выявить место и роль культуры в развитии общества; определить внутренние закономерности развития культуры.

В конечном счете необходимо выйти на логико-категориальный уровень изучения культуры и этим заложить возможность разработки культурологии – науки, отвечающей современным методологическим требованиям, способной удовлетворить запросы управления и влиять на практику культурного строительства.

Анализ материалов данного научно-практического семинара показал, что никогда ранее потребность в исследовании практических проблем культурной жизни не являлась столь необходимым условием не только прогресса культуры, но и самой культурологии.

Свой основной доклад З.И. Файнбург посвятил обсуждению условий, при которых наука сможет вооружить практику управления культурой. Он отметил, что наиболее актуальная и вместе с тем сложнейшая проблема состоит не в том, чтобы

дать интерпретацию различных областей культуры в терминах деятельности или технологии, а в том, чтобы понять, как интерпретировать историческое и социальное развитие культуры.

Главная задача, стоящая в настоящее время перед теорией культуры, подчеркнул З.И. Файнбург, это выработка категориального каркаса теории культуры и наполнение этого каркаса конкретными реальными проблемами.

Проблема взаимосвязи теоретических и эмпирических исследований культуры – узловая с точки зрения требований управления. Удовлетворить запросы управления можно лишь тогда, когда эмпирические исследования культуры дают достоверную информацию, которая затем получает достоверную теоретическую интерпретацию. Однако здесь возникает одна из самых сложных проблем: как на основе принципиально вариативного научного знания выработать однозначное управленческое решение? В этом отношении культурология еще во многом отстает от тех наук, на основе которых уже давно выработываются управленческие решения.

По мнению З.И. Файнбурга, определенной перспективой обладает подход, который интерпретирует культуру как «социальную технологию». Но определение лишь исходного пункта уже недостаточно. Необходимо такое развитие теории культуры, на основе которого можно было бы разработать методологию культуры, выявить источники самодвижения и противоречивости культуры,

В эмпирических исследованиях культуры мы еще не можем учитывать реальной жизни культуры, дать ей достаточно строгую интерпретацию и рассмотреть ее в контексте с другими фактами. Всё это результат отсутствия устойчивой связи между теорией и практикой. Задача состоит в том, чтобы придать всей культурологии черты и принципы целостности.

Наиболее рациональные пути перехода от теории к эмпирическим исследованиям, считал З.И. Файнбург, состоят в *построении типологий*, причем сколь бы частное, отдельное явление они

ни описывали, они должны обладать возможностью соотноситься с общей типологией и своей совокупностью образовывать ее.

Всё это позволило провести самые разные эмпирические исследования, сделало имя З.И. Файнбургу в области семьи, брака, личности, ценностей, показателей образа жизни, фантастики, спорта и многого другого.

Список литературы

1. Козлова Г.П., Ошуркова Р. Захар Ильич Файнбург // История и методология науки: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. ун-т. – Пермь, 1994. – Вып. 1. – С. 181–214.

2. Файнбург З.И., Лихачев В.М. Технический прогресс – содержание труда – духовная культура // Рабочее Прикамье. Ежегодник. – Пермь, 1966. – Вып. 1.

3. Сорель Ж. Социальное значение искусства. – СПб., 1903.

4. Файнбург З.И. Развитие социалистического общества и научно-техническая революция: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов/н-Д, 1972.

5. Файнбург З.И., Козлова Г.П. Диалектическая логика политической экономии социализма. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. – 140 с.

6. Актуальные проблемы методологии культуры (по материалам работы теор. семинара Сев.-Кавказ. науч. центра высш. шк.) / Захарян А.А., Шульман М.М. // Экспресс-информация: Общие проблемы культуры и культурного строительства / Информ. центр по проблемам культуры и искусства. – М., 1980. – Вып. 4. – 15 с.

7. Проблемы теории культуры в системе общественных наук (по материалам науч. семинара, проведенного 21–22 октября 1975 г. в Ростове-на-Дону Сев.-Кавказ. науч. центром Мин-ва высш. и ср. спец. образования РСФСР и Ростов. гос. ун-том) // Экспресс-информация: Общие проблемы культуры и культурного строительства / Информ. центр по проблемам культуры и искусства. – М., 1976. – Вып. 1. – 31 с.

8. Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1969. – 228 с.

9. Файнбург З.И. К вопросу о понятии культуры и периодизации ее исторического развития (некоторые проблемы методологии) // Изв. Сев.-Кавказ. науч. центра высш. шк. Общественные науки. – 1976. – № 3. – С. 10–16.

10. Файнбург З.И. Культура и история // Проблемы теории культуры. – М., 1977. – С. 133–154. – (Тр. / НИИ культуры. – Вып. 55).

11. Файнбург З.И. Смена исторического типа культуры в условиях современности (некоторые вопросы методологии проблемы) // Изв. Сев.-Кавказ. науч. центра высш. шк. Общественные науки. – 1978. – № 1. – С. 28–35.

12. Файнбург З.И. Проблемы культуры в современном марксистско-ленинском социальном знании // Философские и социологические вопросы культуры социалистического общества: реф. сб. / ИНИОН АН СССР. – М., 1978.

13. Файнбург З.И. Противоречие общества и природы как генетический фактор культуры // Экология и культура. Методологические аспекты. – Ставрополь, 1982.

14. Социологические исследования культуры в СССР / Волинский М.А., Дондурей Д.Б. // Обзорная информация: Общие проблемы культуры и культурного строительства / Информ. центр по проблемам культуры и искусства. – М., 1978 – Вып. 2. – 48 с.

15. Файнбург З.И. Культурно-технический уровень молодежи и тенденции его развития // Молодежь и труд. – М.: Мол. гвардия, 1970. – С. 36–51.

16. Файнбург З.И. Культурная дифференциация в социалистическом обществе и некоторые ее социальные следствия // Личность, группа, общество: сб. науч. тр. / Перм. политехн. ин-т. – 1971. – № 90. – С. 102–103.

17. Социологические исследования проблем культуры (Опыт работы лаборатории социологии ППИ) // Экспресс-информация. Общие проблемы культуры и культурного строительства / Информ. центр по проблемам культуры и искусства; Гос. библ. им. В.И. Ленина. – М., 1979. – Вып. 4.

18. Проблемы планирования, прогнозирования, управления и изучения культуры как целого (на предприятии, в городе, регионе): тез науч.-практ. семинара: в 2 ч / отв. ред. З.И. Файнбург; Перм. политех. ин-т, НТО, ССА. – Пермь, 1981.

19. Проблемы исследования целостности культуры (по материалам науч.-практ. семинара «Проблемы планирования прогнозирования управления и изучения культуры как целого (на предприятии, в городе, регионе)», Пермь, ноябрь 1981 г.) / Волинский М.А. // Экспресс-информация: Общие проблемы культуры и культурного строительства / Информ. центр по проблемам культуры и искусства. – М., 1982 – Вып. 2. – 15 с.

Файнбург Григорий Захарович – заслуженный работник высшей школы РФ, д-р техн. наук, профессор, директор Института безопасности труда, производства и человека Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: faynburg@mail.ru.

З.И. Файнбург

**К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЫЛКАХ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА¹**

Z.I. Faynburg

**TO A QUESTION OF METHODOLOGICAL
PARCELS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH
ON PHYSICAL TRAINING AND SPORT**

1. Социологическое «освоение» каждой новой сферы человеческой жизнедеятельности обычно порождает очередной «методологический бум», так как чаще всего связано с иллюзиями освоения: гипертрофией представлений о специфичности данного рода деятельности, отягощаемой необходимостью каждый раз пересматривать в чем-то уже сложившееся представление о целом. Если пользоваться критериями и терминами Т. Куна [1], то при этом происходит неизбежная корректировка парадигмы целого, вызывающая соответствующую реакцию в научной литературе.

Выделение социологической концепции физической культуры и спорта не стало исключением.

2. Постулат о необходимости применения к социологическому изучению физической культуры и спорта всего арсенала философско-социологической методологии страдает избытком неопределенности. Фактически в нем заложена лишь идея о том, что отношения физической культуры и спорта относятся к миру социального. Однако эта идея самоочевидна и вряд ли нуждается в специальной аргументации. В современном соци-

¹ Статья была написана в 1977 году и по каким-то причинам не была опубликована. Печатается в авторской редакции, подготовленной к изданию профессором Г.З. Файнбургом.

альном знании прежде всего должен быть выделен подход к тому или иному явлению, чтобы все аспекты его изучения содержали в себе движение от явления к сущности, от сущности более элементарной к сущности более глубокой.

Любое социальное явление содержит в себе как минимум субстанциально-генетический аспект, характеризующий «внутренние» свойства этого явления, организационный аспект, характеризующий связи данного явления в структуре социального целого, аспект культуры, характеризующий «технологические» стороны явления, способ проявления его деятельной природы. Фактически социологическое изучение любого социального явления начинается с выделения аспекта, который должен стать объектом последующего анализа. Движение в анализе от социального целого, вычленение в этом целом места и роли данного конкретного явления, известного нам уже ранее по социальной практике и в силу этого уже неизбежно осмысленного нами в аспекте первых ступеней трехчленного процесса познания (ступени живого созерцания и движения в анализе от первично-конкретного к абстрактному, от образа к представлению, от представления к понятию), осуществляется в ключе принятого нами аспекта рассмотрения объекта².

Социальный феномен, обозначенный как «физическая культура и спорт» (ФК и С), может быть охарактеризован с этих позиций так:

а) в субстанциально-генетическом аспекте – как специфическая сфера (часть) материального и духовного производства, реализующая функцию *физического* воспроизводства человека (и духовного «обеспечения» этого воспроизводства). Этому роду производства свойственны свои техники и своя специфическая область общественных отношений;

² См., например, работы Б.М. Кедрова, Э.В. Ильенкова, В.О. Библера, З.М. Оруджева и др.

б) в организационном аспекте – как характеристика специфической взаимосвязи ФК и С с другими сферами производительной деятельности, другими формами общественных отношений; как характеристика «внутренних» связей в самих ФК и С; как характеристика места ФК и С в структуре общества и их «внутренней» структуры;

в) в аспекте культуры – как специфическая только для человека, как общественного существа, часть (сторона) способа (технологии) воспроизводства своей физической сущности, как одна из функциональных форм культуры как целого.

Каждому из аспектов рассмотрения ФК и С свойственны свои научные дисциплины, своя проблематика научных исследований. Нас в данном случае интересует прежде всего культурологический контекст проблемы.

Методологические принципы исследования культуры рассматривались в последние годы весьма интенсивно в советской философско-социологической литературе. Можно считать, что подход к культуре как специфической характеристике *способа деятельности*³ получил известное преобладание. С этой точки зрения надо, очевидно, рассматривать и ФК и С как феномен культуры (который нас интересует прежде всего в данном случае). Именно этот аспект рассмотрения ФК и С является сейчас наиболее актуальным и с точки зрения познания общей сущности ФК и С, и с точки зрения управления развитием этого феномена.

ФК и С относятся прежде всего к *преобразующей* стороне деятельности (по классификации М.С. Кагана). Другие аспекты интегрального представления о деятельности подчинены в данном случае этой ее стороне. Генетическая типология развития культуры [4] применима здесь целиком к анализу ФК и С, вычленяемых первоначально в качестве структурного феномена культуры.

³ См., в частности, работы Э.С. Маркаряна, М.С. Кагана, З.И. Файнбурга, В.Е. Давидовича и Ю.А. Жданова и др.

3. В зоологических, дочеловеческих формах существования деятельная природа органической жизни обуславливает естественную технологию физического развития организмов. Сам строй их жизнедеятельности требует постоянной и систематической физической нагрузки (различающейся по образу жизнедеятельности данного организма и занимаемой им «экологической ниши»). У животных, особенно высших, присутствует также и игровая деятельность, имитирующая обычные жизненные процессы (необходимо требующие физических нагрузок). Таким образом, зоологическая жизнедеятельность содержит предпосылки всего феномена ФК и С, а не только его отдельных элементов.

В условиях первобытного общества физическая культура еще не стала в полной мере культурой: она еще в малой степени выделилась из синкретической формы труда. Она остается в чем-то главным всё еще естественной технологией.

Разделение труда является предпосылкой окончательного выделения ФК и С в феномен культуры. Социальные классы, занятые физическим трудом, сохраняют полустественный характер физической культуры и занятие свойственными им видами спорта лишь как игрой (игрой-развлечением), содержание которой в своих основных элементах совпадает с их трудовой деятельностью. Привилегированные социальные классы, свободные от физического труда, как раз и вынуждены создавать и совершенствовать физическую культуру как «искусственную технологию» (т.е. собственно культуру), поскольку определенное состояние физического здоровья имеет непосредственное значение для их социальных функций. Таковы, в частности, Олимпийские игры в древней Элладе, рыцарские турниры в средние века и т.п., являвшиеся игровой реализацией и кульминацией физической культуры,

В буржуазном обществе это жесткое противостояние характера физических нагрузок и типа игры, связанной с физическими нагрузками, начинает размываться. Развитие техники и измене-

ние содержания труда создает и для рабочих необходимость в физической культуре, а изменения в режиме труда и социальной жизни рабочих в развитых капиталистических странах создает возможность (особенно за последние 50–60 лет)⁴ более или менее систематического занятия физической культурой. Но также создается возможность коммерческого использования игровой сублимации физической культуры – спорта.

Наконец, в условиях общества коммунистического типа складывается и объективная необходимость, и реальная возможность всеобщей равной в принципе причастности и к физической культуре, и к спорту. В условиях социализма (и особенно пока социализм в международном плане сосуществует с капитализмом) возможности эти реализуются лишь частично.

Таким образом, общий ход истории и общий процесс развития культуры получает соответствующее отражение в развитии ФК и С как феномена культуры. В этом развитии всеобщее (т.е. свойственное развитию общества и культуры как целого) органически переплетено со специфическим.

4. В каждую историческую эпоху содержательный контекст ее культуры достаточно полно отражается в свойствах ФК и С. Здесь налицо достаточно жесткая детерминация общим и основным более частного и уже потому не самого главного.

В рабовладельческом и феодальном обществах то, что зафиксировано в социальных институтах в качестве спорта, достаточно жестко отделено от эксплуатируемых классов. В силу непосредственно функциональной ориентированности всей системы ФК и С у господствующих классов они практически принудительно для его представителей всеобща, а по характеру норм – относительно бескомпромиссны.

В буржуазном обществе связь ФК и С с основной, стержневой линией функционирования социальной системы осуществляется через многоступенчатое опосредствование. Отсюда

⁴ Статья написана в 1977 году. – ГЗФ.

та иллюзия относительной самостоятельности, чуть ли не автономии ФК и С. Фактически же и здесь ФК и С как феномен культуры есть достаточно точный и полный «слепок» к буржуазной культуры в целом.

Деление спорта на любительский, профессиональный (формально не выделяемый) и коммерческий (неосновательно называемый профессиональным) без особо сложного опосредствования отражает природу социальных отношений капитализма. Относительно невысокая втянутость трудящихся масс в физическую культуру и расцвет спортивных коммерческих зрелищ – безусловное детище буржуазных отношений. Культ чемпиона, концентрация внимания на единственном, абсолютном чемпионе, кем бы он ни был, безразличие к реальной социальной функции чемпионства, антагонистическая двойственность декларативной и реальной морали спорта, пренебрежение массовой физической культурой, если в интересе к ней не заложены коммерческие критерии, использование идеологических возможностей спорта буржуазией для своих классовых целей и т.п. – характерные черты буржуазной ФК и С как феномена культуры.

Нетрудно заметить, что современный олимпийский спорт построен примерно по этим образцам и ценностям буржуазной культуры, что отнюдь не исключает и позитивных элементов его содержания: как и любое явление буржуазных отношений, буржуазной культуры, двойственны, внутренне противоречивы и буржуазные ФК и С.

Общество коммунистического типа характеризуется качественно противоположными свойствами исторического типа культуры. Соответственно этому необходимо строить и нормативную модель ФК и С как феномена культуры. Модель эта выгладит достаточно конкретно.

Всеобщая причастность (деятельная, а не только как к зрелищу) к ФК и С, единство деятельного участия и зрелищного восприятия. Не только всевозрастная физическая культура, но и всевозрастной спорт всех уровней.

Более органическая связь спорта (и соответственно, чемпионства) с естественными градациями физического здоровья человека. Соревнования в границах объективных градаций физического здоровья

Культивирование видов спорта, не унижающих личность спортсмена в процессе и итоге соревнования. Акцентирование на видах спорта, не требующих гипертрофированности (аномального) развития каких-либо сторон человеческого организма. Культивирование прежде всего мастерства, а не силового физического превосходства, акцентирование прежде всего игровой природы спорта.

Четкое разграничение (по объективным нормативным критериям) любительского и специализированного (так называемого профессионального, если пользоваться старыми терминами) спорта, при полном исключении каких-либо видов коммерческого использования спортивных соревнований.

Принципиальное единство (в рамках лишь неантагонистической противоречивости) моральных норм общежития в целом и ФК и С. Акцент не на самой по себе игровой природе спорта, а на правилах игры, на нормативной стороне спорта и реальном содержании спорта как деятельности.

Современное социалистическое общество еще не может целиком и полностью реализовать всю совокупность этих новых свойств ФК и С.

Во-первых, сама степень зрелости общественных отношений еще не позволяет реализовать ее полностью: социализм — первая фаза общества коммунистического типа.

Во-вторых, современное социалистическое общество взаимодействует со странами капиталистическими и развивающимися, что обуславливает необходимость в международной системе спортивных отношений придерживаться какой-то *единой* системы организации спорта. Такой единой системой пока является традиционно олимпийская, можно сколько угодно критиковать ее слабости, принадлежность многих ее

основных элементов к культуре буржуазного типа, но требования *единства* международного спортивного движения пока безальтернативны.

Социалистическое общество в связи с изложенными выше факторами вынуждено придерживаться в своей деятельности по поводу ФК и С двух диаметрально противоположных тенденций, совмещая весьма мало совместимое:

– развития олимпийского спорта (со всеми его «связками» с буржуазной культурой);

– развития ФК и С нового типа, институционально воплощенного прежде всего в систему ГТО.

Это противоречивое взаимодействие двух противоположных тенденций в ФК и С делает саму ситуацию в ФК и С достаточно сложной, а порой и просто запутанной, порождает немало конфликтных ситуаций и т.п. Задачей социальной политики в области ФК и С становится прежде всего нахождение какого-то *оптимального* соотношения этих двух противоположных сторон.

Определив общую позицию в подходе к конкретным проблемам социологического исследования ФК и С, нетрудно обеспечить и решение частных исследовательских проблем. Специфика эмпирического социологического исследования в сфере ФК и С не столь велика, как это кажется некоторым авторам. Главную трудность сейчас вызывает (и еще долго будет вызывать) принципиальная теоретическая интерпретация результатов эмпирических исследований.

5. Процесс социологического исследования в сфере ФК и С требует, как и во всяком другом случае, органического сочетания методов теоретического и эмпирического исследования. И эмпиризм, и схоластическое теоретизирование здесь равно бесплодны, как и во всякой другой сфере исследований социальных явлений. Вместе с тем разработка специфических проблем методологии исследования ФК и С не может вестись без органической увязки непосредственной разработки теории ФК и С и разработки методологии.

Список литературы

1. Кун Т. Структура научных революций: пер, с англ. – М.: Прогресс, 1975.

2. Файнбург З.И. К вопросу о понятии культуры и периодизации ее исторического развития (некоторые проблемы методологии) // Известия СК НЦВШ. – Ростов-н/Д, 1976. – № 3. – С. 30–39.

3. Файнбург З.И. Смена исторического типа культуры в условиях современности (некоторые вопросы методологии проблемы) // Изв. Сев.-Кавказ. науч. центра высш. шк. Обществ. науки. – 1978. – № 1.

Файнбург Захар Ильич (1922–1990) – д-р филос. наук, канд. экон. наук, профессор, в годы написания статьи – завкафедрой научного коммунизма и научный руководитель лаборатории социологии Пермского политехнического института.

З.И. Файнбург
К ВОПРОСУ О НАПРАВЛЕННОСТИ
СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
(ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИОГЕНЕЗА)¹
(тезисы)

Z.I. Faynburg
TO THE QUESTION OF THE ORIENTATION
OF SOCIAL DEVELOPMENT (PREDICTIVE ASPECTS
OF A SOCIAL GENESIS)
(theses)

1. Проблема направленности социального развития в настоящее время приобрела и мировоззренческую, и политическую актуальность, поскольку от характера ее рассмотрения зависит:

– решение многих современных кардинальных вопросов соотношения материи и сознания: в том числе вопроса о распространности социальных форм движения материи во вселенной, вопроса о генезисе и перспективе развития человеческого общества на Земле и т.п.

– постановка острой политической проблемы конфронтации капиталистической (индивидуалистской) и социалистической (коллективистской) тенденций развития.

Отсюда вытекает определенная, иногда явная, а чаще скрытая, *социальная* обусловленность крайних точек концепций о *направленности* социального развития:

¹ Итоговый вариант рукописи, написанной в 70-е годы XX века. Первоначально подзаголовок «Прогностические аспекты социогенеза» отсутствовал. Сверху над заголовком от руки карандашом дописано: *Предполагалось опубликовать в Пермском госуниверситете. Ничего не вышло.* Статья написана тезисно и публикуется в авторской редакции как мемориальное издание. Материал к изданию подготовил профессор Г.З. Файнбург.

– одна крайность: апокалиптическая интерпретация будущего, ожидающего человечество, проявившаяся в ряде конкретных форм (от определения крайне малых сроков техногенной эпохи фон Хорнером и постановки экологической проблемы учеными, выступающими под эгидой Римского клуба, до мрачных научно-фантастических художественных прогнозов антиутопии), где современное положение капиталистической формации пытаются экстраполировать на всё будущее человечества;

– другая крайность (прямо противоположная первой): абсолютизированные и гипостазированные «оптимистические» представления о будущем некоторых ученых и философов-марксистов, основанные на общих абстрактных посылах, на одних эмоциях, при полном отсутствии позитивного знания о ходе и характере развития на ту глубину времени будущего, по которую предпринимаются попытки «оптимистического» прогнозирования.

Однако такого рода бездоказательный «оптимизм», по существу, представляет собой очередную превращенную форму *провиденциализма*. Реальная научная обоснованность такого рода «оптимизма» не может быть признана на сегодняшний день достаточной.

Марксизм (диалектический материализм) на первый план выдвигает представления о *закономерном* характере социального бытия и развитии, а не делает субъективно-эмоциональные пессимистические или оптимистические оценки тенденций общественных процессов. При этом любая оценка такого рода должна основываться на *реальном знании*, на выводах *позитивных наук*, поскольку принцип *знания* приоритетен для материалистической науки по отношению к принципу *оценки*. Хотя направленность марксистской философии *оптимистична*, но лишь в аспекте признания динамичности социальных отношений и отрицания гипостазирования каких-либо конкретных форм общественных отношений.

(Стоит напомнить, что Ф. Энгельс высказывал мысль о том, что с той же закономерностью, с какой жизнь на Земле возникла, она в конце концов может быть и уничтожена. Однако мысль эта была высказана им в сугубо *гипотетической* форме, так как любое более категорическое утверждение было бы спекуляцией).

В конкретной оценке сравнительно *ближайшего* будущего Земли марксизм стоит на позициях уверенного оптимизма (уверенного, но не безусловного), поскольку такой оптимизм достаточно строго научно обоснован. При этом марксизм раскрывает социальную обусловленность апокалиптических концепций буржуазной общественной мысли, их вульгарно-идеологический характер.

2. Закономерности социального развития познаются далеко не одинаково в зависимости от уровня, с которым познающий объект имеет дело.

А. *Внутриформационные* законы социального развития, безусловно и фактически, во всей своей полноте могут быть познаны с позиции диалектического материализма. Поскольку здесь научное познание в состоянии охватить не только *историческое настоящее*, но и, соответственно, *прошлое и будущее* (т.е. выйти за пределы самой данной формации), проблема *исчерпывающего* (практически) познания в принципе может быть решена на этом уровне положительно.

Б. Законы *смены формации* познаются с большими трудностями. Их познание в большей степени опирается на представления о глобальном историческом развитии, так как для установления этих законов познание в какой-то степени должно отразить *историю в целом* как процесс *смены формаций* (историю не как законченный феномен, а как *процесс*).

В. Законы *социогенеза как законченного целого*, как конечного феномена, на сегодняшнем уровне фактически пока познаны в сравнительно малой степени, и существует обоснованное сомнение в возможности их сравнительно полного по-

знания. (По крайней мере до тех пор, пока мы не сможем наблюдать пример такого социогенеза где-то на другой планете Космоса). Дело в том, что познание законов этого уровня требует внешней позиции по отношению к собственному бытию человечества, требует представления о нашей истории как об уже *завершенном* процессе.

На всех уровнях познания социогенеза существенным осложнением процесса познания является *парадокс развития*. Познающий субъект не может абстрагироваться от своей конкретно исторически и социально обусловленной субъективности. Поскольку социальное познание суть *САМОпознание*, парадокс развития изменяет не какие-то внешние для субъекта познания объекты, а изменяет его самого, его угол зрения.

Формирование и формулирование целей социального развития, соответственно, представляет собой:

– либо выражение какого-либо *субъективного* (индивидуального либо группового) интереса, лишь частично и опосредованно связанного с законами социального развития;

– либо выражение *локального исторического* интереса данного социального класса, отражающее его конкретную интерпретацию законов социального развития;

– либо *глобально-исторический* интерес общества, где формула цели может служить лишь превращенным отражением в сознании общеисторических объективных тенденций социального развития.

Все эти уровни целеполагания общественным человеком, как субъектом истории, диалектически взаимосвязаны, однако само понятие цели применимо к данным уровням в неодинаковой мере. Исходным является понимание цели как плана непосредственного действия, а завершающим – представление о цели как превращенной форме осознания объективной, внешней закономерности. Представление о цели равно не может трактоваться ни в ключе фатализма, ни в ключе индетерминизма. Субъективные цели реальны лишь в общих (достаточно широ-

ких, чтобы субъективная активность являлась реальностью исторического масштаба) границах объективных законов.

В общих свойствах материи не заложено специфической целесообразности движения ее отдельных конкретных форм. Не существует, следовательно, и заданных, конкретных внешних целей существования и развития общества. Общее же свойство любого закономерного процесса (сиречь, специфически «организованного», если пользоваться языком системного подхода) – его способность к *самосохранению* и к *переходу на более высокий уровень* – «лимитируется» определенными условиями самосохранения или перехода на высшую ступень. Возникновение высших форм существования и движения материи поэтому *закономерно*, но лишь при *определенных условиях*. При отсутствии (или исчезновении ранее имевших место) таких условий материя сколько угодно долго (с точки зрения меры времени социогенеза) может существовать и в более «низких» формах. Общий закономерный характер *возникновения* социальной формы движения материи сам по себе не означает ни неизбежности ее снятия, ни закономерности ее извечного существования.

3. Для каждого *уровня* существования материи² существуют свои *условия* и свои *формы* как *самосохранения*, так и *перехода к высшему*. Соответственно, самосохранение социальных объектов имеет специфические отличия от самосохранения даже ближайших к социальным зоологических объектов.

Зоологическая адаптация к среде преимущественно пассивна: биологическая организация непосредственного существования особи, групп, вида в целом высокопластична, однако эта пластичность реализуется только под прямым давлением изменившейся среды и как прямое *следствие* такого давления.

² См. концепцию уровней, развиваемую В.В. Орловым, в ее главных пунктах вполне обоснованную, по нашему мнению, на данном этапе развития философского знания.

Социальная адаптация³, в отличие от зоологической, в высокой степени *активна*. Эта активность реализуется в *целенаправленном планомерном* преобразовании среды своего существования, организации собственного бытия и, наконец, своей собственной природы. Основой перехода к активной адаптации выступает *труд*, как процесс материального взаимодействия общества с природой. Поскольку общество, опирающееся на труд и *сознание*, выступает в качестве *субъекта* в адаптивном процессе по отношению к природе (включая и свою собственную природу), оно обладает способностью к *практическому предвидению* (предвидение и в сознании, и в преобразующей деятельности).

Следует отметить, что *развитое состояние адаптивных свойств общества* можно считать достигнутым (точнее, находящимся на ступени *становления* этого развитого состояния) только сейчас, когда сложилось (складывается) непосредственное единство науки, производства и «академической деятельности» (системы усвоения, трансляции и развития научного знания в форме развитого целенаправленно организуемого социального института). Этот процесс и трактуется в литературе как сущность современной НТР⁴.

Самосохранение социального феномена (общества как целого в историческом процессе) на основе труда предполагает в качестве одного из необходимых условий *познание объективных законов* развития как среды своего существования, так и своих собственных. Соответственно, оно может осуществляться в каждый данный момент лишь на «*глубину*» *проникновения в эти объективные законы*. Познание в принципе *беспредельно*, однако в каждый данный момент оно *ограничено* конкретными условиями деятельности познающего субъекта.

³ Наиболее обстоятельно в общем виде в советской философской литературе она рассмотрена Э.С. Маркаряном.

⁴ См., в частности, Петров М.К. Как создавали науку? // Природа. – 1977. – № 9. – С. 80–88.

4. Процесс труда представляет собой специфическую форму взаимодействия общества с природой. Общество и *противостоит* природе (природа в качестве объекта труда выступает в форме внешнего по отношению к обществу) и *входит* в природу в качестве ее элемента (труд есть использование законов природы). Во всех случаях труд есть процесс: а) *материального* взаимодействия; б) взаимодействия *общества как целого* с природой, причем это взаимодействие не может быть сведено только к сумме индивидуальных взаимодействий или к частным историческим формам.

Труд, в отличие от *непосредственного* взаимодействия зоологических объектов с природой, представляет собой *опосредствованное* взаимодействие. Это опосредствование взаимодействия в труде триедино и осуществляется через:

1) систему *предметов* (эволюционирующих от используемых природных объектов до изготовленных сложнейших артефактов), непосредственно воздействующих на «тело» природы;

2) дифференцированное воспроизведение (отражение) природных процессов и самого труда в *сознании*;

3) специфическую форму взаимосвязи между внутренними компонентами общества (индивидами, группами, классами и т.п.), образующими *социальную организацию труда*.

Всякая система опосредствования (в том числе, конечно, и труд), с одной стороны, увеличивает *степени свободы* взаимодействующих объектов, *вариативность* их взаимосвязи, а с другой – увеличивает степень *ограничения* взаимодействия *условиями его эффективности*.

Развитие труда поэтому неправомерно рассматривать только как возрастание господства человека над природой. Одновременно оно означает и возрастающее ограничение эффективности труда теми или иными *условиями его протекания*. Эти ограничения в равной мере могут касаться любой из тех главных сторон труда, о которых шла речь выше.

Нас здесь прежде всего интересует роль личностного фактора, выступающего в специфической форме рабочей силы.

Коммунистическая организация производства, базирующаяся на качественно более высокой технике и науке, представляет собой шаг вперед в историческом решении проблемы личностного фактора производства. Однако еще К. Маркс, выделив основные черты преимущества будущего производства⁵, отметил и их внутреннюю противоречивость:

- преимущества и противоречивость параллельности функционирования автоматических систем орудий и работника;

- преимущества и противоречивость универсального развития работника как предпосылки его специализированной деятельности;

- преимущества и противоречивость изначальной включенности индивида в социальную организацию в качестве предпосылки его участия в труде и т.п.

Творческая деятельность, форму которой в тенденции принимает труд в общественном производстве, представляет собой в личностном плане противоречивый (в *социальном* контексте отношений, а не только в психологическом) процесс. Неантагонистический характер противоречий творческого труда отнюдь не означает возможности некоего автоматизма в их решении или возможности их полного снятия.

В связи с этим труд всегда (и в перспективе, в том числе) должен рассматриваться не только как противоречивое взаимодействие общества и природы, но и как противоречие между сознанием и деятельностью, как противоречие между специализированной формой деятельности и принципиальной универсальностью человека, как противоречие между коллективным характером деятельности в труде и индивидуальной формой самореализации личности. Трудовая форма адаптации к природе в социальном процессе – не универсальная автома-

⁵ См., в частности, «Экономические рукописи 1857–1859 годов».

тическая «отмычка» к бездоказательному «оптимизму», а сложная, постоянно воспроизводящая себя проблема настоящего и будущего.

5. Трагую историческую перспективу социального развития, зачастую рассматривают эту перспективу, отступая от критериев системного подхода, забывают о том, что познание локальных (частных) тенденций не может исчерпать проблемы развития, если оно не соотнесено с познанием целого именно в качестве *целого*. Само развитие должно при этом всегда рассматриваться как процесс *противоречивый* по своей собственной внутренней сущности: как в свое время справедливо указывал Гегель, противоречие есть существо явления, а не его изъян или болезнь.

Развитие общества с этой точки зрения следует рассматривать всесторонне, диалектически, в единстве субъектных и объектных свойств общества как материального феномена.

А. *Возвышение* общества над природой (развитие его господства над ней) есть вместе с тем и удаление его от природы: одна сторона диалектического единства не только глубже проникает в другую сторону, но одновременно и удаляется от нее. В этом взаимодействии, чем большего общество добивается от природы, тем одновременно их единство становится *менее стабильным*, равновесное состояние противоречия – более шатким, более строгим.

Приведем примеры:

– использование источников огромной энергии содержит в себе, при любом, самом мирном, ее использовании, *внутреннюю* потенциальную опасность, решительно и качественно превосходящую опасности всех традиционных видов энергии;

– опасности генной инженерии (не имеющие пока прямого отношения к каким-либо видам оружия) широко известны: о них не только пишет специальная литература, но и в научно-фантастических образных моделях нет недостатка;

– использование химических и биологических технологий в равной мере увеличивает и производительные возможности общества, и опасности для него.

Мы находимся в *самом начале* эпохи применения так называемых *глобальных* производственных средств и технологий. Трудно сейчас было бы сколько-нибудь конкретно говорить об отдаленном будущем: мы для этого мало знаем и, с учетом парадокса развития, отнюдь не всегда можем предвидеть. Однако общая философская постановка вопроса о возможном возрастании потенциальной нестабильности равновесия социального и природного кажется нам достаточно обоснованной. Если при этом еще и не абсолютизировать только закономерное в деятельности, *считая случайное тоже неизбежным*, то мы пока не видим решающих контраргументов относительно столь осторожной трактовки отдаленного будущего взаимодействия общества и природы.

Б. Развитие общественных отношений необходимо включает в себя и развитие противоречия общества и личности. Не будучи антагонистичным, это противоречие, вместе с тем, не может быть и снято: оно сущностно для человеческого бытия, для социальной формы движения материи.

Потенциальные границы целеполагания личности всегда шире границ реального существования индивида: тенденцией такого целеполагания является приближение границ целей индивида к целям общества в целом. Однако совпасть эти цели не могут, так как социальное время и социальное пространство индивида лимитированы его биологической стороной. Отсюда – необходимость *выбора* целей индивидом, необходимость *самоограничения*.

Социальное развитие увеличивает возможности выбора индивидом направлений своей жизнедеятельности, однако при этом качественно возрастает и число тех потенциальных направлений жизнедеятельности, которые индивид вынужден добровольно *отвергать*. При этом характер выбора предопределяется

как объективными факторами, так и субъективными. Причем сознание создает потенциальную возможность *иллюзорных* (в том числе и асоциальных) направлений самореализации индивида.

Философ должен ясно представлять себе противоречие личности и общества, его общий сущностный характер, предполагающий и разрешение конкретно-исторических форм этого противоречия, и его воспроизведение в более «высокой» форме на более высокой ступени развития. Субъектные свойства человека сущностно противоречат его объектным свойствам, и история не может окончательно снять это противоречие.

Мы живем в начальные периоды новой эпохи истории, когда через научную (предвидение) и организационную (планирование) деятельность существенно возрастает роль субъектного начала в социальном процессе, когда какие-то субъектные посылки могут превращаться в конце концов в какие-то новые объектные свойства. Роль субъектного компонента, если еще не стала решающей, то, во всяком случае, существенно, решительно возросла. Сегодня у нас нет необходимых знаний для проектирования и этой проблемы на отдаленное будущее.

Несколько выводов:

1. Отсутствие конкретного, аргументированного знания относительно будущего развития общественной жизни на Земле не позволяет априори истолковывать отдаленное будущее ни в пользу исторического «пессимизма», ни в пользу исторического «оптимизма». И в том и в другом случаях мы имели бы дело лишь с разными вариантами финалистской, провиденциалистской точки зрения.

Никакие прямые экстраполяции из прошлого в отдаленное будущее (такие экстраполяции самим своим существованием ставят под сомнение парадокс развития) не помогут в решении проблемы направленности социального развития.

2. Диалектико-материалистическая концепция развития предполагает *общую* тенденцию движения материи от низшего к высшему, однако такая общая концепция не может:

– трактоваться провиденциалистски относительно какого-либо конкретного объекта, поскольку не может быть и речи о механической обязательности реализации этой тенденции в каждом конкретном случае и о невозможности обратного движения в том или ином конкретном случае;

– включать в себя какие-либо категорические утверждения о «верхнем» пределе развития общества в связи с отсутствием пока позитивного знания.

Диалектика, если ее лишать конкретного содержания, необходимо будет трансформироваться в схоластику, поэтому диалектико-материалистическая концепция развития *всегда* связывает развитие с *определенными условиями*.

3. Независимость человека относительно природы не может быть абсолютизирована, так как человек не только относится к природе как к среде своей деятельности, но и сам представляет собой феномен природы, является ее компонентом. Внеприродное существование человека и человеческого общества – бесплодная фантазия. Обособленное от общества существование личности (равно как и обособление общества от личности) обладает не большим реальным, практическим смыслом, чем обособление общественного человека от природы.

Противоречивое взаимодействие общества и природы, индивида и общества выступает одновременно и как *источник* развития, и как его *ограничение*. Прогнозировать развитие этого противоречия, как механическое сохранение равновесного соотношения противоположностей, столь же методически неправомерно, как и произвольно отдавать предпочтение каким-либо апокалиптическим прогнозам.

Что касается *единства* общества и природы, личности и общества, то они должны рассматриваться *конкретно, исторично* и на основании позитивного *научного знания*. Абсолютизация роли какой-либо одной стороны этого единства – грубое отступление от научной методологии.

* * *

В архиве З.И. Файнбурга и Г.П. Козловой сохранился и проспект книги на эту же тему. Книга не была написана, обсуждение вопросов предполагаемого ее издания в архиве не обнаружено. Мы сочли возможным привести этот проспект вместе с текстом статьи.

К ВОПРОСУ О НАПРАВЛЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (проспект)

1. Природа феномена «направленность». Два уровня целей социального развития: 1) глобальный, когда цели носят настолько обобщенный характер, что отражают в превращенном виде лишь общие объективные тенденции социального процесса; 2) локальный, когда цели содержат в себе существенный элемент субъективного, вариативного, случайного. Проблема диалектической взаимосвязи двух уровней целеполагания в социальном развитии. Критика концепции внешних целей социального процесса. Проблема общеисторической цели социального процесса: понятие «самосохранения в среде». Противоположность зоологического и социального контекста понятия самосохранения (в границах их диалектического единства).

2. Специфика самосохранения в среде, свойственная социальным объектам. Зоологическая адаптация как относительно пассивная адаптация к среде, воспринимаемой на уровне: а) ее состояния в каждый данный момент; б) ее непосредственных проявлений (т.е. на уровне явления). Социальная адаптация как активное отношение к среде, включающее и целенаправленное преобразование этой среды. Восприятие среды обществом: а) с учетом тенденций закономерного развития среды, т.е. ее будущих состояний; б) с учетом ее глубинных, сущностных свойств, т.е. на уровне свойств этой среде объектив-

ных законов. Труд как центральная форма социальной адаптации в среде (адаптации общества к природе).

3. Труд как основная форма взаимодействия общества с природой. Труд как единство: а) изготовления и применения орудий; б) сознания; в) социальной организации бытия и деятельности. Труд как активное, преобразующее воздействие на среду. Сознание как форма «соединения» деятельности, преобразования с законами бытия и развития объекта этой преобразующей деятельности, как способ придания адаптивной деятельности целенаправленной «встроенности» в закономерности развития объективного мира. Плановость как адекватная феномену сознания форма развития, форма организации социальных объектов. Предвидение как обще-социальная форма «соединения» труда и сознания. Внутренние противоречия труда как процесса взаимодействия общества с природой.

4. Самосохранение общества как процесс, развертывающийся в историческом времени. Развитие общества как процесс повышения уровня его организации, как «усложнение» и «упрочение» его положения относительно природы, повышение «устойчивости» существования общества в природной среде. Внешние и внутренние аспекты самосохранения и развития «единицы» разума («единицы» социального бытия). Космический (всеобщий) и земной (единичный) аспекты существования общества и человека. Закономерность извечного существования социальной формы движения материи на уровне космического (всеобщего) в его данной физической форме. Проблема глобальной космической метаморфозы как внешняя для характеристики существования социальной формы движения материи. Элемент субъективного, случайного и т.п. по отношению к единичному (земному) феномену существования социального. Взаимодействие космического (всеобщего) и земного (единичного) в условиях особенностей социальной формы движения материи.

И.В. Кондаков

**«МЫСЛЕЙ МНОГО», ДА «МЫСЛИ НЕ ТЕ»
(ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ
О З.И. ФАЙНБУРГЕ)**

Приводятся воспоминания о З.И. Файнбурге как неординарном человеке и выдающемся ученом. Описываются различные начинания, советы, методология работы и отношения к реальности Захара Ильича. Всё это дается в ретроспективном видении и в тесной увязке с развитием культурологии и работами автора.

Ключевые слова: марксизм, культурология, философия, история, социология, литература, культ личности, научная фантастика.

I.V. Kondakov

**“THERE IS A LOT OF THOUGHTS”
BUT “A THOUGHT NOT THOSE”
(MEMOIRS AND REFLECTIONS
ABOUT Z.I. FAYNBURG)**

Memories of Z.I. Faynburg as about the extraordinary person, and as about the outstanding scientist are given in the article. Various undertakings, recommendations, methodology of work and the attitude towards Zakhar Ilyich's reality are described. All this is given in retrospective vision and in close coordination with development of cultural science and works of the author.

Keywords: marxism, cultural studies, philosophy, history, sociology, literature, cult of personality, science fiction.

1

Более полувека назад, еще школьником, я познакомился с Захаром Ильичом, войдя в его дом в качестве нового друга его сына. Влияние, которое он оказал на меня, на строй моих мыслей, на смысл разрабатываемых мной концепций и на мою научную судьбу, было определяющим. И даже сейчас, спустя

25 лет после его ухода, я чувствую его направляющую руку, его руководящий ум, его отеческую заботу..., ибо мы с ним составляем неразрывную связку: *учитель и ученик*.

Но Захар Ильич Файнбург не был моим научным руководителем. Я не работал на его кафедре и в его лаборатории. Я не участвовал в возглавляемых им социологических исследованиях и коллективных научных и научно-методических изданиях. Я не слушал его блестящих лекций (кроме одной, про научную фантастику, которую он прочел в Пермском университете). Он не редактировал моих статей, не видел моих книг. Я даже не уверен, читал ли он внимательно автореферат моей кандидатской диссертации, который я ему посылал в 1983 году с просьбой написать отзыв... Но и я не читал, к сожалению, многих его произведений, хотя те, что я прочел, убеждали меня (и убедили) в его правоте. Я не подхватывал и не развивал его любимых идей, его научных построений, не цитировал его труды, не ссылался на открытые им подходы к осмыслению социальных и культурных явлений, хотя всегда понимал их ценность и новизну. Наконец, я никогда не чувствовал себя (пожалуй, и не чувствую) социологом или экономистом, как ощущал и представлял себя Захар Ильич...

И тем не менее я являюсь его учеником и считаю его своим учителем.

Когда-то, очень давно, еще до моего поступления в аспирантуру МГУ, Захар Ильич мне сказал: «Ты должен заниматься философией. Ты должен защищаться по теории культуры». И я, филолог по базовому образованию, защитив в 1983 году кандидатскую диссертацию по филологии, в 1998 году защитил докторскую диссертацию по философии (специальность – именно «теория культуры»).

Это он советовал мне критически изучать современную литературу. И первая моя книга – «От Горького до Солженицына», вышедшая в 1994 году, была посвящена советской литературе и критическому (во всех смыслах) взгляду на нее [1].

Вообще, З.И. научил меня интересоваться современностью, осмыслять и анализировать ее, несмотря на всю ее незавершенность и текучесть. Захар Ильич часто говорил, что никак не может перестать теоретизировать по поводу любых окружающих социальных и культурных явлений, чем бы он ни занимался и где бы ни находился.

Единственным способом отрешиться от непрерывной рефлексии окружающей реальности, от ее последовательной социологизации он считал рыбалку. Только когда следишь за поплавком, забываешь о социологии, – говорил он изредка. И в то же время он любил часто повторять важнейшее для истинного ученого правило: «Во всем главное – методология» (в том числе в кулинарии, которой он увлекался не только теоретически, но и практически). И я, начиная с первых своих публикаций (1969), старался взглянуть на изучаемые мной предметы именно с методологических позиций социокультурного анализа. Подзаголовок моей кандидатской диссертации был «Вопросы методологии». Впрочем, когда я занимаюсь готовкой (увы, довольно редко), я вспоминаю эту фразу: во всем главное – это методология. И это никогда не подводит.

И когда я читаю ту или иную научную книгу, диссертацию, когда я участвую в какой-то научной дискуссии, круглом столе или конференции, я мысленно сверяю свои впечатления от прочитанного или услышанного с тем, как бы это прочел и оценил Захар Ильич, ставший для меня образцом служения науке, научной принципиальности, идейной стойкости, философской глубины. Я до сих пор продолжаю у него учиться.

Захар Ильич был и навсегда остался верным марксистом, творческим марксистом, убежденным марксистом, истинным марксистом. Я думаю, он разделял ленинскую сентенцию: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно» [2], кажущуюся мне сегодня казуистикой. Сегодня мне трудно признать себя приверженцем марксизма или последователем Маркса (хотя я не отрицаю его значения и его гениальности). И тем не ме-

нее я прошел хорошую марксистскую школу и счастлив, что я ее глубоко усвоил, прежде чем овладевать другими, более современными философскими и социальными учениями. Марксизм дает систему знаний, идейный кругозор, метод осмысления общественных явлений, понимание историзма и социального детерминизма как основы любого гуманитарного знания, которых так не хватает современным гуманитариям. И даже выходя за рамки марксизма, даже изменяя в чем-то существенном ему, я остаюсь учеником марксиста З.И. Файнбурга, не изменяя своему учителю в главном – в научной честности.

Это значит, что Захар Ильич как мыслитель, как исследователь социальных процессов, как педагог в системе общественных наук был шире любых схем, был глубже господствовавших в позднесоветское время банальностей и трюизмов официального обществоведения. И научил подобному мышлению окружавших его и внимавших ему людей. Научил ломать стереотипы, избегать простых решений, не поддаваться дешевой конъюнктуре, искать ключ к пониманию сложных явлений, не останавливаться в своем развитии и помогать развиваться другим. Даже лекции по научному коммунизму (З.И. возглавлял в Пермском политехническом институте кафедру научного коммунизма, за которую большинство из обществоведов не взяли бы) З.И. Файнбург, по его собственному признанию, читал как лекции по социологии.

Прецедент был, как я понимаю сегодня, весьма опасным: лекции по социологии Ю.А. Левады, читанные им на факультете журналистики МГУ, были запрещены, а их публикация, подготовленная ИНИОном в малотиражном реферативном издании (1969), была немедленно отправлена в спецхран и стала для читателей недоступной. Сам Ю.А. Левада, с которым был дружен З.И., был подвергнут опале и травле, надолго отлучен от публикаций и публичных выступлений.

Ведущий в социологии Институт конкретных социальных исследований АН СССР был лишен притязаний на социальную

теорию и обоснование особой научной дисциплины, ими призван был заведовать только «исторический материализм», мало изменившийся со времени сталинского «Краткого курса».

На расправу с рождающейся социологией был поставлен переехавший из Свердловска в Москву М.Н. Руткевич, успешно справившийся с партийным поручением по разгрому прекрасного научного коллектива талантливых ученых. Репрессии против социологии непосредственно совпали по времени с Пражской весной и вторжением советских танков в Чехословакию. Социологическая «весна» было до самой перестройки заморожена. Захар Ильич сильно рисковал, особенно в политически консервативной провинции. Пермский обком КПСС зорко и бдительно следил за социологическими исследованиями, проводившимися под руководством З.И. Файнбурга. Но глава пермских социологов смело плыл против течения, увлекая за собой и своих коллег по кафедре. Тем самым он обосновывал и создавал собственное течение, перебарывающее тусклый и трусливый официоз, чурающийся самого слова «социология».

Но это всё я осознал потом...

2

А познакомился я с Захаром Ильичом как бы невзначай.

5 декабря 1963 года, в канун своего дня рождения, я пришел в гости к Грише Файнбургу, своему однокласснику по 9-й школе, где я только три месяца как начал учиться в 9-м классе. Я чувствовал себя в новой, респектабельной школе, с модной специализацией «радиоэлектроника и телемеханика» (о которой я имел самое смутное представление, хотя всё лето готовился к ней, читая какие-то популярные книжки о телевидении и электронике) «чужаком». Все «свои», учившиеся в 9-й школе едва ли не с 1-го класса, держались вместе, дружно и весело, по отношению к «пришлым» несколько высокомерно, как к людям второго или даже третьего сорта.

Почти сразу я обратил внимание на Гришу. Он был «свой», но «не в чести»; я так понял, к нему со стороны дирекции были какие-то претензии по прежним годам обучения; ему время от времени знавшие его учителя пеняли за какое-то там вызывающее поведение в прошлом. Гриша сидел особняком, преимущественно на последней парте, и нередко демонстративно «спал», уронив голову на руки. Если кто-то к нему придирался, он отвечал, например, что всю ночь читал Гегеля и потому не выспался. Кроме того, он отличался независимым характером, безапелляционностью суждений, широким кругозором, особенно по обществоведческим вопросам. По многим позициям у нас с ним часто совпадали взгляды, и мы, не сговариваясь, на уроках поддерживали друг друга.

Но я не сразу понял, что за Гришей, в отличие от меня, стояла скала, глыба, из которой он черпал силы, энергию, мысли, уверенность. Откуда в 9-м классе могло прийти в голову ночью читать Гегеля? Откуда настойчивое стремление знать и «физику» и «лирику»? Откуда взялась эта поговорка «шестидесятнической» интеллигенции (которую я от него впервые услышал): «Ученым можешь ты не быть, а кандидатом быть обязан» (Гриша уже тогда готовился заниматься наукой, для которой достижение кандидатской и докторской степеней было делом обычным)? Или когда мы спорили об интерпретации литературных героев на уроках Зинаиды Сергеевны Лурье, – наподобие того: кто прав у Пушкина – Онегин или Татьяна? Или когда мы доказывали учительнице биологии, приверженке идей академика Лысенко, что генетика – это будущее естествознания, что информация заложена в клетке, что информацию хранят ДНК? За всем этим у Гриши стояло влияние Захара Ильича, бесед, которые вели между собой его родители – Захар Ильич и Галина Петровна; книг и журналов, статей, которые они ему рекомендовали прочесть; идей, которые он разделял и принимал на всю дальнейшую жизнь...

Среди занятий, которыми мы тогда были увлечены, была политика. В школе была затеяна игра в «комментаторов за круглым столом» – в духе тех, что проводили в то время по радио Виктор Маевский и т.п. Эти беседы, проводившиеся публично, мы вели на разные актуальные темы, не особенно себя ограничивая, часто перескакивая с одного события или политического имени на другое. Но для того чтобы рассуждать на все эти темы, не повторяя официальных банальностей, нужно было приобщиться к какой-либо нетривиальной информации. И вот Гриша сказал, что его отец как лектор обкома партии выписывает еженедельник «За рубежом», где печатается много материалов, взятых из зарубежной прессы (разумеется, не враждебной Советскому Союзу, но и не общеизвестной). Сам-то Гриша всё это, разумеется, читал, а я – нет. Выносить эти издания из квартиры было нельзя, потому что они могли в любой момент понадобиться родителям, но можно было прийти к Грише домой и там почитать и поконспектировать. Как раз 5 декабря 1963 года я и заявился к Грише в гости – ровно в назначенное время, за что и нарвался на его замечание: мол, интеллигентные люди никогда не приходят вовремя, но всегда с опозданием на энное число минут.

Пришел я, конечно, совсем не вовремя. Захар Ильич только что приехал из какой-то командировки; в доме стоял веселый ажиотаж¹. Галина Петровна суетилась с ужином; Захар Ильич только что принял душ; он был в приподнятом настроении, ходил – руки в боки – напевая «...Америка России подарила пароход...», как мне показалось тогда, демонстративно фальшиво. К моему большому удивлению, позднее я

¹ Много лет спустя я узнал, что именно 1963 год был очень удачен – публикации Захара Ильича и Галины Петровны в «Вопросах философии», «Институте экономики» и в «Новом мире» [3–5] сделали им всесоюзное имя в науке. Именно в этот год тяжкие годы гонений сменились длительным периодом успешной работы.

узнал, что З.И. – большой ценитель музыки: на досуге он занимался тем, что ставил пластинки со скрипичной музыкой, причем часто сравнивал исполнение одних и тех же произведений разными скрипачами – Яшей Хейфецем, Давидом Ойстрахом, Леонидом Коганом, Исааком Стерном и т.д. Некоторые «хиты» того времени, например музыку Г. Гладкова к мультфильму «Бременские музыканты», впервые я слышал в доме Захара Ильича, причем подчас в его исполнении. Так вот, З.И. напевал песенку И. Дунаевского к кинофильму «Волга-Волга» и, как мне показалось, с любопытством поглядывал на меня.

Может быть, он что-то и спрашивал меня, а я отвечал, но я этого не помню. Меня занимало в то время, спросит ли он меня об отце, который был тоже кандидатом экономических наук, преподавал – то в Пермской ВПШ, то на экономическом факультете в университете, работал в Угльном институте... Но однажды был исключен из партии, был свидетелем на одном неприятном судебном процессе, после чего был вынужден уехать в Казань. Родители многих моих одноклассников – еще по прежней школе – с тех пор настроили своих детей бойкотировать меня, вопреки известной формуле: «сын за отца не отвечает»... Захар Ильич меня об отце не спросил, хотя знал о его истории наверняка больше меня, и тем самым сразу расположил меня к себе. Еще меня поразила удивительно теплая и душевная атмосфера, царившая в доме у Файнбургов: супруги перебрасывались репликами – то в шутку, то всерьез, перемежая институтские темы научными, незаметно вовлекая в свой разговор и сына. Время от времени З.И. обнимал и целовал жену, как бы заигрывая с ней; было видно, что за время командировки они соскучились друг по другу, и мне было неудобно, что я именно в такой интимный момент затесался в этот милый и дружный дом... Меня в тот день выручило то, что вскоре Гриша собрался на свидание (я в то время был далек от каких-либо любовных интересов, и мне это было в диковинку) и увел меня с собой из дома (я отправился домой).

С тех пор я довольно часто приходил к Файнбургам в гости, конечно, по каким-то учебным делам. Чаще всего я был в дальней, «детской» комнате их маленькой двухкомнатной квартиры, где обитали Гриша и Люба. У каждого из них был свой письменный стол с закрывавшимися на ключ ящиками и книжными полками. На Гришиных полках были учебники по физике, электротехнике и т.п., а у Любы – по искусству и танцам. Родители их считали, что такое разделение труда между мальчиком и девочкой – наиболее гармонично и естественно. Меня поразило, что ящики письменных столов действительно закрывались на ключ, и никто из родителей даже не пытался туда заглянуть. Позднее мне Галина Петровна объяснила, что это у них с Захаром Ильичом такая воспитательная концепция: во-первых, полное доверие друг другу; во-вторых, независимость и самостоятельность; в-третьих (и это меня особенно удивило), у каждой личности, даже ребенка, должно быть свое индивидуальное пространство, закрытое для других, должно быть место для тайны. В личную жизнь никто не должен вмешиваться. И мне показалось, что я встретился с идеальной семьей (мой отец, хотя и приезжал в Пермь несколько раз, больше никогда в семью не возвращался, и мы с моим братом со времени его отъезда жили в неполной семье, без мужского участия и влияния).

Сама квартира Файнбурга–Козловой, демократичная, простая, даже бедная по обстановке, производила сильное впечатление. Во-первых, она была вся переполнена книгами. Книги были везде: на стеллажах, в шкафах, на столах; даже в туалете были построены антресоли, на которых размещались книги. Книги начинались с прихожей, прямо от входной двери. Как сейчас помню, при входе в квартиру прежде всего бросались в глаза книги по кулинарии: румынская и венгерская, болгарская и грузинская... Я ни разу не видел, чтобы эти книги кто-то читал, но они были серьезно зачитаны. Потом я как-то спросил у Захара Ильича, как он их использует при готовке. З.И. любил готовить сам, но любил и командовать го-

товкой. Например, я видел, как он, лежа на диване и читая книжку, возглашал на всю квартиру: «Галина! Возьми небольшую луковицу и морковку и положи в кастрюльку с кипящей водой на 5 минут». Или что-нибудь еще в таком роде. На мой вопрос З.И. ответил, что важнее всего не буквально следовать рецептам, а импровизировать, сочетая разные рекомендации. «Во всем важнее всего методология», – сказал он по поводу кулинарии, хотя ясно было, что это универсальная установка, которая годится к любой науке – и к социологии, и к политэкономии, и к научному коммунизму.

Рядом были книги о рыбалке, поэтические сборники, тома научной фантастики, детективы, книги по истории, экономике, философии, социологии. Было видно, что библиотека складывалась целенаправленно и последовательно, любовно, по какому-то определенному плану. В комплектации и расположении книг чувствовалась какая-то система, своя методология. Среди книг, собранных З.И., было много дефицитных изданий: поэтические сборники, библиотека фантастики, книги по искусству. Позже я узнал, что у Захара Ильича была, действительно, система приобретения нужных книг. По праздникам, а иногда и по выходным З.И. обходил основные книжные магазины Перми и одаривал продавщиц шоколадками (а, может быть, и чем-то еще, например пробными флакончиками духов?). А те оставляли профессору нужные ему книжки. В Перми было несколько таких библиофилов, и З.И. был среди них в первом ряду.

Немного о поэзии. В то время, когда я еще учился в 9-м классе, З.И. как-то поинтересовался, чем я увлечен в современной поэзии. Я поделился тем, чем был тогда увлечен – двумя самыми в то время громкими и скандальными именами – Евгением Евтушенко и Андреем Вознесенским. Критика кипела возмущением по поводу обоих. Вознесенскому «клеили» формализм и авангардизм, что уже само по себе звучало как обвинение. А Евтушенко клеймили «дешевой популярностью» и обличали его политические провокации – с «Наследниками

Сталина», «Бабьим яром», «Автобиографией». Меня тошнило от всей этой чернушной кампании против молодых поэтов, и я от руки переписывал в общие тетради (за неимением самих сборников) стихи того и другого, которые отыскивал где только возможно: в периодике, в поэтических сборниках, в «Днях поэзии» и других альманахах. В 10-м классе я написал домашнее сочинение размером в общую тетрадь «Правда о Евтушенко и других» (сочинение, повлиявшее, в конечном счете, на мое поступление в университет: наш учитель литературы Зинаида Сергеевна Лурье передала это сочинение профессору Сарре Яковлевне Фрадкиной, та – моему будущему научному руководителю диплома Римме Васильевне Коминой; читал это сочинение поэт П.Г. Антокольский, симпатизировавший Е. Евтушенко и Б. Ахмадулиной). Вряд ли я показывал это сочинение Захару Ильичу, но устно мы с ним эти темы обсуждали.

Мне запомнилось, что З.И. твердо сказал про дежурную критику, что это – «пена», не заслуживающая серьезного внимания, что она вскоре будет совершенно забытой, а Евтушенко с Вознесенским останутся в истории отечественной поэзии навсегда. Захар Ильич на удивление хорошо знал русскую поэтическую классику: например, знал наизусть всего «Евгения Онегина» и массу пушкинских и других стихов; более того, он утверждал, что образованный человек просто обязан знать русскую поэзию на память (я-то не знал и очень стыдился этого). «Если проводить параллели с XIX веком, – говорил он, – то Вознесенский – это Пушкин нашего времени, а Евтушенко – Некрасов нашего времени». Я это понял в том смысле, что Вознесенский оттачивает форму и стиль, заботится о поэтической новизне, работает над стихом (т.е. ближе к «чистой поэзии»), а Евтушенко обращается к острым социальным темам, открыто публицистичен, а потому в формальном отношении несколько небрежен, зато активен и смел в обличении пороков общества и в защите интересов простого народа.

В доме Файнбурга–Козловой я впервые познакомился с самиздатом. Так, например, в папочке, где хранились пожелтевшие листки машинописи, я обнаружил стихотворение Евтушенко «Наследники Сталина» в совершенно незнакомой редакции (я и до сих пор нигде не встречался с этой версией, которая в 1963 году казалась гораздо более острой, лапидарной и поэтичной, нежели последующие версии). Мне запомнилась концовка этого стихотворения:

Пусть мне говорят: Успокойся, послушай, уймись;
спокойным я быть все равно не сумею:
пока на земле жив еще хоть один сталинист,
мне будет казаться, что Сталин еще в Мавзолее...

Эти строки (первые две) я сделал эпиграфом к своему вступительному сочинению в университет на тему «Образ человека будущего в советской литературе». Думаю, что литературоведы в штатском раскусили мою хитрость и хотели воспрепятствовать юному диссиденту получить высшее образование в Пермском госуниверситете. За сочинение я получил жирную двойку, затем исправленную на пятерку (видел своими глазами, когда подписывал свое дело в архив по окончании вуза; однако мой брат, Борис Вадимович, много лет спустя по долгу службы, как декан филфака, заглянувший в архив университета, не обнаружил на титульном листе моего сочинения соответствующих оценок и их исправлений. Загадка? Закономерность?).

Поначалу мы с Захаром Ильичом много обсуждали именно литературные темы. Видимо, сказывалось здесь мое поступление в университет на филологический факультет, да и сам я понимал свою специализацию вначале как сугубо филологическую. Хотя я и в единственной курсовой на 2-м курсе, и в дипломной работе писал о Достоевском и Толстом, т.е. о русской классике, мы больше обсуждали проблемы современной литературы. Еще на самом раннем этапе своих филологических штудий я от З.И. получил настоящий совет прочесть

две очень важные статьи Ю.Ф. Карякина в журнале «Проблемы мира и социализма» – одну о Достоевском [6] (с тех пор я внимательно следил за всеми публикациями Ю. Карякина о Достоевском), другую – о Солженицыне (которая позднее повлияла на замысел моей книги «От Горького до Солженицына») [7]. Обе рекомендации были исключительно актуальны и целесообразны, хотя, как я сейчас понимаю, особенно интересными были эти статьи с социологической точки зрения.

Зато самой непосредственной ненавистью было наполнено отношение Захара Ильича к литературе соцреализма, особенно послевоенного периода, памятной ему по годам учения в Московском университете и борьбе с космополитизмом. Среди этих сталинских «шедевров» упоминались и «Белая береза» М. Бубеннова, и творения Ванды Василевской и А. Корнейчука... Но особое место в этом ряду занимал знаменитый роман Семена Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды», получивший от «отца народов» едва ли не три Сталинских премии: одна за первую часть, вторая – за вторую, а третья – за фильм по роману (уникальный случай даже для Сталина). Роман Бабаевского был для З.И. просто притчей во языцех! Несколько раз он побуждал меня написать исследование (статью, курсовую или дипломную работу) об этом романе. Я был сильно заинтригован этим предложением.

Я, конечно, сразу прочитал это сочинение, но, несмотря на одиозное название книги, ничего интересного в нем не нашел. Роман показался мне скучным, занудным, затянутым, вялым и, разумеется, совершенно нехудожественным. Захар Ильич призывал меня проанализировать это произведение эпохи позднего сталинизма «во всеоружии литературоведческой техники». Я никак не мог понять, что это может дать современному читателю. И без всякой литературоведческой техники анализа с первых страниц было очевидно, что это слабое, беспомощное сочинение, с ходульными героями и ситуациями, конъюнктурной темой и банальным сюжетом, которое уже

в 1960-е годы никого не могло ничем заинтересовать. Даже с социологической или политической точки зрения, не говоря об эстетической или нравственной.

Под влиянием настойчивых увещеваний З.И. написать о «кавалере Золотой Звезды» у меня возникла идея – «во всеоружии филологической техники» проанализировать не менее одиозные романы Ивана Шевцова «Тля», «Во имя Отца и Сына», «Любовь и ненависть», как раз в это время, в 1960-е – 1970-е годы, широко распространившиеся в читающей массе обывателей с охранительно-консервативными взглядами. Я даже придумал вполне академическое название доклада «Традиции романа-памфлета Достоевского “Бесы” в творчестве Ивана Шевцова», но мой научный руководитель диплома Р.В. Комина отсоветовала – в связи с напряженной идеологической обстановкой на филфаке, результатом которой была прицельная критика самой Коминой и всех ее учеников и последователей. Комина справедливо посчитала, что все поймут, что я издаваюсь над такими «идейными» писателями, как Вс. Кочетов, Ан. Софронов, Ан. Иванов и т.п.

Другой советский роман, который не давал З.И. покоя, был «Знакомьтесь, Балуев!» В. Кожевникова. О нем уже сам З.И. упоминал в своей небольшой заметке, посвященной «прагматике гуманизма», которую он опубликовал, кажется, в ростовском издании – типа «Ученых записок» [8]. Насколько я помню, Файнбурга более всего возмущали в романе абстрактность, схематизм и примитивность подачи рядового «советского человека», его стандартность, нескрываемая фальшь в интерпретации советской действительности, трудовой деятельности, досуга, – как, впрочем, и в «Кавалере». И в 40-е, и в 50-е, и в 60-е годы схемы, по которым моделировалась повседневная советская жизнь, были сходными.

Зато настоящим открытием для меня явилось творчество Ильи Эренбурга. Я знал до этого Эренбурга как автора довольно посредственных и скучных романов «День второй»,

«Буря», «Падение Парижа». Во-первых, Захар Ильич открыл для меня «Хулио Хуренито», где в образе Великого инквизитора был воссоздан обобщенный, гротескный образ Ленина, самому Ленину, как утверждал З.И., понравившийся. Во-вторых, я впервые узнал, что Эренбург – большой поэт и прекрасный переводчик. Наконец, для меня настольной книгой стали знаменитые воспоминания Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (своего рода «Былое и думы» XX века).

Ради них я стал покупать в киосках журнал «Новый мир», а заодно читать всё, что в нем, под редакцией А. Твардовского, публиковалось: романы и рассказы, стихи, мемуары, публицистику. Но мемуары «Люди, годы, жизнь» (1960–1967) стали настоящим откровением: читая эти воспоминания, я узнавал имена людей, которые впервые слышал или о которых знал что-то смутное от своей бабушки, Софии Федоровны Лебедевой, учившейся в Петербурге до революции. Поэты, художники, политические деятели, ученые, о которых, преодолевая цензуру, писал И. Эренбург, – все представляли передо мной как terra incognita.

Эра гласности, даже бледного оттепельного разлива, была еще впереди, и чтение воспоминаний Эренбурга приоткрыло мне бездну неизвестного, скрытого, запретного, манящего, интригующего и к тому же представлявшего истинную ценность – историческую, культурную, художественно-эстетическую. Я впервые понял, что многое, официально неизвестное и запрещенное, собственно и является настоящим, заслуживающим глубокого изучения и понимания. И Эренбург, хранитель всей этой закрытой для других информации, сам ходил по лезвию бритвы, рискуя не только талантом, но и свободой и жизнью. Впрочем, позднее оказалось, что о многом задуманном и памятном Эренбургу так и не удалось тогда рассказать своим читателям [9].

Я помню, как З.И. рассказывал о встрече Ильи Григорьевича с читателями в клубе МГУ на Моховой – в самый разгар борьбы с космополитизмом. (Мне кажется, рассказчик и сам

присутствовал на этой встрече: впечатления были особенно яркими и волнующими.) Атмосфера в зале накалялась; выступавшие «читатели», видимо, заранее подготовленные и настроенные организаторами встречи, всё более резко и безапелляционно нападали на писателя, обвиняя его в низкопоклонстве перед Западом, в антирусских настроениях и едва ли не в сионизме. Заслуги автора как ведущего военного публициста, своими статьями вдохновлявшего бойцов на победу, были в одночасье забыты. Ведущие вечер еле сдерживали «негодование масс». И вот, когда напряжение достигло кульминации, «виновник торжества» попросил слова. Среди всё возрастающего шума он хладнокровно достал из кармана пиджака простую открытку и заявил, что хочет зачитать письмо «одного читателя». Публика продолжала шуметь. И далее было прочитано что-то вроде такого: «Всю ночь с восторгом читал Ваш роман (речь, видимо, шла о «Буре», законченной в 1947 году), поздравляю с успехом, жму руку...». И подпись: «Ваш И. Сталин». В зале наступила тишина. Потом раздались аплодисменты, «переходящие в овацию». Все встали и, вероятно, хором закричали: «Слава великому Сталину!». Так Эренбург переломил ситуацию в свою пользу, а может быть, и спасся.

Через окно «Нового мира» (голубой цвет журнальной обложки символизировал для нас чистое небо, прояснившееся после смерти Сталина и начала оттепели) З.И. Файнбург открыл мне (и, конечно, многим другим своим собеседникам) целые пласты литературных и вместе с тем актуальных в социальном и политическом отношении текстов, бесконечно раздвинувших духовный, мыслительный кругозор современности (1960-х и 1970-х годов).

Конечно, на первом плане журнальной литературы тогда был А.И. Солженицын. «Один день...», «Случай на станции Кречетовка» (так цензура исправила «Кочетовку», чтобы никто не подумал, что это намек на Вс. Кочетова, главного редактора «Октября» и постоянного борца с «Новым миром»),

«Захар-калита» (последний текст Солженицына, опубликованный до его высылки из страны). Затем – тексты военной прозы Василя Быкова – «Мертвым не больно», «Круглянский мост», «Атака с ходу» и пр. Затем – «Деревенский дневник» Ефима Дороша, статьи самого А.Т. Твардовского. О том, что поэмы главного редактора «Нового мира» («По праву памяти») не пропускает цензура, З.И. Файнбург знал не понаслышке: он печатался в «Новом мире» и бывал в редакции журнала. Тем временем пространство свободы – по мере укрепления брежневского правления – неуклонно сужалось...

Кроме упомянутых тем и авторов большое место в наших беседах занимала литература «популярных жанров». На первом месте, конечно, была научная фантастика, которой я сам увлекался с детства. Но для меня стало открытием, что фантастика – это не просто «космические приключения» и не просто воплощение научных мечтаний о технических изобретениях, а моделирование гипотетического будущего, форма научного или близкого к науке прогнозирования новых социальных отношений, форм общества, типов труда и культуры, в том числе – новых форм социального неравенства. Я помню, как меня поразила мысль (которую часто повторял З.И.), высказанная, кажется, С. Лемом (З.И. был с ним знаком, переписывался и общался, как и с братьями Стругацкими), что наихудшим неравенством, которое невозможно устранить и преодолеть, будет неравенство способностей, талантов. И такое общество будет особенно жестоким по отношению к своим незаурядным членам. З.И. рассказывал мне о проблемах, которые он обсуждал со знакомыми ему советскими фантастами – братьями А. и Б. Стругацкими, А. Громовой, Р. Нудельманом и др.

Многие новые произведения фантастики Захар Ильич читал еще в рукописи и с удовольствием сообщал, где и когда могут выйти в свет новые шедевры фантастического жанра – западные и советские. Так, своевременно мне удалось достать иркутский журнал «Байкал», в котором было опубликовано

«Второе нашествие марсиан», а затем и вторая часть «Улитки на склоне» (1968); первая часть «Улитки» затерялась в питерском сборнике «Эллинский секрет» (1966). Сложность прочтения этой повести (или романа) составляло то, что главы из первой и второй частей должны были чередоваться между собой. Но по цензурным условиям вторую часть было невозможно опубликовать в центре, тем более совместить с публикацией первой части. Публикация второй части «Улитки» и «Второго нашествия» (вместе с публикацией главы из книги А. Белинкова об Олеше под названием «Четвертый толстяк») стала каплей, переполнившей терпение властей. Журнал был изъят из продажи и библиотек (те же, кто подписался на журнал, в том числе З.И. и я, его, на удивление, получили); редакция журнала была расформирована, а портфель – ликвидирован. Что же касается повести «Гадкие лебеди» (1967), о которой много рассказывал Файнбург, то ее издание откладывалось с одного года на другой – до тех пор, пока рукопись Стругацких не появилась в самиздате, что означало фактически ее запрет.

Понимание того, что научная фантастика – тяжелое бремя ответственности за гипотетическое будущее, за смелость мысли, заглядывающей за горизонт истории, за горизонт человеческих возможностей, не дается сразу. Но наблюдения за судьбами писателей-фантастов и их произведений убеждает, что моделирование будущего – опасная деятельность, чреватая огромными рисками и невозполнимыми потерями [10]. Я иногда думаю, что увлечение Захара Ильича фантастикой, превратившееся в одно из магистральных направлений его социальных исследований, ставшее полем его выдающихся научных открытий, потребовало от него слишком высокой цены [11]. Недаром самый заветный и любимый его труд, посвященный научной фантастике, который он так хотел увидеть напечатанным, который он настойчиво продвигал в печать на протяжении более двух десятилетий, увидел свет лишь 17 лет спустя после его смерти [12]. Рукопись книги шла к читателю почти

четыре десятилетия и дошла – тиражом в 150 экземпляров... вместо нескольких десятков тысяч (для выполнения собранных издательством 50 тысяч заказов).

Увлекался З.И. и чтением детективов, считая их не только своего рода «гимнастикой ума», логическим тренингом, но и великолепными синкретическими и образными «зарисовками» социальных отношений и социальных коллизий. Но что конкретно З.И. говорил об этом жанре, я уже не помню, поскольку детективов не читал и «гимнастикой ума» не занимался. Для такого просвещенного читателя, каким был З.И. Файнбург, научная фантастика, вместе с детективами и документально-публицистической беллетристикой, составляли корпус текстов популярных жанров, уникальный материал, посредством которого можно было социологически изучать читательскую аудиторию, ее предпочтения и интересы, вкусы и убеждения, – ценностные ориентации, таким образом, отслеживать трансформацию советского социума, его различных социальных групп и страт и, далее, прогнозировать будущее советского общества.

3

Впрочем, чтение для Захара Ильича не было главным в жизни. Гораздо важнее для него было написание своих текстов. Может быть, еще важнее было их «проговаривание» на публике – от Галины Петровны и Гриши, от членов своей кафедры и лаборатории – до студентов, которым он читал лекции по социологии, не предусмотренные учебным планом, и до меня, случайного собеседника выдающегося ученого. Но все же написание научных текстов было на первом плане.

З.И. всю жизнь писал научные работы, а выходили они большей частью в мелких провинциальных издательствах и малотиражных изданиях, а многие так и не увидели свет. Огромный архив З.И. Файнбурга и его неизменного соавтора – жены и друга, единомышленника Г.П. Козловой свидетельствует об интенсивной работе научной мысли, не получавшей достойного признания и необходимого воплощения.

Сегодня, при виде этих двух или трех кубометров машинописи, хранящихся в мемориальной квартире Файнбурга–Козловой, особенно горько сознавать, что многие их идеи так и не увидели свет, что многие рукописи подвергались многократным и бессмысленным правкам с целью опубликовать ценой редакционных уступок хоть что-то из написанного, что неопубликованное одно тянуло за собой неопубликованное другое, третье, четвертое...

Широко известно знаменитое булгаковское изречение о нетленности мысли: «Рукописи не горят!». Как-то, рассуждая о творчестве Захара Ильича, Галина Петровна с горечью заметила: «Рукописи не горят, но исчезают в забвении...». И с ней нельзя не согласиться!

Я и сам долгое время писал научные статьи вхолостую. Отдавал их в разные издания, которые так и не выходили или выходили, но без меня, а сами рукописи терялись безвозвратно. Слушая З.И. Файнбурга, следя за его мыслью, за развитием его заветных идей, я нередко спрашивал его, где это будет опубликовано, чтобы, не спеша, вдумчиво прочесть всё это после выхода в свет. З.И. горько иронизировал: «У нас, марксистов, и так публикаций до фига и больше!». Однако шли годы, была защищена уже докторская диссертация, получено профессорское звание, а давно заявленные монографии всё никак не выходили. Как-то раз я напрямую спросил, когда же выйдет книга про социальные последствия НТР (фактически печатная версия докторской диссертации З.И.) и долгожданная книга о научной фантастике. Первая уже неоднократно объявлялась в тематическом плане издательства «Мысль»², а вторая значилась среди новинок «Политиздата»³.

² Файнбург З.И. Миражи современной утопии (Утопия в облике научной фантастики). Неопубликованная при жизни автора рукопись. – М.: Политиздат, 1974. План изданий, № 21. 10 п. л. Тираж 50 тыс. экз. Опубликована в Перми Г.З. Файнбургом только в 2007 году [11].

³ Файнбург З.И. Научно-техническая революция и развитие социалистического общества. Неопубликованная при жизни автора рукопись. М.: Мысль, 1975. План изданий, № 57. 18 п. л. Тираж 15 тыс. экз. Готовится к изданию.

Захар Ильич покривился: «Для “Мысли” – мыслей много, а для “Политиздата” – мысли не те». Сказано было, конечно, остроумно, но и горько и как-то обреченно. Мне показалась эта фраза даже какой-то судьбоносной формулой. С одной стороны, эта формула говорила о том, что идеи З.И. Файнбурга далеко опережали современную ему науку и смущали специализированные издательства – «Мысль» и «Политиздат». С другой стороны, эта формула свидетельствовала о неостребованности эпохой застоя такого большого мыслителя, каким был З.И. Файнбург...

А идеи разного плана его переполняли, и глубина этих идей, их новаторство были непосильны для понимания большинства, и донести эти идеи до всех желающих иначе как в устной форме было невозможно. Впрочем, устное их изложение также не достигало цели, потому что мысли были простые и не являлись общедоступными ввиду их нетривиальности. Наконец, все научные открытия, все научные концепции должны быть вовремя донесены до общества, должны быть вовремя услышаны, приложены к практике, а не превращаться в преждевременный архив – с тем, чтобы быть прочитанными, как «свет погасшей звезды»...

В этом заключалась известная трагедия эпохи, тяжело переживавшаяся многими великими учеными.

Конечно, З.И. Файнбург был настоящим, глубоким, искренним марксистом. Марксистом творческим, мыслящим, ищущим. Именно З.И. привлек мое внимание к ранним рукописям Маркса, которые надолго стали настольной книгой для меня и моих товарищей, увлекшихся проблемами отчуждения личности, отчуждения труда, гуманизма и свободы. Затем к этим текстам добавились другие – «Введение. К критике гегелевской философии права», «Введение. К критике политэкономии», «18 брюмера Луи Бонапарта» и т.п. По-новому раскрыл З.И. для меня и моих ровесников значение поздних ленинских работ, включая ленинское «Политическое завещание». Меня

удивило, что в тесной квартирке Файнбурга–Козловой нашлось место для собрания сочинений Ленина. Это было 2-е издание, отличавшееся от всех остальных тем, что в нем были подробные комментарии, составленные представителями «ленинской гвардии» во главе с Л.Б. Каменевым и Г.Е. Зиновьевым. Когда-то оно принадлежало отцу Галины Петровны, рабочему-выдвиженцу. Захара Ильича не смущали эти запрещенные к упоминанию имена и издания.

Мало того, марксизм вообще понимался им чрезвычайно широко. Социология 1920-х годов, публично заклейменная как «вульгарная» (В. Переверзев, В. Фриче, Ф. Шиллер и др.), вовсе таковой не была в глазах Захара Ильича. У социологов 20-х годов было чему поучиться социологам 60-х и 70-х. И если сравнивать социологию 1920-х с позицией тех, кто обличал ее как «вульгарную», то общественная мысль 1930-х годов, – говорил З.И., – была куда более вульгарной – и в социологическом, и в политическом смысле. Все суждения и оценки 1930-х были заданы атмосферой стремительно складывавшегося культа Сталина и идеологии сталинизма. Напротив, социологические идеи 1920-х формировались еще в начале XX века, у истоков Первой русской революции.

Еще больше Захар Ильич интересовался социокультурными работами А.А. Богданова (Малиновского), который пережил пик своей популярности в начале 1920-х, а во второй половине тех же 1920-х фактически был уже запрещен и вынужден был вернуться к своей первой гражданской специальности – врача, возглавив Институт переливания крови. Конечно, прежде всего З.И. отмечал заслуги Богданова как писателя-фантаста, создавшего замечательные научно-фантастические (во многом утопические) романы «Красная звезда» и «Инженер Мэнни» (которые в то время не только не были переизданы, но и лежали в спецхране) [13, 14]. Однако идеи романов лежали гораздо глубже.

Именно в «Красной звезде» (1908) А.А. Богданова, тогда члена ЦК (из пяти человек!!!) партии большевиков, Захар

Ильич нашел пророческие слова о возможности длительного перехода к социализму, о возможности его деформации в одной отдельно взятой стране, о возможности его гибели и возрождения вновь...

Но студентам моего поколения А. Богданов был известен только как автор идеалистической книги «Эмпириомонизм» [15], с которой, как и с другими его работами, резко полемизировал Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Богданов обличался на занятиях диамата и истмата как махист, идеалист, чуть ли не как богостроитель, как основатель вредной теории «пролетарской культуры» и Пролеткульта, осужденных Лениным.

Захар Ильич относился к Богданову положительно, считал его марксистом и как философа ценил гораздо выше Ленина. Богданова нужно читать всего, – любил повторять З.И., – особенно же его работы по теории общественного сознания, по теории культуры, по теории социализма. И конечно, его знаменитую (в свое время) «Тектологию» – «всеобщую организационную науку» – прообраз будущей кибернетики и теории управления (тогда она еще не была переиздана) [16].

Особое значение З.И. придавал богдановским идеям «коллективистского общества», которые сам взял на вооружение в своих социологических и философских исследованиях [17]. Ценил он и работы Богданова о «пролетарской культуре» [18], которые считал непонятыми, и в сталинское время – обогланными, а разгром Пролеткульта считал ошибкой, объяснимой непрекращающимся соперничеством Ленина с Богдановым, затемнявшим теоретический смысл идей «коллективистской культуры».

Еще одним любимым философом-марксистом у Захара Ильича был Антонио Грамши. Его «Тюремные тетради», с тонким и глубоким анализом тоталитаризма (не только итальянского, но и советского), З.И. считал шедевром социальной философии XX века. Он призывал читать и перечитывать трехтомник Грамши [19], который стоял у него на полках лич-

ной библиотеки, как образец творческого марксизма XX века, отыскивая параллели и аллюзии с современностью, поскольку это писалось не столько как анализ современности, сколько как прогноз на ближайшее будущее. Сегодня Грамши незаслуженно забыт, хотя его марксизм – «философию практики» следовало бы скорее назвать неомарксизмом – постленинским и постсталинским, едва ли не постмарксизмом XXI века.

Серьезным современным философом Файнбург считал и С. Лема. Особенно высоко он ценил его «Философию случайности», в то время не переведенную на русский язык (З.И. читал ее по-польски) [20]. Вдохновленный его примером, я пытался выписать Лема в Ленинской библиотеке, но мне этот двухтомник почему-то (?) не выдали, как и богдановскую «Тектологию»; прочел его я много лет спустя, уже в русском переводе. Пока же приходилось довольствоваться «Суммой технологии» [21], дважды отрецензированной З.И. Файнбургом – в «Новом мире» [22] и в «Вопросах философии» [23]. Прозрачная аллюзия с главным трудом Фомы Аквинского тогда понималась с трудом, а для Лема она была важна. Помню, как З.И. возмущался, что заглавие повести С. Лема «Głos Pana» было переведено как «Голос неба» вместо «Глас Божий / Глас Господен» (при этом терялось множество важных смыслов) [24]. Цензура и здесь постаралась не зря.

А кругом были догматики, конъюнктуришки, приспособленцы, для которых марксизм был не руководством к действию, а именно догмой, если не профанацией. Контролирующие организации и «ответственные работники» совали нос в каждую щель. Мне рассказывал с возмущением З.И., как обком партии потребовал, еще до всякого проведения социологического исследования, представить на утверждение анкету, которую, в результате, так и не утвердили, сочтя ее «ошибочной». Речь шла об анкете социологического исследования удовлетворенности трудом. В частности, одна из позиций опросника включала ответ «чистая совесть». Уж не знаю, какую-

такую контрреволюцию или антисоветчину усмотрели партийные бонзы в подобном варианте ответа. Но думается, у них не было даже такого понятия в лексиконе, как «чистая совесть». Это их и возмутило. Все они непрерывно «кривили душой», жили по принципу «чего изволите?». «Чистая совесть» была не для них. Но как должна отвечать на вопрос удовлетворенности трудом, например, секретарь-машинистка или референт какого-либо начальника? Работа нетворческая, однообразная, малооплачиваемая... И вот выход: чувство долга, «чистая совесть» и т.п. А обкомовцы придрались к «абстрактному гуманизму». И так – каждый раз.

На этом фоне постоянного мелочного и несправедливого контроля со стороны руководящих органов, о котором постоянно рассказывал З.И., меня поразило его очень доброжелательное отношение к тогдашнему главному редактору «Вопросов философии» академику М.Б. Митину. Всем известно, каким «философом» был этот сталинский выдвиженец (на пару с П.Ф. Юдиным и А.Г. Спиркиным). И каким «академиком». Вспоминают, что он не брезговал плагиатом, в том числе из трудов репрессированных ученых. Однако именно при нем З.И. сделал самые известные свои публикации в «Вопросах философии»⁴.

⁴ Многие гордились наличием хотя бы одной публикации в «Вопросах философии». У Захара Ильича их было пять: 1963, 1967, 1969, 1969, 1971 годов издания. И вдруг все обрывается... И только одна посланная в редакцию работа была дана в общем изложении дискуссии в 1977 году. А после прихода в 1977 году В.С. Семенова на должность главного редактора вообще ни одна работа Захара Ильича не была опубликована ни в каком виде. В эти годы его философско-экономические работы с Г.П. Козловой публикует Юрий Аронович Бжилянский в «Экономических науках»: 1976, 1979, 1981, 1984, 1985, 1987, 1989, 1990. Последней статьей, и последней опубликованной работой 1990 года, которую З.И. за несколько дней до смерти держал в руках, была статья с Г.П. Козловой «Формационный подход К. Маркса и развитие социализма» (см. [25]).

Все посланные Захаром Ильичем в 1963–1968 годах в «Вопросы философии» работы М.Б. Митин опубликовал (естественно, после рецензирования, обсуждения на редколлегии и того или иного редактирования).

Митин – и смелость; Митин – и либерализм – вот уж, казалось, вещи несовместные! Однако, как объяснял З.И., ларчик просто открывался: Митин ничего не боялся, ему нечего было терять, и ему ничего было не нужно. Он знал, что его не сделают президентом Академии наук или членом Политбюро ЦК, а академиком, членом ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР он был. Поэтому он мог и рискнуть, взяв на себя ответственность за отличную, но спорную публикацию. Признаться, этот эпизод я запомнил, хотя объяснение пришло позже. А может быть, и вовсе не пришло.

Когда я вернулся в Пермь из Усть-Кишертской средней школы, где отбывал «идеологическую ссылку» три года по распределению (благодаря мне туда, З.И. расхваливал эти места как идеальные для охоты и рыбной ловли, а мне советовал: «Какой из тебя охотник! Хоть бы рыбачить научился!»),

В связи со «смелостью» М.Б. Митина публиковать З.И. Файнбурга в «Вопросах философии» невозможно не вспомнить знаменитый пассаж из «Зияющих высот» Александра Зиновьева, которого хорошо знали (как и большинство прототипов персонажей этой едкой сатиры) Захар Ильич и Галина Петровна: «Как-то в либеральные времена собрались деятели культуры. Преобладали молодые и талантливые. Обсуждались всяческие проблемы, в том числе отношения академиков и молодых. Уговорили выступить ЭН. Тот нарисовал огромный зад и сказал следующее: “Крепко взявшись за руки, вокруг этой жопы стоят академики и лизут ее. За это она дает им деньги, чины, машины, ордена, дачи. Сзади напирает огромная толпа молодых. Академики кричат, что молодые рвутся кусать ее, и бьют молодых ногами. Бедная, бедная жопа! Она не знает того, что молодые не собираются ее кусать. Они рвутся ее лизать. Но лизать более квалифицированно и за меньшую плату”». Именно эта «молодежь» и не публиковала оригинальные и «еретические» мысли З.И. Файнбурга.

я никуда не мог устроиться на работу – ни учителем в школу, ни библиотекарем в районную библиотеку. Куда бы я ни обращался, меня узнавали (по фамилии) и отрезали: «Только с разрешения обкома партии!» Сказали мне такое и в Пермском политехническом институте, куда З.И. намеревался взять меня на какую-то мелкую должность – методиста кафедры или завкабинетом. Я был в отчаянии.

Только позднее я узнал (от Галины Петровны), что Захар Ильич, действительно, записался на прием к чиновнику обкома КПСС, заведовавшему вузами и научными заведениями, с тем, чтобы добиться для меня такого разрешения... Тщетно! В ответ на свои аргументы и просьбу Захар Ильич получил в отношении меня жесткий отказ. Как же! Я дважды прозвучал на областной партконференции – как пример идейного разложения среди студенческой молодежи (я скептически отозвался о Павке Корчагине как вечном примере для молодежи) и как объект идеологической недоработки партийных организаций вузов Перми...

И вдруг возникла идея – поступить на Пермский телефонный завод, при котором существовал ОНИОСПТ (отраслевой научно-исследовательский отдел социологии и психофизиологии труда), вместе с которым З.И. и его лаборатория готовили методику социального планирования на промышленном предприятии [26]... Захар Ильич и Галина Петровна в один голос воскликнули: «Ну, конечно! К Славе Иванову!». – Звонок З.И. – и вот, через несколько дней я уже был зачислен старшим техником отдела социологии труда (затем, правда, был отдел психологии труда), и я растворился в заводской стихии как иголочка в стогу сена. Этому способствовала и моя нищенская зарплата в 90 рублей (после школы – существенная разница!).

Две мои ранние, но важные для дальнейшего моего пути работы возникли под прямым руководством З.И. Файнбурга. Во-первых, работа на конкурсе молодых ученых по общественным наукам к 100-летию В.И. Ленин в 1970–1971 годах. Моя работа, занявшая первое место и награжденная дипломом, называлась

«Критика мелкобуржуазной концепции личности» (на примере маоизма). Хотя конкурсная работа, действительно, опиралась на труды Председателя Мао и другие источники китайского происхождения, имелся в виду всё тот же сталинский культ и другие подобные ему культы в соцстранах. Идеи З.И. на этот счет, впоследствии легшие в основание его книги «Не сотвори себе кумира» с подзаголовком «Социализм и культ личности» [27], давно волновавшие меня, нашли здесь адекватную почву.

Книга эта еще не вышла и еще до конца не была написана автором, но мы активно обсуждали ее концепцию. Особенно меня поразило, что на мой вопрос, неизбежно ли формирование культа личности при социализме или складывание в Советском Союзе сталинизма – скорее историческая случайность, З.И. ответил очень твердо, что формирование культа личности при социализме – совершенно неизбежно и непредотвратимо. Если бы не сложился культ Сталина, возник бы культ Кирова, Троцкого, Зиновьева, Бухарина и т.п., и отличия этих культов между собой (как и культов Мао Цзедуна, Ким Ир Сена, Фиделя Кастро, Хо Ши Мина, И. Броз Тито, Н. Чаушеску и т.п.) несущественны – по сравнению с их общим содержанием. Эта проблематика меня до сих пор занимает и волнует.

Другая моя работа, возникшая под влиянием З.И., – статья «Современное мифотворчество как эстетико-идеологический феномен», не имевшая шансов быть опубликованной на рубеже 1960-х – 1970-х годов, непосредственно опиралась на идеи Файнбурга, рассматривавшего три типа сознания (мифологическое, религиозное и научное) не только как следующие исторически друг за другом и вытекающие один из другого, но и как «надстраивающиеся» друг над другом и «снимающие» друг друга, как иерархическая смысловая конструкция целого. Статья была мною опубликована лишь в Москве – 28 лет спустя после ее написания [28]. Однако уже в ее начальном варианте концепция *архитектоники культуры*, соединяющая горизонталь и вертикаль культурно-исторического процесса, ставшая

основой моей докторской диссертации по теории культуры, получила свое обоснование, пусть еще самое эскизное, именно в 1970-м году, благодаря Захару Ильичу, ставшему первым читателем и критиком моей статьи.

В свое время, после окончания вуза, я получил приглашение от другого маститого пермского философа-марксиста – В.В. Орлова – поступить к нему в аспирантуру, притом что две мои рекомендации в аспирантуру – из Москвы, от министра высшего и среднего специального образования Столетова, и от ГАК, на защите диплома, оказались «потерянными» (а на самом деле спустя некоторое время подшитыми в мое дело с припиской как не востребоваанные). Предложение Орлова было лестным и неожиданным. Тем более, по замыслу Орлова, я должен был заняться соотношением биологического и социального, для чего следовало изучить биологию и философию в рамках пяти курсов университетского обучения. Хотя я мечтал в то время о филологической аспирантуре и должен был ехать по распределению в отдаленную провинциальную школу, предложение Орлова было соблазнительным, хотя и странным...

Проблему решил Захар Ильич. Конечно, он предпочел бы, чтобы аспирантуру по философии я проходил под его руководством, на его кафедре в Политехе. Если бы это было возможно, я, конечно, согласился бы. Но это было в то время практически нереально. И З.И. ограничился ироническими репликами: «Эх, профессор Володя Орлов! И что тебе сдались эти проблемы социального и биологического? Я эти проблемы решал для себя во время полового созревания, и никогда после. Женитьба поставила точку в обсуждении этой проблемы». И снова: «Эх, профессор Володя Орлов! Ну как же ты не поймешь, что проблема соотношения социального и биологического давно решена Фрейдом. Когда-нибудь и в нашей стране поставят памятник Фрейду; Фрейду, а не тебе».

Выслушав несколько раз эти тирады З.И. о соотношении биологического и социального, я вдруг понял, что заниматься

подобными проблемами мне будет неловко, скучно, смешно. И надолго выбросил из головы эту проблематику, так удачно скомпрометированную Файнбургом.

Стало совершенно очевидно, что научные проблемы, которые ставил передо мной З.И.: теории культуры и типологии культур, социологии культуры, ценностных ориентаций личности и социальных групп, творческого труда, научно-технического прогресса, социального планирования, образа жизни, культ личности и социалистического пути развития – гораздо сложнее, глубже, многообразнее, актуальнее, перспективнее, нежели единство и борьба противоположностей социального и биологического. Последнее, конечно, тоже имеет место в культуре и представляет собой своего рода архитектонику, но архитектонику культуры, а не уровней материи (что само собой разумеется).

Всё объясняется тем, что Захар Ильич Файнбург был ученым-гуманитарием универсального профиля: он был не только философом, но и экономистом, социологом, культурологом, политологом, историком, методологом, футурологом... Подобный междисциплинарный кругозор, чрезвычайно редкий среди гуманитариев, открывал перед ним научные горизонты, недоступные многим его современникам, и делал его труды на самые разнообразные темы основополагающими на десятилетия вперед. Однако время, в которое он жил, сделало эти труды практически недоступными последующим поколениям ученых. Наша общая задача – разрешить это противоречие и открыть заново блестящие идеи З.И. Файнбурга для современной науки.

Если бы это было возможно, я бы на титульном листе своей докторской диссертации в виде научного доклада «Архитектоника русской культуры» (М., 1998) [29] приписал: научный консультант – доктор философских и кандидат экономических наук, профессор Захар Ильич Файнбург. Это было бы правильно и справедливо. Вот только отзыва научного консультанта мне бы уже не удалось получить...

Список литературы

1. Шнейберг Л.Я., Кондаков И.В. От Горького до Солженицына: пособие по литературе для поступающих в вузы. – М.: Высш. шк., 1994, 1995, 1997.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – 5 изд. – Т. 23. – С. 43.
3. Файнбург З.И., Козлова Г.П. Технический прогресс и изменения в характере труда при переходе от социализма к коммунизму / Ин-т экономики АН СССР. – М., 1963. – 23 с.
4. Козлова Г.П., Файнбург З.И. Изменение характера труда и всестороннее развитие человека // Вопросы философии. – 1963. – № 3. – С. 55–62.
5. Файнбург З.И. Желанное, но трудное будущее. Рецензия на: Ст. Лем. Солярис. Фантастическая повесть // Новый мир. – 1963. – № 4. – С. 262–265.
6. Карякин Ю.Ф. Антикоммунизм, Достоевский и «достоевщина» // Проблемы мира и социализма. – 1963. – № 5.
7. Карякин Ю.Ф. Эпизод из современной борьбы идей (О повести «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына) // Проблемы мира и социализма. – 1964. – № 8.
8. Файнбург З.И. К вопросу о так называемой «прагматике гуманизма» // Проблемы гуманизма в марксистско-ленинской философии. – Ростов-н/Д, 1977. – С. 60–65.
9. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. – М.: Сов. писатель, 1990.
10. Файнбург З.И. Современное общество и научная фантастика // Вопросы философии. – 1967. – № 6. – С. 32–43.
11. Файнбург З.И. Предвидение против пророчеств: Современная утопия в облике научной фантастики: [мемор. изд.] / под общ. ред. проф. Г.З. Файнбурга; Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь, 2007. – 280 с.
12. Козлова Г.П. О судьбе рукописи «Миражи современной утопии: Утопия в облике научной фантастики» // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы со-

циальных исследований: материалы третьей науч. конф., посвящ. памяти проф. З.И. Файнбурга, Пермь, сент. 1996 г. / Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь, 1996. – С. 224–232.

13. Богданов А.А. Красная звезда. – СПб.: Изд-во С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1908.

14. Богданов А.А. Инженер Мэнни. – СПб.: Изд-во С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1912.

15. Богданов А.А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. – СПб.; М.: Изд-во С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1904–1906. – Кн. I–III.

16. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука: в 2 кн. – М.: Экономика, 1989.

17. Файнбург З.И., Козлова Г.П. Коллективистское общество: Идеал. Теория. Реальность: [мемор. изд.] / под ред. проф. Г.З. Файнбурга. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2012. – 352 с.

18. Богданов А. О пролетарской культуре 1904–1924 гг.: сб. ст. – Л.; М., 1924.

19. Грамши А. Избр. произведения: в 3 т. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1957–1959.

20. Лем Ст. Философия случая. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. – 767 с.

21. Лем Ст. Сумма технологии. – М.: Мир, 1968. – 608 с.

22. Файнбург З.И. Технология будущего. Рецензия на: Станислав Лем. Сумма технологии // Новый мир. – 1969. – № 12. – С. 271–274.

23. Файнбург З.И. Ст. Лем. Сумма технологии. Рецензия // Вопросы философии. – 1969. – № 10. – С. 152–154.

24. Файнбург З.И. В поисках формулы человеческого... [Послесловие] // Лем С. Навигатор Пиркса. Голос неба. – М.: Мир, 1971. – С. 585–591.

25. Файнбург З.И., Козлова Г.П. Формационный подход К. Маркса и развитие социализма // Экономические науки. – 1990. – № 6. – С. 24–37.

26. Методика социального планирования коллектива предприятия / Перм. политехн. ин-т, Лаб. социол. исслед., Перм телефон. завод, ОНИОСПТ. – Пермь, 1979. – 213 с.

27. Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира...: социализм и «культ личности»: очерки теории. – М.: Политиздат, 1991. – 319 с.

28. Кондаков И.В. Современное мифотворчество как эстетико-идеологическая проблема // Мир психологии. – 1998. – № 3. – С. 34–48.

29. Кондаков И.В. Архитектоника русской культуры: автореф. дис. в виде науч. докл. ... д-ра филос. наук. – М., 1998.

Кондаков Игорь Вадимович – д-р филос. наук, канд. филол. наук, профессор, профессор кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований Российского государственного гуманитарного университета, зампредела Научного совета РАН «История мировой культуры», вице-президент Научно-образовательного культурологического общества России, действительный член РАЕН, e-mail: ikond@mail.ru, igkondakov@yandex.ru.

Научное издание

**СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ,
МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

*Материалы XV (заочной) Всероссийской научной конференции,
посвященной памяти профессора З.И. Файнбурга*

Пермь, ноябрь 2016 г.

Корректор *В.В. Мальцева*

Подписано в печать 8.11.2016. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 24,5. Тираж 10 экз. Заказ № 189/2016.

Издательство
Пермского национального исследовательского
политехнического университета.
Адрес: 614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113.
Тел. (342) 219-80-33.